

Викки Латта

Я - МАГ ОГНЯ!

Академия высшей магии

Annotation

Есть ли у меня шанс? Не уверена. Но все равно я выложусь на полную, чтобы достичь своей цели – поступить в академию высшей магии.

Вот только одна встреча накануне вступительного экзамена изменила все. Из-за нее мой дар стал нестабилен. Из-за нее блестящий выпускник столичной академии, наследник могущественного древнего рода теперь может потерять все. Из-за нее мы оказались связаны.

Один секрет на двоих. Одна ненависть на двоих. Одни неприятности на двоих. И выбраться из последних – та еще задача. Но еще сложнее – не влюбиться в циничного и надменного аристократа, с которым нас, кажется, связывает не только магия...

- [Викки Латга](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
-

Викки Латта
Я – маг огня!

Глава 1

– Свежая сдоба – хрусти, снег под сапогами – хрусти, поясница сплетницы Мейзи – хрусти, парапет под ногами – не хрусти... – приговаривала я, цепляясь за малейшие неровности каменной кладки.

Ну еще бы не цепляться, когда ползешь вдоль стены высотки на уровне пятнадцатого этажа. А в голове две мысли. И если первая из них – как бы не разбиться, то вторая о том, что одна маленькая домашняя химера – большая такая сволочь!

А Силь, оставившая окно открытым, – еще большая зараза. Именно из-за распахнутой створки питомица подруги я и умудрилась очутиться на парапете. Причем если прогуляться над бездной магическая животиная вышла в образе элегантной кошечки, то на середине пути этой многоликой дуре взбрело в голову превратиться в неуклюжую собаку. И сейчас глупая тварюшка истерично перебирала лапами и скулила на одной ноте с жалобной интонацией «спаси!» в нескольких футах от меня.

Поначалу я пыталась приманить ее куском окорока из бутерброда и увещеваниями вернуться, но безрезультатно. Панический страх в глазах химеры свидетельствовал: многоликая паразитка так испугана, что просто ничего не соображает. И ужас, сковавший ее, не дает сделать и шагу.

Дождаться пару часов, когда приедет анимаг из службы спасения, было бессмысленно хотя бы потому, что у химеры этой пары часов не было. У нее и десяти минут могло не быть. С учетом того, как эта пушистая зараза дрожала. От такого тремора она могла грохнуться вниз в любую секунду.

Меж тем демонова химера вопила на одной ноте, и так проникновенно, что я решила рискнуть и со словами:

– Чтоб ты сдохла, Пуся, – с чувством произнесла и... полезла спасать.

Потому что эту дуру было жалко. Себя, к слову, жалко было еще больше, но я понадеялась, что парапет – крепкий и широкий, а я – худенькая. И мне все же хватит ловкости для спасательной операции. На магию, увы, полагаться не приходилось.

Дар, который проснулся во мне поздно, как сегодня на вступительном тестировании выяснилось, был слишком мал. «Почти спящий», – так емко охарактеризовал его преподаватель, определявший уровень магических способностей. Такой силы дара было недостаточно для поступления на прикладные факультеты. Но я не собиралась сдаваться. Если закрыт путь в практики, то для теоретика главное не степень развития его внутреннего источника, а знания. И завтра на экзаменах сделаю все, чтобы показать: все школьные годы я не зря как проклятая корпела над учебниками!

Главное, сейчас не сорваться.

– У-и-и, – жалобно завывала химера, пытаюсь уместить свой внушительный зад на приступочке, которая на поверку была гораздо уже, чем мне показалось из окна.

– Сейчас, малышка, сейчас... – Я уже наклонилась, чтобы ухватить Пусю за ошейник, как почувствовала, что один из камней под ногой обломился и...

Я все же выпустила химеру и схватилась за каменный край в последний момент. Многоликая тварюшка от испуга подпрыгнула, взвизгнула и обернулась. Мгновение ока, и пушистая большая собака стала упитанной крыской. Последняя тут же вцепилась в волосы у меня на голове. И вновь заверещала.

А я оказалась в подвешенном положении. За самые кончики пальцев подвешенном. Попыталась посмотреть вниз. Подо мной спешили прохожие, а чуть подальше, на мостовой, мчались, сверкая полированными боками, машины.

Суетливый шум вечно не спящего города: клаксоны, выкрики, визг шин и громкие зазывные голоса с зачарованных рекламных плакатов.

Даже если я сейчас попытаюсь позвать на помощь, меня навряд ли услышат. А если и услышат... Пока ринутся помогать, я успею десять раз разбиться. А в запасе у меня всего пара секунд. Больше я не выдержу.

Я осознала, что могу погибнуть. Вот когда лезла по парапету, как-то старалась не думать о плохом, а сейчас...

От этой мысли затылок неожиданно обожгло. Сердце бешено застучало, казалось, в самом горле. Да так сильно, что возникло ощущение: вот-вот выпрыгнет. И даже не из груди, а сразу изо рта.

Уши заложило, а по рукам... Я посмотрела на собственные запястья, которые сейчас светились. И это свечение уходило под рукава кофты. Могла поспорить, что и лицо мое начало сиять...

Как же не ко времени почти спящий дар выбрал именно этот момент, чтобы пробудиться. Я слышала, что резкий скачок потенциала порой происходит у магов в минуты сильного эмоционального волнения, перед лицом опасности. В моем случае, похоже, за пару секунд до собственной смерти...

Что ж у меня все так по-идиотски-то!

Я сглотнула, пытаюсь выровнять дыхание и собраться с мыслями. «Мне. Нужно. Выжить. Сконцентрируйся, Ники!» – приказала сама себе.

Кричать не вариант. Посмотрела уже не вниз, а чуть в сторону. Направо. Налево. Есть! Если попытаться оттолкнуться, то появится шанс упасть не на асфальт, а на небольшой балкончик, что был на два... точнее, с учетом моего положения, на полтора этажа ниже.

Спасительная мысль вселила надежду и... Сияние, что исходило от моих запястий, начало угасать. И плевать. Лучше быть живой с малым даром, чем могущественным магом, но посмертно. И даже если больше никогда не удастся пробудить свою силу – так тому и быть.

Я раскачалась и... Хотелось бы сказать, что оттолкнулась, но по правде – позорно сорвалась и попыталась сгруппироваться. Не знаю, сильно бы это мне помогло, упави я на асфальт. Разве что для тех, кто отскребал бы мое тело с земли, кучка была бы более компактной.

Но мне повезло, и я все же удачно приземлилась, а точнее прибалконилась. При этом больно ударились спиной и, кажется, что-то себе сломала. Вот только что: кости или психику, – еще не определилась.

Когда звон в голове прекратился, а химера стала верещать на порядок тише, я рискнула открыть глаза.

– Драконья задница... – выругалась я и поморщилась. От удара болело все тело. Думаю, что лекарь в моем диагнозе написал бы «Ушиб всей Николь Роук». Но чтобы целитель это сделал, нужно сначала до него добраться. А для этого стоит хотя бы встать.

Поэтому я сначала оказалась на четвереньках, потом осторожно выпрямилась и поняла: хотя у меня болит почти везде, но не так сильно, чтобы я не могла, скажем, сделать шаг или опереться на руку.

Да и в груди тянуло, но не до острой боли. Так что я робко понадеялась, что отделалась ушибами.

Химера все еще сидела у меня в волосах и, судя по тому, как она лапами вцепилась в пряди, покидать облюбованный «насест» не собиралась.

Я посмотрела на дверь балкона, прикидывая, сумею ли я разбить стекло, чтобы выбраться, или лучше дождаться хозяев. И есть ли те вообще? Или номер пуст и его еще не сдали? Но для начала решила дернуть ручку, и... Створка оказалась лишь прикрыта. Я толкнула ее и зашла в комнату.

Что ж... Одно я могла сказать точно: в номере жили. Активно так, судя по смятой постели. Благо эта самая активность сейчас была в районе душа: из ванной комнаты слышался плеск. Решив, что беспокоить хозяев – дурной тон, я на цыпочках двинулась к выходу и...

Рядом с моей щекой, обдав кожу холодам, просвистела ледяной стилет и врезался в косяк. Навершие острого шипа явно намекало, что меня обнаружили и просят слегка подзадержаться. Я медленно на каблуках обернулась и увидела злого мага. Нет, не так – **ОЧЕНЬ ЗЛОГО МАГА!** И притом почти голого. Накачанное поджарое тело прикрывали лишь небольшое полотенце на бедрах и пена на плечах.

А на ладони у него бесновался водный смерч, готовый цепным псом сорваться в мою сторону в любую секунду.

– Какого первородного? Как ты попала в мой номер? – голос говорившего звенел сталью. Но даже в таком варианте имел широкий эмоциональный, а если точнее, то матерный диапазон.

Я прищурилась и, стараясь выгадать время, спросила:

– Знакомое лицо... Я, случайно, не тебя сбила на Ист-авеню вчера? Постой, или ты тот парень из клуба... – вопрос подбирала максимально идиотский, чтобы обескуражить противника. А стоявший передо мной им определенно был. Причем очень опасным.

Высокий, светловолосый, жилистый. Его поджарое тело явно привыкло к тренировкам и нагрузкам. Рельеф мышц на руках и груди пересекали тонкие нити застарелых ожогов. Я чувствовала в стоявшем передо мной типе бойца. Опасного. Неумолимого.

Прямой нос. Высокие острые скулы. Чуть резкий разлет темных бровей, контрастировавших с почти пепельной короткой шевелюрой –

признак высших. Особенность, которая бывала лишь у потомков древних родов, что славились чистотой своей крови.

Передо мной был воин, которому везде удобно и вольготно, как у себя дома. Он везде был своим. Уверенный, сильный, опасный, настойчивый и упорный, как сама жизнь.

А еще в незнакомце было с лихвой непрошибаемого высокомерия. Последнее легко читалось во взгляде – холодном и циничном.

И даже сейчас, когда маг прищурился, его глаза смотрели так, что могли бы заморозить целое озеро. До дна.

– С воровками я не якшаюсь, – отчеканил хозяин номера, пройдясь ответным изучающим взглядом по моей фигуре, от некогда бежевых облегающих штанов и белоснежного джемпера до растрепанной льняной макушки.

– Я. Не Воровка, – бросила я и вскинула подбородок. Да что этот тип о себе возомнил! – Я случайно упала, точнее, попала сюда. Через балкон. И уже ухожу...

Злость стала подниматься волной. Адреналин в крови после пережитого бурлил. А кончики пальцев вновь зазудели. И я почувствовала, как внутри вновь просыпается дар.

– Не так быстро. Сначала выверни карманы.

Что?! Может, не будь я на эмоциях, посчитала бы требование незнакомца нормальным, но сейчас...

Я чуть не убилась, эта демонова химера продолжала сидеть у меня на голове, дергая лапами за пряди и медленно, но верно снимая скальп, мое тело было всё одним сплошным синяком, дар, который находился в нестабильном состоянии, не придавал спокойствия и... Одним словом, я сделала то, что делает всякая нормальная, адекватная и уравновешенная девушка в критической ситуации, – психанула!

– Какого дракона ты от меня что-то хочешь?! Я полезла за этой, – ткнула пальцем себе на голову, где копошилась Пуся, а потом, сцапав тварюшку, все же с остервенением выдрала ее из косм и посадила в карман штанов, – химерой, едва не угробилась, чудом выжила, и теперь от меня еще что-то требуют. А не пошел бы ты...

И тип действительно пошел. Правда, это было куда-то в мою сторону. Миг – и он оказался близко. Очень близко. Так, что его дыхание касалось моего. И мне бы замереть, остановиться, не кричать... Но я уже банально не могла. Эмоции переполняли и...

«Влепит пощечину», – мелькнула отстраненная мысль на периферии сознания. А что – отличный способ унять истерику. Но блондин выбрал другой. Тоже действенный. Из тех, которые мужчины издавна используют, чтобы прервать с дамой неудобный разговор. Меня поцеловали.

Я почувствовала твердость сильного мужского тела, прижатого ко мне. И как намочла моя кофта от пены, что была на блондине. И как мужские губы жадно накрыли мои, чуть приоткрытые от удивления. И если поначалу поцелуй был напористый, жёсткий, то чем дольше все это продолжалось, тем касания становились все более чувственными.

Истерика отступила, и я вдруг в полной мере ощутила, как во мне пробуждается дар – словно дремавший огнезмей, разворачивает свитые после спячки кольца согбенного тела.

А поцелуй незнакомца становился все откровеннее. И самое удивительное, что я отвечала откровенностью на эту откровенность. Чувствовала руки, скользящие по моему телу, горячее дыхание и в ответ звенела натянутой струной, плавилась воском, рассыпалась песком, чтобы возродиться вновь.

Я отвечала. Страстно. Дико. Горячо. Жадно. Забыв обо всем, кроме одного – своего дара, который начал активацию, когда моя жизнь висела на волоске, и продолжал раскрываться сейчас... Главное, не прерываться и...

Маг тяжело, словно борясь с собой, отстранился от меня, выдохнул и сухо произнес:

– Я закончил. Ты и вправду ничего не взяла из номера...

Пришло осознание того, что этот гад совместил полезное не только с еще одним полезным, но и приятным: прекратил истерику, обыскал меня под предлогом поцелуя и, собственно, поцеловал.

– Ты закончил. А я еще нет, – с этими словами я решительно шагнула вперед и закинула руку блондину на шею. Заставив этого типа (ну и высокий же, оказывается!) наклониться и продолжить то, на чем мы прервались.

Не сказать, чтобы он этому сильно-то сопротивлялся. Скорее наоборот. Победная ухмылка исказила его губы. Видимо, тип решил, что я так впечатлена его техникой поцелуя, что потеряла голову... Наивный.

Мы с незнакомым магом стояли посреди гостиничного номера. Через открытую балконную дверь порыв ветра принес не только звуки улицы, но и пару ярких кленовых листьев. А еще толкнул меня в бок. Да так, что я пошатнулась, еще ближе прижавшись к магу. Да, это был точно ветер. Только он. Никаких сомнений.

Наши с незнакомцем губы встретились. И этот поцелуй, в отличие от первого, имел вкус. Словно я отхлебнула горячего вина с имбирем и корицей. Поначалу губы мага были жесткими, а потом он ответил. Напористо, чувственно, жадно. И я захмелела от этих прикосновений.

Сила во мне зазвенела, а по венам вместо крови прокатился дикий огонь. Я выгнулась, застонав. Открыла глаза и увидела, что свечусь. И этот нестерпимый свет заставил не только одну меня замереть.

Незнакомец отстранился, прервав поцелуй, и посмотрел на меня. А по ощущениям – выстрелил в упор. Его вид без слов говорил: он все прекрасно понял. Я использовала его.

Свободная мужская рука еще держала мой затылок, зарывшись пальцами в распущенные волосы.

Но что удивительнее – и по коже мага начали пробегать искры. Только, в отличие от моих, они были льдисто-синими.

– Значит, решила инициироваться за мой счет? – голос его звучал при этом как-то глухо, почти хрипло.

– Да, – не стала скрывать я и поразилась, что и мой звучит столь же надсадно. Прикусила губу, глядя в ярко-голубые глаза мага, а затем добавила: – Так что извини, меня не поразили твои страсть, напор и опыт. Это был просто деловой интерес.

– Так не поразили, что в тебе проснулась сила? – Маг скептически изогнул бровь. – Обычно для этого требуются куда более активные действия.

И пусть он даже не посмотрел в сторону постели, но она прекрасно поняла намек. Оценила. И решила отказаться. Тем более что, судя по внутренним ощущениям, инициация уже шла полным ходом и добавочных стимулов больше не требовалось.

Поэтому я положила ладонь на мужскую грудь, стараясь этим жестом отгородиться от мага. И, легко похлопав по напряженным мышцам, сухо произнесла:

– Спасибо за помощь.

– Думаешь, так просто уйдешь? – прищурился он.

– А почему нет? – Я вскинула бровь.

Сияние тела медленно затухало. Но это был лишь внешний эффект. Внутри меня бушевал шторм. И лучше бы мне было убраться отсюда, пока я могла себя еще хоть как-то контролировать. Потому что чувствовала: еще немного – и сорвусь. Пробудившийся дар оказался сильным. И очень нестабильным. Мне нужно было сконцентрироваться, чтобы его подчинить, пока он не подчинил меня.

Я отняла руку от груди мага, собираясь сделать шаг назад. И в этот момент ладонь ожгло. Да так сильно, словно кожу на руке облили кипящим маслом. Я вскрикнула. Незнакомец тоже дернулся, как от удара.

А в том месте, где еще секунду назад были мои пальцы, на коже мага виднелся отпечаток моей руки.

Надеюсь, он воспринял это как намеренное использование магии, чтобы охладить его пыл, а не то, чем это было на самом деле – спонтанным всплеском моего дара.

Я украдкой посмотрела на собственную ладонь: ее покрывал иней. Сжала ее в кулак и, вскинув голову, отчеканила:

– Ты меня облапал... – я едко усмехнулась. – Прошу прощения, обыскал, я тебя использовала для инициации. Мы в расчете.

Кто бы знал, чего мне стоило сыграть роль стервы. Самоуверенной, холоднокровной, невозмутимой. Потому что только такую девушку этот маг мог отпустить. Не сомневающуюся мышку, не наивную дурочку, которая встретила лорда своей мечты, не милую простушку... Таких бы он непременно попробовал удержать и инициировать до конца. В постели. Потому что почувствовал бы свою добычу.

А то, что в глубине голубых глаз уже зажегся охотничий, истинно мужской азарт, было видно.

Поэтому я резко развернулась, так что волосы ударили мага по лицу, и с идеально прямой спиной подошла к двери. Открыть ту мешал торчавший ледяной стилет, хотя сейчас уже он изрядно оплыл. Обхватила его рукой, напрягая мышцы. И на миг представила, что у меня не получится выдернуть ледышку с первого раза. Тогда придётся упираться коленкой в стену и... прощай, мой эффектный уход. Как и любой уход в принципе.

Этот полуголый тип опомнится, и уже так просто мне будет не ускользнуть...

Пальцы сначала ожгло холодом, а потом я почувствовала, как по мне струится магия и... Если коротко: ледышку я выдрала. Вместе с косяком. И, откинув сомнительную добычу в сторону, дернула дверь и перешагнула порог. А когда створка за моей спиной закрылась, я припустила во все лопатки по коридору. Роль стервы сыграна, пора было становиться спортсменкой. А конкретнее – поучаствовать в спринтерском забеге от неприятностей.

На свой этаж я буквально взлетела по лестнице. Приложила руку к пластине, которая заменяла замок, и, когда та засветилась, толкнула дверь. И лишь когда оказалась в нашей с Силь комнате, я смогла выдохнуть. Прислонилась к закрытой створке и почувствовала, как подгибаются колени.

Я съехала вниз. Сил сделать хоть шаг не было. Поэтому так и осталась сидеть у порога, чувствуя лопатками и затылком гладкую поверхность лакированного дерева.

Руки дрожали, в горле стоял ком, голова превратилась в кисель так, что я практически уже не могла связно мыслить, а тело... Его словно выворачивало наизнанку. Неужели так должно быть при экстремальной инициации?

Писк вернул меня в реальность. Химера выбралась из кармана и сидела рядом со мной. Глядела таврюшка при этом отнюдь не на свою спасительницу, а на окно, которое я оставила открытым.

Нет. Второй раз я спасительницей быть не желала! Лучше уж диктатором, поработителем и угнетателем свободы выгула по карнизу! Поэтому на четвереньках я доползла до подоконника. Вставать на ноги не было сил. К тому же я опасалась, что банально могу не устоять и упаду.

И лишь когда я трясущимися пальцами закрыла задвижку, то услышала за спиной возмущенный писк химеры. Плевать.

Это была последняя связная мысль перед тем, как я упала на кровать и провалилась в забытье. Сквозь тяжелый, вязкий сон я слышала, что кто-то вроде бы стучался, но сил не было не то что открыть дверь, даже глаза. И я вновь утонула во мраке, напоминавшем скорее клейкую, тягучую и противную смолу, чем грезы.

А вот проснулась я, когда солнце уже почти скрылось за горизонтом и его последние кроваво-багряные лучи окрасили гостиничный номер в тона кошмара. Причем не абы какого, а с приторно-сладковатым оттенком безумия.

За последнее отвечала химера, обратившись на этот раз в ящерицу, у основания шеи которой сейчас был встопорщен круглый кожистый капюшон. Пуся была занята привычным делом – орала на одной ноте. При этом она сидела на моей груди и истерично молотила хвостом по животу.

Судя по воинственному виду питомицы Силь, химера хотела не есть. Нет. Она явно хотела жрать! Всего. И побольше! И ей было плевать, что какой-то презренный человек валяется полутрупом. Да даже если бы я была беспросветно мертвой, Пуся дозволялась бы меня с того света, чтобы я восстала и наложила ей в миску корм.

– Да сейчас, зараза хвостатая, покормлю я тебя, – сипло почти прошептала я.

Химера тут же заткнулась, ее воротник прижался к телу, и юркая ящерка удрала с моей груди, в мгновение ока оказавшись у своей пустой посуды.

Я же встала и шатаясь направилась к подвесному шкафчику, где и стояла банка с Пусиным лакомством. Благо идти было недалеко. Весь гостиничный номер был в длину не больше полутора десятков шагов. Да и «номер» – слишком громко сказано.

Гостиница находилась рядом с академией. И главным ее отличием от банального адептского общежития было то, что здание располагалось вне закрытой территории кампуса.

В здешних стенах часто останавливались абитуриенты, приезжие маги, которые прибывали в столицу по командировке или личной надобности и были не слишком требовательны к комфорту, да и простые туристы тоже были в этих номерах частыми гостями. А все потому, что, несмотря на аскетичность сдаваемых комнат, гостиница находилась почти в самом центре столицы. И опять же плата за постой была не заоблачной, а номера – скромными, но чистыми, и сюда пускали постояльцев с домашними питомцами.

Мы с Силь выбрали данную гостиницу именно по этим причинам. Интересно, а что побудило остановиться в отеле того типа двумя этажами ниже? Что-то мне подсказывало, что этот тип из

высокородных. А у таких обычно нет проблем с деньгами, как, например, у меня и Силь. Преимущественно у меня, конечно.

Подруга до недавнего времени была единственной и любимой дочерью своих родителей. Но год назад в семье Клеринсов на свет появилась еще малышка. И весь мир в пределах одного дома стал вращаться вокруг этой крохи.

К слову, именно по данной причине родители подруги не поехали с ней в столицу «контролировать поступление» ветреной Силь, а поручили это мне. Я с этой задачей справлялась плохо: рыжеволосая красotka почти не брала в руки учебник, зато порхала с одного прослушивания на другое. Вот и сейчас она была на каких-то пробах...

Хотя уровень дара подруги был выше моего и позволил ей претендовать на место абитуриентки на факультет прикладной магии. И если она завтра поступит, то, возможно, через семь лет сбудется мечта мистера Клеринса, который очень хотел видеть свою дочь с дипломом бытового мага. А потом торжественно передать ей в управление свой магазинчик чародейских снадобий.

Вот только сама Силь мечтала о другом. О славе, толпе поклонников, богатстве... В общем, стать певицей. А вот провести несколько лет на студенческой скамье ее не прельщало. Но она поклялась отцу попробовать поступить в академию. А я, как ответственная подруга, обещала господину Клеренсу присмотреть за его дочуркой. Чтобы та приложила все старания при прохождении экзаменов.

– Как ты думаешь, Силь придет сегодня до полуночи или, как вчера, под утро? – поинтересовалась я у химеры.

Тварюшка ожидаемо ничего не ответила. Лишь громко выразительно сглотнула, намекая, что мысли о хозяйке – это, конечно, хорошо, но о еде – еще лучше.

– Ешь, пролотина... – с этими словами я высыпала корм в миску животного.

Та накинулась на угощение с жадностью. Ее хвост-оплетка завилял из стороны в сторону и спустя несколько мгновений стал обрастать шерстью. Да и сама химера начала менять облик, из ящерицы становясь кошкой.

Я посмотрела на очередную трансформацию этой паразитки и подумала, что какой бы облик ни принимала эта зараза, мозгов в ее

черепушке от этого не прибавлялось. За те две недели, что мы жили с подругой в столице, ее питомица вымотала мне столько нервов, что на пару клубков хватило бы. Хоть носки садись вязать.

И я как-то спросила Силь, зачем она взяла это исчадие мертвых земель с собой. На что рыжая красотка ответила, что эта Пуся – то единственное существо, для которого она, хозяйка, всегда будет самой важной в ее химеровой жизни.

А я вздохнула и поняла, что вот эта почти безмозглая тварюшка стала для подруги своеобразным лекарством: Силь хоть и радовалась появлению младшей сестренки, но вдруг поняла, что теперь она не единственная-любимая-обожаемая у родителей. И не все внимание мамы и папы отныне принадлежит ей.

У меня таких проблем не было. Когда в семье у тебя трое братьев и еще две сестры, с детства привыкаешь внимание родителей отвоевывать. Как и деньги на карманные расходы. Потому что нас много, а папина зарплата – одна. По этой же причине я с четырнадцати лет стала подрабатывать после школы. А в шестнадцать, когда выяснилась, что у меня есть пусть слабый, но дар, твердо решила: это мой шанс поступить в академию!

Глава 2

Правда, решить – это одно. А вот воплотить... Но для меня это был шанс. И я не собиралась его упускать: сидела над учебниками как проклятая, тренировалась, потому что для поступления в академию высшей магии на некоторые факультеты нужна была еще и физическая подготовка.

Силь, у которой дар пробудился в десять лет, только недоумевала, глядя на меня: зачем я надрываюсь? По словам ее отца, в свое время окончившего факультет бытовиков, только боевые маги сдавали нормативы. Я на это ничего не отвечала, лишь продолжала бегать по пять миль каждое утро и отжиматься.

Потому что втайне мечтала поступить именно на боевой факультет, стать стражем Периметра. Тем, кто охраняет границы людских земель от диких драконов. Эти крылатые твари когда-то были бичом человечества: они жгли города и селения, убивали все живое на своем пути... И не было на них управы. Но чуть меньше тысячи лет назад маги объединились в ковен и совместно выстроили защиту. Периметр.

Он отделил мертвые земли, где обитали крылатые змеи, от земель человеческих. Гигантский купол накрыл огромнейшую территорию. Через него могли спокойно проплывать кучевые облака, он не был препятствием для ветров и даже стай птиц. Но едва его пытались преодолеть дракон, как охранная сеть, напоминая соты, тут же вспыхивала яркими сполохами, которые были видны за тысячи миль. И все, кто видел эти зеленые лучи, знали: крылатые змеи пытаются прорваться.

И на пути этого прорыва всегда были стражи – маги стихий, защищавшие наш мир от кровожадных крылатых змеев.

А еще, помимо прочего, на боевом факультете стипендия была в три раза выше, можно было не думать о трудоустройстве, жилье и жаловании. Для той, кому родители могли помочь только моральной поддержкой и советом, последнее было немаловажным.

Потому я и старалась изо всех сил. Но если зачет по физической подготовке я сдала, пусть и не на «превосходно», то с уровнем дара,

увы, вышла незадача. Но я не собиралась отступить: не на боевой, так в теоретики. Главное – поступить.

А на следующий год я попробую перевестись. Все же я не теряла веры, что у меня все получится, пусть и не с первого раза. Тем более что сила, кажется, начала пробуждаться. Сейчас я чувствовала себя гораздо лучше, чем несколько часов назад, тело не трясло в лихорадке. Была лишь слабость. Я постаралась прикоснуться к источнику стихии, прислушаться к себе и...

– Мяу... – раздалось требовательное снизу.

Опустила взгляд. У ног, выписывая восьмерки, терлась пушистая прелестная кошечка.

– Вот чтоб тебе не превратиться в такую там, на карнизе, – устало посетовала я.

Ответом мне был полный укоризны взгляд химеры. Кошачья морда словно без слов возмущенно говорила: «И это мне вместо благодарности?» Хотя... наверняка мне это показалось. Питомица Силь, скорее всего, просто была недовольна: ей мало положили в миску.

Но я не успела досыпать корм, как дверь распахнулась, явив блудную хозяйку несчастной, не докормленной до состояния полного окабанения животинки.

– Ники, ты не поверишь, – с порога начала подруга. – Я прошла прослушивание! И с завтрашнего дня я выступаю в элитном клубе.

Она широким жестом захлопнула дверь и счастливо закружилась по комнате, а затем, смеясь, упала на кровать.

Облегающее алое платье с глубоким декольте и высоким разрезом до бедра, острые шпильки на стройных и казавшихся бесконечно длинными ногах – Силь была ожившей мужской грезой. И подруга умело этим пользовалась, еще в школе умудряясь с легкостью жонглировать целой толпой ухажеров.

– Ник, у нас есть чего-нибудь выпить? Мою победу надо отметить!

– Минеральная вода. – Я посмотрела на ополовиненную бутылку.

– А покрепче? – надула губки подруга, садясь на кровать.

– Из покрепче есть утюг. Он точно очень твердый. – Я кивнула на предоставленную гостиницей утварь. Та была громоздкой. И, судя по виду, созданной году в пятом. Причём не нашего века, а просто в

пятом. До сотворения Периметра. – Им даже гвозди забивать можно. Я пробовала. С первого раза по самую шляпку загнала.

– Ники, какая же ты скучная, – махнула рукой подруга.

– На языке обычных людей это называется «прагматичная». – Я не стала обижаться и добавила: – Так что держи: вот это выпить, а вот это закусить.

С этими словами я поставила на прикроватную тумбочку рядом с Силь стакан и положила учебник.

– Ты издеваешься! – догадалась подруга.

– Есть немного, – не стала отпираться я. – Из-за твоей невнимательности Пуся чуть не выпала из окна. Тобой открытого окна.

– Ах! – вырвалось у Силь, и она от испуга закрыла рот обеими руками.

– Не переживай, сейчас с ней все в порядке. И со мной – почти – тоже.

И я кратко пересказала, как полезла за химерой и едва не упала. Правда, ту часть, где в номере обнаружился хозяин и что после этого произошло, я пропустила. Поэтому мое повествование вышло кратким.

– Извини. – Силь была действительно потрясена, огорчена и подавлена. И уже не лучилась радостью. – Я не подумала...

Она порывисто поднялась и обняла меня. А спустя несколько секунд я слышала рыдания.

– Прости, прости, прости, – судорожно затараторила подруга, всхлипывая мне в макушку. Она и так была выше меня, а уж на высоченных каблуках – и вовсе. Но сейчас подруга этого не замечала, дрожа всем телом.

В этом была вся Силь. Эмоциональная, ветреная, порой взбалмошная, но искренняя. И готовая прийти на помощь. Именно так мы с ней и познакомились.

Я тогда пришла в первый класс в начале учебного года, в стареньком платье, доставшемся от старшей сестры. За мой несуразный вид в заштопанной и чуть линялой одежде с чужого плеча меня и стали дразнить Эндрю Тинк и его прихлебалы. Они зажали меня в углу рядом с раздевалкой и, встав полукругом, так чтобы я не смогла убежать, начали толкать в плечи, обзывая «поношенной». Я уже приготовилась за это разбить нос главному обидчику, ну и его

приятелям, если удастся, но тут на мою защиту неожиданно встала Силь. Она проходила мимо, услышала смешки и решила заглянуть за угол...

Правда, миротворец из нее вышел тот еще: по итогу нас пятерых все же вызвали к директору. У Тинка оказались подбитыми оба глаза, у одного его дружка на месте носа красовалась слива. Все это – моя работа! А вот третий был почти лысым и с расцарапанным лицом. Мастером альтернативной стрижки и макияжа выступила уже Силь. Она так крепко вцепилась в светлые лохмы обидчика, что едва не сняла с него скальп. Видимо, у нее сказался опыт девчачьих разборок, где основные приемы были выдирательно-царапательного плана.

Вызванные родители отреагировали по-разному: отец Тинка отвесил сыну подзатыльник за то, что его побил девчонка. Мой папа, которого вызвали прямиком с работы, был зол, но, узнав о сути произошедшего, тайком показал мне большой палец и подмигнул. А директора еще и заверил, что научит меня паре армейских приемов, чтобы я в следующий раз могла за себя не только постоять, но и попрыгать, побегать и приложить волшебной палочкой, выдранной из забора...

На это заявление мамочка одного из приятелей-задирал, того самого, ошипанного, едва не устроила истерику, грозясь, что напишет в департамент образования, чтобы нас с Силь отчислили из класса как опасных для общества. На что мистер Клеринс протянул ей бумагу со словами:

– Пишите, я передам брату, он рассмотрит...

Так я узнала, что дядя Силь – глава департамента образования. На этом скандал как-то сам собой стих.

Дома нас, конечно, отчитали, но, судя по тому, как в следующий раз, спустя пару месяцев, Клеринс расквасила нос Тинку, не меня одну папа тем вечером научил, как нужно давать сдачи.

С той приснопамятной выволочки у директора мы и сдружились с Силь. И пусть мы с ней были по характеру полными противоположностями и мне порой часто хотелось придушить эту рыжую заразу, но... Это была своя, родная ветреная зараза. И я никому не позволила бы ее обидеть. В моем отношении Силь думала примерно так же, правда «ветреная» заменяя на «занудная».

– Ну, давай рассказывай про свои пробы, и потом будем готовиться к экзамену, – успокаивающе похлопав подругу по спине, произнесла я.

– Прислушивание, – шмыгнув носом, поправила меня подруга и чуть отстранилась.

Силь не нужно было просить дважды. Она тут же поведала об элитном клубе «Звездное сияние» и о том, как она обошла других претенденток. И чем больше подруга говорила, тем ярче сияли ее еще недавно заплаканные глаза. В воодушевлении она начала размахивать руками, а под конец и вовсе пропела последние строчки песни, которая и принесла ей вождеденное рабочее место.

– Ты представляешь, завтра вечером мое первое выступление! – она буквально прокричала последние слова в порыве ликования и вновь закружилась по комнате, счастливо распахнув руки.

Химера выпученными глазами косилась на хозяйку и...бочком придвигалась ко мне, мордой толкая перед собой пустую миску. Видимо, тваряюшка почуяла, что из двух девиц еду положит скорее та, что сидит и смотрит на мир хмурым взглядом, а не хозяйка, которая в порыве радости способна забыть обо всем, не только о бедной голодной Пусечке.

– А днем – экзамен, – спустила я Силь с небес на землю. – И хорошо бы к нему подготовиться, – с этими словами я подхватила миску с пола и подошла к шкафчику. А потом насыпала в посудину корма и поставила ту перед носом обрадовавшейся химеры.

«Пусть в этот вечер хотя бы одна животинка будет безгранично счастлива», – подумала я, глядя на урчавшую над миской Пусю. А потом достала банку с арахисовым маслом, сделала уже себе и Силь по бутерброду, заварила крепкий кофе, и... мы с подругой ударились в разнузданный загул по параграфам учебника. Вакханалия продлилась за полночь.

Я так и уснула, с учебником в обнимку. И во сне меня почему-то преследовали не видения, а запахи, точнее – один запах. Это были мужские благовония с ноткамипряного вина, имбиря и корицы. Они окутывали меня, словно что-то шептали, а потом голос из ниоткуда настойчиво произнес: «Верни, что взяла!» И требовательно так, словно приказ отдавал.

Я пробовала заверить, что ничего не брала. А неизвестный все твердил: «Отдай! Отдай!! Отдай!!! Или умрешь». А я не понимала, что именно взяла, бежала прочь, потому что погибать мне совершенно не хотелось. Вот только меня будто опутывала паутина, так что шевелиться становилось все сложнее. И дорога была каменистой, с ухабами и рытвинами. Я запнулась об одну из колдобин и упала с размаху.

Боль тут же обожгла плечо, которым я ударилась, и... Я проснулась. На полу, замотанная в одеяло не хуже, чем в смирительную рубашку.

– А-ш-ш-ш, – зашипела я от боли. Потому что та, в отличие от сна, была настоящей. А у меня еще после вчерашнего прибалконивания синяков и так было хоть отбавляй.

– Ники? – продрав глаза, сонно произнесла Силь, увидев мою импровизацию на тему «гусеница в коконе».

– Кошмар приснился, – коротко пояснила я, пытаюсь выбраться из одеяла.

– Аа-а-а, – зевая, ответила подруга и, поняв, что ничего страшного не произошло, вновь задремала.

А я завозилась на полу. Еще никогда в жизни одеяло не пыталось удержать меня в объятиях сна столь буквально. До этого я думала, что основная опасность постели – это коварство подушки. Когда ты предельно осторожно встаешь с кровати, но оп! Одно неловкое движение – и опять спишь. Глубину своего заблуждения я поняла только сейчас, когда спустя почти минуту смогла в лучших традициях туго запеленованного младенца – дрыгаясь и изворачиваясь – освободиться из плена.

– Уф! – Сдула упавшую на лоб прядь и глянула на часы, что лежали на прикроватной тумбочке. Пять утра. Ложиться спать уже бессмысленно. Вставать еще рано. Но это по моему мнению. А вот для химеры такое время для пробуждения было в самый раз. О чем она и сообщила.

Покормив Пусю, я пошла умываться, потом сварила кофе, сделала себе еще один бутерброд и засела за учебники. Вот только нервное напряжение не позволяло мне сконцентрироваться на прочитанном. Я жутко волновалась перед предстоящим экзаменом. В конце концов плюнула, отложила книгу и постаралась успокоиться. Вчера

произошло многое. И обдумать это я не успела. Зато сейчас есть время. А заодно возможность.

Я вытянула руку, призывая силу. В прошлый раз, когда производили замер, удалось невероятными усилиями затеплить на открытой ладони огонек. Он был не больше языка пламени маленькой свечки. Интересно, сейчас... Столб синего огня рванул вверх до самого потолка. Я лишь в панике успела тряхнуть рукой, как он тотчас погас, оставив после себя на штукатурке пятно копоти. И я, глядя на него, обреченно начала отсчитывать секунды. Первая. Вторая... Третья... На пятой по ушам ударила сирена. Все же не зря гостиница была оборудована для магов. Юных и не очень. Стены помещения были оплетены защитными и сигнальными чарами. И вот сейчас-то они и сработали. На нас с потолка хлынула вода. А весь этаж узнал, что в номере семьсот пять кто-то переборщил с магией.

Зато во всем случившемся был один плюс: Силь проснулась вовремя. И даже, узнав, сколько времени, не завалилась обратно спать. Возможно, она и легла бы в кровать, если бы в последней подушка не устроила заплыв.

От сотрудника гостиницы мы получили предупреждение. И пусть оно было строгим и единственным, но я все равно облегченно вздохнула: не штраф. Все оставшееся до выхода время мы были заняты сушкой вещей. Причем использовала магию лишь Силь – простейшее бытовое заклинание. Я же поняла: попробуй я что-то сотворить при помощи дара – от этого чего-то останутся одни головешки. Так что я лишь протирала все, что можно протереть (химеру – трижды, в ее разных мокрых обличьях), выжимала, раскладывала для сушки, а потом сворачивала сухие вещи из-под рук подруги. К слову, душ оказался достаточно прицельным. Так что намокло не столь много всего. Пара платьев подруги да мои джинсы и кофта, что лежали на стуле.

Я поблагодарила будущее светило магии за помощь. На мои слова Силь скорчила недовольную гримасу, не преминув уточнить, что этой помощи не потребовалось бы, не реши я попрактиковаться с даром, а затем потопала в душ. Вот только когда она вышла из ванной комнаты, то выяснилось, что времени у нас не так уж и много до начала экзамена.

Завтраку Силь предпочла макияж. Так что в академию мы шли: одна – красавица, а вторая – я. Нам вслед оборачивались парни, некоторые отчаянные даже свистели, парочка возжелала познакомиться и взять у рыжей бестии номер ее амулета связи, но продолжалось это ровно до тех пор, пока мы не оказались в холле главного учебного корпуса.

Там была толпа абитуриентов. И она бурлила, едва ли не создавая отдельные завихрения, волновалась, гомонила. Еще бы! На стенах вывесили списки фамилий с номерами аудиторий, в которых будут проходить экзамены. Увы, согласно им мне предстояло отправиться на третий этаж, а подруга отсевалась на первом.

– Ну, с богами! – пожелала я нам обеим.

Силь подставила сжатый кулачок. Мы ударили костяшками по давней ковирской традиции. Считалось, что этот жест должен принести удачу. А потом я поспешила в свою аудиторию. Перед ее дверью уже было полно народа.

Я посмотрела на эту толпу и поняла: с пересдачей теста на магию можно и повременить. Попытаюсь прорваться на него, когда сдам теорию. Потому как если сейчас пушусь на поиски магистра, что замерял у меня уровень силы, то могу пропустить свою очередь, чтобы зайти в кабинет, в котором мне и предстояло поразить преподавателей академии глубиной своих теоретических знаний.

Я стояла, прислонившись плечом к углу откоса окна, уткнувшись невидящим взглядом в книгу, в ожидании, когда заметила, как у тротуара притормозила спортивная машина. Начищенный черный капот бликовал в лучах солнечного света немногим хуже зеркала. Наверное, поэтому к авто и устремились сразу несколько красоток, что до этого сидели на скамейке: не иначе как решили посмотреть на свое отражение. Ведь какая девушка, особенно премиленькая, устоит перед возможностью еще раз убедиться в своей неотразимости?

Сначала распахнулась дверца со стороны пассажирского сиденья, явив на свет высокого, подтянутого, широкоплечего парня с рыжей, как у лиса, шевелюрой. А следом из машины вышел и второй. И эту коротко стриженную светлую макушку мне видеть уже доводилось. Вчера. Правда, тогда обладатель льняной шевелюры был не столь одет...

Я замерла, неотрывно глядя на блондина. Он махнул рукой, словно подзывая к себе девушек, которые и так спешили парням навстречу.

– На кого так пристально смотришь? – раздался голос сбоку. Тон, которым был задан вопрос, был скучающим, словно той, кто задала вопрос, было без разницы, о чем говорить: о погоде или мировой политике.

Я повернулась к говорившей и увидела рядом с собой жгучую брюнетку. Она, как и я, ждала своей очереди для сдачи экзамена.

– Да вон на этих двоих. – Я решила, что нет смысла скрывать, и чуть дернула подбородком, указывая направление.

– А... местная элита... – Губы брюнетки исказила кривая усмешка.

– Элита? – не поняла я.

– Выпускники с факультета стражей. Вот тот светлый – Дэниэл Стил. Один из сильнейших магов за всю историю академии. И если в том, первый ли он среди равных по уровню дара, есть сомнения, то в том, что он первостепенная сволочь, их нет. И его рыжий дружок, сын лорда Дигроу. Та еще заноза в заднице. Не столь искусен в магии, как его белобрысый приятель, но не менее опасен.

– Откуда ты это знаешь? – задала закономерный вопрос.

– Мой старший брат учится на выпускном курсе. Правда, он из теоретиков. Так что я в курсе многого, в том числе и негласных каст в академии, и вот этой вот сволочной элиты... – последнее слово она неприязненно выплюнула.

А я посмотрела еще раз вниз, на улицу, туда, где все еще стояла припаркованная машина, и поняла, что влипла. Если я поступлю в академию, то вероятность столкнуться в ее стенах с типом, который может мне создать множество проблем, была практически сто процентов. Колебалась ли я хоть миг, раздумывая, а не отступить ли? Демона с два!

В этот момент вчерашний незнакомец вдруг резко вскинул голову и посмотрел вверх. Как раз на мое окно.

Глава 3

Навряд ли блондин мог увидеть, а главное, узнать меня, с учетом того, что солнце било практически ему в глаза, но я все же отшатнулась вглубь коридора. От собеседницы не укрылась моя реакция. Но что удивительно, она не стала над ней иронизировать, а вполне серьезно заключила:

– Правильно, стоит держаться от таких подальше. Как говорит мой братец: проблем будет меньше. Кстати, я Гэби. – Девушка протянула руку.

Я пожалала ее, сама представившись:

– Ники.

– Будем знакомы, Ники. На какой поступаешь? – повернувшись к окну спиной, спросила брюнетка.

– На теоретический, – я впервые произнесла это вслух. Последнее слово прокатилось колючим комом по горлу, царапая осколками разбитых надежд. Хотя... еще не все потеряно, если я хорошо сдам сейчас экзамен, а потом сумею добиться повторного тестирования на уровень дара...

– А я на погодного. Если повезет. Нет – в прорицатели. Благо для второго способности у меня по самой нижней границе требований проходят. – Она поморщилась. Видимо, стезя пифии ее прельщала так же, как и меня теоретическая магия. Но это все же лучше, чем совсем не поступить.

Мы обменялись понимающими взглядами. Так смотрят друг на друга рыбаки или парни с рабочих окраин, которые встретились впервые, но сразу понимают: они похожи.

Гэби хотела еще о чем-то меня спросить, но тут дверь кабинета открылась. Сначала из нее вышли семеро отстрелявшихся счастливиц. Хотя... судя по лицам четверых, все же не совсем счастливиц. А за ними показался и тучный одышливый магистр. Он вытер платком испарину со лба, сверился со списком, что держал в руке, и произнес:

– Николь Роук, Самила Гаррисон, Эдвард Кроух, Микаэль Солодар... – Те, чьи имена он называл, должны были пройти в

аудиторию для сдачи экзамена.

Услышав свою фамилию, я сглотнула. Сердце забилось с бешеной скоростью, а я почувствовала, как по спине бежит капля холодного пота, а в коленях появилась дрожь. Хотя вчера, когда я лезла по карнизу, этой демоновой дрожи и в помине не было.

Пламя хаоса! Как же я ненавидела экзамены! Именно за этот безотчетный страх. Всегда ненавидела. И как всегда, сейчас собрала всю волю в кулак, выпрямила спину и четким, уверенным шагом пошла мимо замерших столбиками или трясущихся по углам абитуриентов. Перед смертью не надышишься и не набоишься, про запас тоже.

В аудиторию вошла, стараясь выглядеть если не уверенно, то хотя бы спокойно. И мой взгляд тут же прилип к приемной комиссии за столом. Несколько магистров. Разного возраста, телосложения и масти шевелюры, как и в целом ее наличия. Вот только их всех объединяло одно – то, как они смотрели на экзаменуемых. Будто препарировали мозг каждого, кто оказывался перед их столом.

Я вытянула билет и, еще не глядя на вопросы, назвала его номер.

– У вас полчаса на подготовку, – отчеканила магесса, чьи формы можно было бы описать одним коротким словом – хлыст.

Она сидела в самом центре стола и навела страх, как мне показалось, не только на абитуриентов, но даже на своих коллег. Острые – настолько, что, казалось, дотронься – и можно порезаться, – скулы, абсолютно лысый череп, серьга на манер пиратской в левом ухе и один глаз, прикрытый черной повязкой, – внешний вид этой чародейки внушал такой трепет, что, могу поспорить, ей даже заклинаний упокоения на кладбище не понадобилось бы. Восставшие мертвья, лишь увидев, кто пришел по их бездушные неукороченные тела, мигом бы чинно улеглись обратно в свои могилы.

Под впечатлением от этой магессы я прошла к свободному столу и, лишь когда села, прочла билет и ... Поняла, что я провалилась. С треском.

Еще вчера я была уверена в сегодняшнем дне. Но только сейчас поняла, что это было не про день, а про дно.

Четыре вопроса по четырём дисциплинам: математика, история, бестиология и основы магической теории. И если с первым заданием

проблем не возникло: матрицу я решила быстро, то уже со вторым – полный швах.

Эпоху правления Герогранвирминрга Синезубого я помнила плохо. Потому что при его царствовании был полный бардак. Семь бунтов, куча жен, что мерли как мыши, тьма мирных договоров, который наш доблестный правитель умудрялся подписывать и тут же нарушать, – и это если только по верхам. Да и в базовом курсе я такого зубодробительного имени не припомню...

Рука с самописным пером зависла над листком. А спустя несколько секунд я уверенно вывела заголовок «Самая неоднозначная личность в истории». Почему бы и да? Ну правда, при всем том безобразии, что было в эпоху этого Синезубого, чье имя без бумажки не выговорить, удивительно, как он вообще усидел на троне, а его голова – на плечах.

А потом я решила сделать то, что делает всякий порядочный историк. В смысле человек, сочиняющий истории: слегка приврала. Нет, восстания я описала честно. А потом прикинула, что при таком раскладе экономика должна была быть в упадке, и... Вспомнила недавнюю газетную статью о финансовом крахе в карликовом государстве Варлонга, что граничило с нашей державой, и почти дословно ее процитировала. Щедро приправив ответ такими терминами, как «стагнация», «депрессия», а также обтекаемыми формулировками «по мнению современных специалистов» и «предположительно». А что? Кризис – он везде кризис, и причины его в большинстве случаев одни и те же – дураки, принимающие ответственные решения.

А уж когда я перешла на личность монарха, то упомянула его жен и прикинула, что с такой любвеобильностью любовниц у Синезубого должно быть минимум в десять раз больше. А где много женщин, там... правильно! Интриги! Как итог, под конец ответа на вопрос я, кажется, начала понимать все причинно-следственные связи.

Подумала: если так и дальше пойдет, то я могу стать специалистом по периоду правления Герогранвирминрга Синезубого. Вот что делает с отчаявшимся абитуриентом желание попасть в академию. Он вспоминает даже то, чего не знал!

С бестиологией творческих способностей не понадобилось. Внешний вид, строение и повадки кладбищенского гуля, который

попался мне в билете, я и так отлично помнила.

А вот на основах магии я застопорилась. Потому что предложенная задача не решалась. Хотя ты тресни. Все оставшееся время я потратила на тщетные попытки хоть как-то надкусить этот «орешек»... Я понимала, что если не сделаю хотя бы половину, то этот вопрос мне не зачтут вовсе. И не факт, что оставшихся баллов хватит на поступление, но... Уравнение отражающего потока не решалось ни в какую.

Когда меня вызвали для ответа, я уже не волновалась. В душе было то спокойно-уверенное состояние, когда ты готов взять хвост дракона голыми руками, чтобы за него же и отгаскать крылатого змея, а затем набить ему морду, а то и вовсе прикончить. И тебя ничуть не смущает то, что эта тварь может легко тебя сожрать, а вот ты ее – не факт.

Сейчас передо мной как раз сидели пять таких «драконов». На вид молодой, еще только-только окончивший аспирантуру рыжий магистр с такими хитрыми глазами, что создавалось ощущение: он уже тебя обманул. Пару раз. И обчистил все карманы. Убеленный сединами маг с окладистой бородой, что смотрел на меня поверх очков. Щеголеватый франт. Этот, как я позже узнала, был из городского комитета и отвечал за то, чтобы набор магов не превысил лимиты. Пухленькая дама в пенсне и с кудряшками. Она неприязненно косилась на того самого лощеного франта и поджимала губы. Председательствовала этим кагал... прошу прощения, комиссией та самая магесса с лысым черепом.

– Мы слушаем вас, Николь Роук, – четко, по-военному произнесла она.

А у меня создалось впечатление, что эта чародейка перевернула воображаемую клепсидру, песок которой отмерил время для моего ответа. Поэтому я не стала медлить и начала с первого вопроса. Вот только не успела дойти до середины, как меня прервали. Тот самый молодой маг, которого я посчитала вчерашним аспирантом. Подергав мочку своего уха, он пояснил:

– Вижу, лисса Роук достаточно хорошо ориентируется в моем предмете. Не вижу смысла тратить время на дальнейшие расспросы.

– Нет! Вы уж потратьте, – желчно отозвался франт, подкрутив свои тощие усишки. – А то понаберёте бездарей, и потом их содержи

за наш счет.

– Счет не ваш, а казны. В которую, между прочим, платят налоги все граждане. И ничего ЛИЧНО ВАШЕГО, господин Фурс, в нем нет, – возмутилась пухленькая кудрявая дама, что сидела с ним рядом.

Взгляды этих двоих схлестнулись. И явно не в первый раз. Вот ведь! Угораздило же меня попасть. Сейчас этот тип будет специально ко мне придирааться, из принципа, если только...

Я продолжила ответ. Молодой маг на это лишь понимающе усмехнулся и все то время, что я говорила, только размеренно кивал в такт моим словам.

А вот второй вопрос оказался как раз по части седовласого мага. Я бодро начала рассказывать про Герогранвирминрга Синезубого. И даже с первого раза выговорила его имя!

Но едва я произнесла несколько фраз, как меня перебил лощеный тип, обращаясь с вопросом к пожилому магистру:

– Не думал, что этот вопрос есть в билете. В свое время мы проходили эпоху правления Горгрос... Герогровинс... – франт явно разозлился оттого, что не смог выговорить имя правителя древности, поэтому резко оборвал себя, а потом язвительно добавил: – И в общем, Синезубого лишь на выпускном курсе. Почему вы включили его в вопрос для абитуриентов? Вы, ректор, не придерживаетесь базовой программы?

А я посмотрела на лысую горгуль... магессу ... Это что, она – ректор?! Нет, я слышала, что иногда на экзаменах присутствует глава академии, но чтобы мне так «повезло»... Вот ведь тлен и пепел!

– Мы лишь отбираем в студенты только самых лучших, способных и умных, чтобы казне не пришлось содержать на балансе бездарей. Поэтому вопросы не только из базового, но и из расширенного курса, – с улыбкой, которая напоминала оскал песчаного аспида, невозмутимо отозвалась ректор.

И одна эта ее фраза срезала франта эффективнее любых грозных взглядов кудрявой магессы.

Франт в ответ принял гордый и независимый вид – или, проще говоря, не нашел достойного ответа. А вот у меня он нашелся. Не знаю, насколько, правда, достойный, зато подробный, красочный. Только не на слова ректора, а на второй вопрос билета.

Я так описывала экономический кризис, что пухленькая магесса даже подалась вперед, заинтересованно слушая. Вот только меня перебили на полуслове:

– Назовите предпосылки системы экономической нестабильности в период до правления Гр... – Франт понял, что сейчас оконфузится с именем на бис, поэтому поспешил добавить: – Синезубого.

– Большие траты на содержание двора, – уверенно отозвалась я, сочиняя на ходу. А что? При таком числе фавориток это вполне логично. – До четверти дохода казны, – произнесла и поняла: кажется, я увлеклась.

– Не четверти, а трети, – поправил меня франт и тонко усмехнулся. По его выражению превосходства на лице стало очевидно: играть в игру «сочини небылицу на честном глазу» умею здесь не я одна. И лощеный хлыщ не преминул заметить: – Ваши знания не слишком глубоки.

Рядом с ним закашляла пухленькая магистр, поперхнувшись стаканом воды, и попыталась возразить:

– Этот период истории не изучают столь подробно, и девочка...

Вот зря она встала на мою защиту. Почитай, могилу мне вырыла. Правда, в традиционном стиле добряков – благими намерениями. Теперь этот гад на меня точно взъестся, и если я начну защищаться до последнего, то этот хлыщ будет меня с не меньшим же азартом топить. А в вопросах истории он явно будет посильнее, помускулистее меня. И я с треском провалюсь. Поэтому я просто вывесила белый флаг, признала поражение в еще не начавшейся схватке. Утешив себя тем, что умнее вовремя отступить, чем потом тупить.

– Да, вы правы, боюсь, что тему распределения трат казны при Герогранвирминрге Синезубом я не изучила достаточно подробно. И ваши знания в этой области, несомненно, гораздо более обширны.

Меня одарили двумя усмешками. Одна – явная, с оттенком превосходства – от хлыща. Вторая – тонкая, едва заметная – от ректора, которая оценила мою не сильно-то и завуалированную лесть чиновнику.

Зато самоутвердившийся за мой счет франт после этого подобрел, и вопросов больше не задавал.

И даже снисходительно обронил, когда я закончила:

– Похоже, девушка все же неплохо знает историю, – отзывался он.

«Угу, особенно как в нее влипнуть», – добавила я про себя. А франт, не подозревая о моих мыслях, продолжил разглагольствовать:

– Есть, конечно, пробелы в ее образовании, и над ними нужно поработать, но... по данному предмету она все же достойна минимального проходного балла, – закончил он с сожалением.

Зато на следующие вопросы билета я отвечала вполне спокойно. Ровно до того момента, как не добралась до последнего. Той самой нерешаемой задачи.

Ректор уставилась на меня единственным глазом так, словно я – это мишень, а она задалась выбить десятку. В этом взгляде было предвкушение, будто она знала, что у меня с последним вопросом, мягко говоря, не все гладко.

Я посмотрела в билет. Задача на построение уравнения переноса. И вроде бы в ней все гладко. Правильно, правда жутко сложно, но если углубиться в дебри расчётов, все должно получиться, и... не получалось! Я несколько раз пробовала, а ощущение было такое, что я плутаю в трех соснах.

А потом я задумалась: что, если это все специально? Что, если задача неправильная изначально? И составителями задумано, чтобы она была... нерешаемой.

– Мы ждем ответа на заключительный вопрос. Или у вас его нет? – Глава академии вскинула бровь.

А я... решилась! И, уверенно посмотрев в глаз ректора, произнесла.

– Отчего же! Есть. Эта задача нерешаемая. Возможно, ее составитель перемудрил, возможно, это сделано специально, чтобы отвечающий осознал, что не всегда он может контролировать ситуацию, иногда она контролирует его, даже если знаешь абсолютно все. Порой ты просто не в силах...

– Достаточно, – перебила меня ректор. – Ставлю вам высший балл за ответ на этот вопрос.

От услышанного я растерялась. Как? Что? Видимо, на моем лице было такое удивление, что глава академии пояснила:

– Это задание не только на знание магической теории, но еще и психологический тест. На то, как маг будет реагировать в критической ситуации, сможет ли признать свои ошибки, найти чужие или

смириться с неизбежностью. Лишь немногие смогли ответить на этот вопрос столь блестяще. И вы, Николь Роук, в их числе.

Она поставила размашистую подпись в моем бланке поступления и протянула мне лист со словами:

– Добро пожаловать в академию.

Из дверей экзаменационного кабинета я вышла настолько счастливо-окрыленная, что казалось: еще немного – и взлечу. Вот только эйфория длилась недолго. Потому как услышала разговор двух парней, что ожидали своей очереди.

– Слышал, в этом году на факультет отбор уже закончен. Укомплектовали полностью, – смачно вгрызаясь в яблоко, произнес первый.

– Жаль, а я хотел рискнуть. Что ж, придется документы на бытовика подавать, чтобы не пролететь, – печально протянул второй, запустив пятерню в спутанные колтуны и почесывая затылок.

– Ты, главное, с экзаменом сейчас не пролети, а потом уж разберёшься, какой факультет собой осчастливить, – аппетитно хрустя мякотью, отозвался первый

– И то верно, – согласился с ним лохматый.

А я почувствовала, словно вокруг меня выключили кислород. Весь разом. Как?! Как уже набрали?! А я? У меня же и потенциал, и на отлично сданные экзамены, и физподготовка, чтоб ее, успешно пройдена... И вот когда я уже думала, что смогу запрыгнуть на подножку общественного магического вагончика, выясняется, что я опоздала!

В первый миг я растерялась. Стало обидно. Дико. До звездочек в глазах. А потом я со всего маху врезала кулаком в стену и... Если бы та пошла трещинами, то было бы еще полбеды. Но нет. Внушительный кругляш кладки несколько мгновений в абсолютной тишине радовал всех зрителей сетью мелких трещин, что расходились от моего кулака. Его я, пораженная собственной разрушительной силой, даже не отняла от стены. А затем целый кусок выпал. В аудиторию. И в образовавшийся пролом я увидела невозмутимое лицо ректора. И побледневшее до оттенка запылённой извёстки – франта. И я, посмотрев на стол перед ним, даже поняла почему. Увесистый булыжник лежал пред хлыщем безмолвным, но весьма выразительным намеком. А уж на то, что удача – дама капризная, или на то, что стоит

не доводить абитуриентов придирками на экзамене, – это уже господину с тонкими усиками решать самому.

– Вы так обрадовались поступлению, адептка Роук? – невозмутимо уточнила глава академии.

– Нет, – испуганно отозвалась я и, поняв, что сказала, тут же поправилась: – Да. И у меня от радости резко изменился уровень потенциала.

– Изменился? Тогда бегом на замер. А теперь не мешайте проведению экзамена. А об отработке за ваше хулиганство мы поговорим позже, – за этими словами последовал пасс. И тут же выпавшие камни кладки начали вставать на место, словно и не было никакого урона стене.

Испугалась ли я отработки, о которой упомянула ректор? Ничуть. Я ей обрадовалась. Ведь это значило, что я точно зачислена! А затем я поспешила на поиски магистра, который проводил вчера замеры. Память услужливо подкинула его имя: Даг Силлеван.

Но, даже зная фамилию преподавателя, найти его в академии оказалось той еще задачей. Он был подобен призраку: многие о нем говорили, но мало кто его сегодня видел. Но все же я его нашла! Правда, в самом неожиданном месте – дамской уборной! Я его там отбила у какой-то весьма предприимчивой дамы, которая зажала бедного Силлевана в угол и угрожала сильнейшим женским оружием – скандалом.

Он был почти осязаем. Его можно было почувствовать кончиками пальцев, вдохнуть его запах. Еще немного – и началась бы буза, но тут появилась я.

– Занято! – рявкнула дама, уперев руки в крутые бока и смерив меня презрительным взглядом.

– Я понимаю, что магистр занят, но он мне тоже нужен. По неотложной учебной нужде! Я его быстренько у вас займу на пару минут, а потом верну. И вы сможете на него кричать дальше.

Дама, тряхнув бублями и шляпкой, напомнила мне быка, который роет землю копытами, готовясь идти на таран. Учитывая немалые ее габариты, я даже не сомневалась, что она может смести с пути и меня, и дверь, и пару кирпичных стен, и рект... нет, ректора все же не сметет.

– Да как ты смеешь... – взревела любительница скандалов. Видимо, до этого ее мало кто перебивал, поэтому она чуть не задохнулась от возмущения: – Что ты вообще, пигалица...

– Не что, а кто, – поправила я. И, глянув на внушительную кубатуру противницы, поняла, что ее не остановит ни одно заклинание. Но там, где бессильны самые могущественные чары, помочь может хитрость. Поэтому я применила стратегию, столь популярную в битве на распродажах – внезапность. – Я будущая мать! – рывкнула во всю силу своих легких. И изобразила на лице самое зверское выражение – боевого мага, идущего в атаку.

А все потому, что я вспомнила свою маму: она с таким же криком и фразой на распродажах всегда умудрялась урвать в неравной схватке последний товар с полки. А все потому, что ей было очень нужно. А нас в семье много. А денег в кошельке – мало.

Вот и я посчитала, что магистр ничем не хуже футболки по бросовой цене. А значит, и сражаться за нее, точнее, за него нужно так же.

Я приготовилась рвануть за руку оторопевшего магистра и задать стрекача, пока противник переваривает информацию, но Силлеван оказался тем еще тугодумом. И даже когда я, сделав два шага, ухватила его за рукав и потянула в свою сторону, не шелохнулся. Стоял и пучил на меня глаза.

– Беременная? От Дагика?! – меж тем зачарованно и как-то даже благоговейно прошептала дама. И, хлопнув в ладоши, вознесла взгляд... хотелось бы сказать к небу, но нет, к потолку с потрескавшейся извешкой и произнесла: – Наконец-то! Наконец-то я стану бабушкой!

И только тут я поняла, как влипла. Эта матрона была не разгневанной матерью кого-то из адептов, устроившей вендетту преподавателю, посмевавшему поставить ее кровинчке «неудовлетворительно». И даже не любовницей Силлевана. Все оказалось намного хуже: она была его мамой. Причем, судя по восклицанию, мамой, отчаянно ждавшей внуков.

– Нет! – тут же отмер магистр. – Я эту девицу впервые в жизни вижу! Мама, ты все не так поняла.

– Вообще-то второй! – возмутилась я. – И в первый раз вы сказали, что я вас не сильно впечатлила... – «своим уровнем дара»

добавить не успела, мена перебили:

– Какая разница, милочка, впечатлила или нет! Главное – результат! Ты умничка! А то столько красавиц вокруг моего мальчика было... сколько было. И чтобы он на одну хоть посмотрел. Я даже, грешным делом, подумала, что он бессилён по мужской части... или того хуже, не интересуется девушками и у него завелся... друг. А вот гляди ж ты... Польстился мой Дагик на такую обычную, как ты... Тощую, невысокую, белобрысенькую...

– Мама! – не выдержал магистр. – Я просил вас не приходите ко мне на работу! Не приносить домашние обеды в судочках! Не позорить меня перед студентами и коллегами! И не напоминать мне каждый день о том, как ты страдаешь без внуков.

– Ладно-ладно-ладно, – в успокаивающем жесте, словно фокусник в балагане, колдующий над хрустальным шаром, взмахнула своими пухленькими наманикюренными ручками дама. – Мама тебя слышала, сыночка. Мама тебя поняла. Мама уходит. А вы пока со своей невестой решайте дела предсемейные. – И она очень резко на цыпочках ретировалась из уборной.

Остались мы трое: я, магистр и напряженная тишина.

– Сочувствую, – вырвалось у меня непроизвольно спустя десяток секунд.

– Не стоит, – устало махнул рукой магистр. – Ты кто такая?

– Меня ректор к вам послала для спасен... для повторного замера уровня дара. Поэтому, извините, я отбивала вас у противника как могла.

На мою фразу магистр усмехнулся.

– А-а-а, ясно. Но с беременностью была неудачная идея. Тебе придется потом объяснить госпоже Силлеван, что она все не так поняла.

– Я не самоубийца, – возразила тут же, глядя на задумчиво почесывавшего черную кучерявую макушку магистра.

Тот был невысок, худощав и симпатичен. На вид я бы дала ему около тридцати. Умный, живой взгляд, улыбка с хитринкой, располагающее выражение лица. Сам по себе вполне приятный мужчина, не лишенный юмора, главным недостатком которого была его очень энергичная мама.

– Жаль, – иронично отозвался он и добавил: – Ну, если умирать вы пока не хотите, придется пройти ко мне в кабинет и замерить у вас еще раз уровень дара.

И магистр услужливо указал на дверь. Я не замедлила воспользоваться приглашением и выскользнула в коридор. А следом за мной и профессор.

В первую нашу встречу магистр Силлеван показался мне надменным и отстранённым, но, как выяснилось, это впечатление было обманчиво. Скорее всего, в тот день он просто устал: еще бы! Провести замер более чем у тысячи юных магов... А сегодня я увидела его с другой стороны: умеющим прощать, быть терпимым, иронизировать, в том числе и над собой... Он мог бы возмутиться, отчитать меня за то, что влезла, да даже за то, что увидела его, мужчину, в абсолютно немужественном положении...

Но, похоже, магистр хорошо знал свою матушку и смирился с ее характером. Как и с тем, что она периодически пытается вот так подловить своего сыночка в углу и вынудить его пойти на очередные смотрины невесты, которые для маскировки величают званым ужином. А профессор столь же рьяно этим приглашениям сопротивляется.

Поэтому от него в мой адрес не последовало ни громов с молниями, ни иных кар. Лишь снисходительная усмешка.

И она блуждала на его губах ровно до того момента, пока мы не дошли до его кабинета и Силлеван не положил на мое запястье чаромер. А затем... лицо профессора вытянулось. Он уставился на стрелку, которая показывала девяносто один... два... восемьдесят пять... Индикатор прыгал, не выдавая точного значения.

– Какой уровень я определил у вас в прошлый раз? – спросил Силлеван.

– Два процента. – Я сглотнула, предчувствуя неладное.

– Всего несколько дней назад... И такой резкий скачок инициации... – ошарашенно пробормотал магистр.

– Это плохо? – напряглась я.

– Плохо? – переспросил профессор. – Скорее феноменально... Обычно скачок в уровне дара не бывает выше сорока процентов. Сорок – это потолок. Но почти в девяносто...

– Так это хорошо? – уточнила я.

– Это поразительно. У вас невероятно высокий уровень дара. Только почему-то нестабильный... Стрелка должна точно остановиться на одном делении... Если бы инициация произошла год назад и у вас были такие нестабильные показатели, то могла бы идти речь об угрозе магического срыва. И встал бы вопрос об ограничивающих силу браслетах или даже блокировке дара, если амплитуда колебаний при замерах составила бы более тридцати процентов, но в вашем случае... – он замолчал на несколько секунд. – Возможно, причина в превышении максимального порога.

– Что вы имеете в виду? – Я подалась вперед.

– Скажем так: ваш дар возрос быстро, резко и на слишком большую величину. Наверняка колебания обусловлены именно этим. Но я все же провел бы замеры спустя пару месяцев...

– А эти пару месяцев... Мне нельзя будет учиться? Или... – тут мой голос сел. – Меня и вовсе отчислят?

Я испугалась. Вот внушительную госпожу Силлеван не боялась ни капельки, а тут стало страшно. Потому что все мои надежды вдруг могли рухнуть. Как раз в тот миг, когда я уже поверила, что все позади, что я поступила. И не на теоретический, а на факультет стражей...

– Отчислить? – магистр рассмеялся. – Отличная шутка. С таким уровнем дара не отчисляют. На таких магов, как вы, наш ректор охотится!

«Надеюсь, что эта охота не заканчивается тем, что голову трофея прибавают над камином», – подумалось невесело.

Глава 4

– О нет, головы таких, как вы, слишком ценны для подобного, – произнес профессор, и я поняла, что произнесла мысли вслух.

Было неловко, но любопытно было еще больше. И потому следующий вопрос вырвался сам собой:

– А чем так ценны?

Губы Силлевана дрогнули в улыбке:

– Дело в том, что дар выше восьмидесяти процентов встречается у одного чародея из тысячи. Редкость, согласитесь. А если учесть, что магические способности среди людей встречаются не столь часто, то... Знаете, сколько в нашей академии учится студентов с даром выше восьмидесяти? – перебил сам себя профессор.

– Понятия не имею.

– Меньше двадцати человек! На всех пяти курсах. И все эти адепты – с факультета стражей.

Я впечатлилась. Я обрадовалась. Я наконец-то поверила, что сбылась моя мечта. Я стану стражем. Но эйфорию мою прервал вопрос профессора:

– С уровнем разобрались, теперь посмотрим на стихию.

С этими словами он достал из шкафа еще один прибор. Это была металлическая пластинка размером с ладонь, напоминая по форме глаз с опущенным веком. Своеобразный гигантский миндальный орех. Только бронзовый.

В прошлый раз такого я не видела. Ко мне лишь приложили паромер, который и показал два процента.

– Это Око Стихий. Им тестируют направленность дара у тех, чья сила выше двадцати процентов, – пояснил профессор.

– А если ниже?

– Ниже – стихия не может четко себя проявить, поэтому дар считается общим, без выраженной направленности, – пояснил Силлеван и добавил: – Какой дар был у отца? Матери? Обычно ребенок наследует ту же стихию, что и у одного из родителей.

– Я единственный в семье маг, до этого дара ни у кого не было...

– Значит, ждем любого из семи вариантов, – сделал вывод профессор. – А сейчас постарайся сконцентрироваться и направить свою магию в центр Ока.

С этими словами он встал напротив меня, на уровне своей груди держа большими и указательными пальцами за края артефакт. Локти профессора при этом были разведены в стороны, словно в позе для медитации.

Силлеван чуть прикрыл глаза, и в этот момент Око открылось. Оно действительно напоминало глаз. Только вместо радужки была пустота, зиявшая черной спиральной воронкой, которая закручивалась все быстрее, приковывая к себе взгляд, утягивая вглубь, маня мою магию, что тонкой нитью тянулась из груди.

Я даже инстинктивно подалась чуть вперед, навстречу этому магическому водовороту, когда заметила, что уходящую вглубь спираль пересекает тонкая вертикальная ось. Она вращалась вокруг себя и становилась все толще, словно веретено, которое наматывает нить, что тянется из кудели. И последней была я.

И вот уже это не ось, а вертикальный змеиный зрачок, только не черного, а ало-голубого цвета. Он разрастался по центру, стремительно превращаясь в круг, заполняя собой все пространство с черной пустотой и...

Последнее, что я увидела, перед тем как инстинктивно зажмуриться от взрыва и прикрыть глаза сгибом локтя, – это то ли шар, то ли кольцо, которое вырвалось из Ока, при этом расколов артефакт на части.

А потом воздушная ударная волна ударила меня в грудь, опрокинув назад вместе со стулом. И густая тишина. Она давила на уши, заставляла пульс бешено стучать в висках. Стучать столь сильно, что казалось: еще мгновение, и если не раздастся ни звука, то кровь хлынет у меня из носа. Из обеих ноздрей разом.

И я, не выдержав, пошевелилась. Отняла руку от лица и, прищурившись, взглянула на кабинет. То, что осталось от него, впечатляло руинами. И посреди этого бедлама стоял Силлеван. Он был весь в пыли. Его одежда оказалась порванной в самых неожиданных местах. Волосы стояли дыбом. Но при этом маг по-прежнему держал в руках то, что осталось от Ока.

– Тьфу. – Выплюнув изо рта попавшую туда пыль, профессор произнес: – М-да... Как-то я такого варианта не подрассчитал... У вас, похоже, сдвоенный дар: водника и огненный... Это возможно, если оба родителя – носители дара, причем разных стихий, но вы говорите, что первая в своем роду...

Силлеван отложил артефакт на уцелевшую половину стола и озадаченно потер подбородок.

– Определенно, твои способности стоит изучить. Только сейчас исследования могут спровоцировать большую нестабильность... – задумчиво, глядя куда-то поверх меня, заключил Силлеван. – Сейчас я подпишу тебе протокол с новым замером, но с примечанием, чтобы ты заглянула ко мне через две недели для повторного замера. Посмотрим динамику стабилизации твоего источника. Ректора я предупрежу. Пока же во время учебы старайся контролировать свою магию и дозировать силу.

Я лишь согласно кивнула, не найдясь чего ответить, а потом так же молча наблюдала, как из выдвижного ящика все того же полуразгромленного стола профессор достал бланк, ручку и размашистым почерком заполнил строки.

– Вот. Отнесёшь в деканат факультета стражей. Там хоть набор и закрыт, но для тебя обязательно найдут место, – с таким напутствием Силлеван и отпустил меня.

Я же, стряхнув с себя пыль и известку, поспешила в указанном направлении. Приемная нашлась быстро. Правда, если говорить о теплоте приема, то... Встретили меня без хлеба, только с солью, потому что хлеб в винтовку, видимо, не впихивался.

На страже порядка факультета стоял опытный боец. Дама, сухая как вобла и способная дать леща любому наглому адепту, выслушала мое сбивчивое приветствие и причину, по которой я тут, смерила меня неприязненно-оценивающим взглядом и процедила сквозь зубы:

– Зачисление на факультет стражей закончилось час назад. Знания самых одаренных из магов комиссия уже проверила, и имена тех, кто прошел их успешно, уже вывешены на стенде.

Так вот почему нас всех развели по разным аудиториям. В соответствии с силой источника – догадалась я о причине, почему наши экзаменационные пути с Силь разошлись. Ее уровень был выше.

– Но профессор Силлеван сказал, что меня все же зачислят, несмотря на то что набор закрыт.

– Пусть профессор Силлеван тогда озвучит это лично ректору. И назовет причину, по которой магистр Викард Бронис должен будет принять такое решение, – отчеканила эта с... стерлядка малосольная тоном «не пытайтесь запудрить мне мозги или взять нахрапом, милочка».

– Профессор это уже озвучил. Письменно. И ректор тоже в курсе.

– Ректор? И как вы, дорогуша, смогли ее увидеть? Миранда Гирс сейчас на экзамене, сдерживает рвение наблюдателя из департамента, который в этом году пожелал выслушать ответы самых слабоодаренных, – она едко усмехнулась в духе «вот я и поймала тебя на лжи».

– Да, я как раз чуть больше часа назад и сдавала ей экзамен, – тоном игрока, сумевшего обыграть профессионального шулера, отозвалась я и вместо козырной карты выложила на стол экзаменационный лист, в котором стояла ректорская подпись. А рядом с ним лег и бланк, заверенный Силлеваном.

Секретарь, приспустив на кончик носа очки, поверх них глянула на документы, сначала в один, потом в другой, потом еще раз вернулась к бланку и недоверчивым тоном спросила:

– Девяносто два?

Я лишь кивнула. Но мне кажется, она этого даже не увидела, потому как, подхватив бумаги, лишь бросила мне: «Ожидайте» – и напрямик направилась в ту самую обитель, покой которой столь ревностно охраняла, – в кабинет ректора.

Я же занялась тем, что, собственно, мне и повелели, – ожидала. Правда, заскучать мне не довелось. Потому как в дальнем углу, за рабочим местом секретаря, рядом с открытым окном я заметила вдруг противного здоровенного паука. Он сидел прямо на подоконнике. Черный мохнатый жутик.

Перебирал лапами и пучил на меня все свои восемь глаз, щелкал своими челюстями, больше напоминаясь ногощупальцы. В первый миг я этой гадины испугалась, а во второй... Наверняка эта пакость забралась сюда через распахнутое окно. А вдруг эта тварь нападет на секретаря? Нет, конечно, в открытом поединке с этой милой дамой я поставила бы однозначно на нее. Хотя бы по причине большей

ядовитости сотрудницы академии. Но вдруг тварь ее атакует неожиданно и со спины?

Пусть секретарь теплых чувств у меня не вызывала, но до смертоубийственных она меня тоже не довела, так что я решила действовать во спасение жизни помощницы декана.

Для начала я вооружилась увесистым томиком, которым можно было сломать мозги как в переносном смысле (если пытаться выучить все его содержимое), так и в прямом (весил он не меньше булыжника из тех, которыми мостили улицы пару веков назад). Я едва подняла этот фолиант над головой, чтобы нанести резкий и сокрушительный удар по членистоногому. И чуть заплетающейся походкой под гнетом знаний двинулась в сторону противника с мыслью: не прихлопну, так скину с подоконника на улицу эту тварь.

И ровно в тот момент, когда я зависла над врагом, сбоку раздалось громогласное:

– Отставить!

Я от неожиданности выпустила книгу из рук. И та в тишине звучно упала, просвистев в паре дюймов от паука. Мне показалось, что после удара я слышала треск, но выяснить, проломлена ли половица, было как-то недосуг.

Медленно повернулась туда, откуда слышала крик, и узрела высокого статного мага. Небольшая и аккуратная, полностью седая борода, короткая стрижка снежно-белых волос, широкой разворот плеч и выправка, которая выдает военного даже в гражданской одежде. Впрочем, больше всего меня впечатлило в декане не это, а взгляд. Тяжелый. Немигающий. Пристальный. Он довлел, давил, вынуждал сделать шаг назад. А лучше два или с десятком, чтобы быть подальше, а ещё лучше и вовсе спрятаться.

Но я постаралась выпрямиться и ответить, не пряча глаз и не тушуясь. Хотя бы внешне. Раз уж декан пришел лично посмотреть на ту, которая имела наглость потребовать у него, главы факультета, изменить приказ о зачислении и внести ее имя в список поступивших, то нужно хотя бы показать, что я достойна быть в этом самом списке.

– Так, значит, ты умудрилась инициироваться в день экзамена?! – вскинув бровь, спросил декан.

Его лицо было словно высечено из мрамора: прямые линии, четкие формы, гармоничные пропорции, в которых чувствуется

скрытая суровая и опасная сила.

– Да, – сглотнула, опуская руки. В горле вдруг стало сухо. Но я могла гордиться тем, что мой голос не дрогнул.

– И зачем ты взяла книгу? – спросил он.

– Так здесь же паук, – не глядя ткнула в тварь, сидевшую на подоконнике.

Но когда повернула голову, чтобы увидеть тварь, то на ее месте уже была змея, свернувшаяся в клубок.

– Это проявитель. Артефакт, который видят только те, чей уровень магии достаточен для зачисления на факультет стражей, – пояснил декан и добавил: – Хотя бы с подлинность замеров профессора Силлевана разобрались.

И только после этих слов я поняла: секретарь просто-напросто заподозрила меня в подлоге. Ну... бдительная! Лишь позже я узнала, что этот артефакт обычно приковывал к себе взгляд только тех магов, чей уровень дара позволял его увидеть. Будущие адепты при подаче документов просто таращились на подоконник, каждый при этом видя свое: кто огненный фонтан, кто призрака, кто отрубленную башку волкодака, кто собственную тетю в чепце... Что вызывало большую неприязнь, одним словом.

А установили его потому, что уже бывали случаи, когда самые отчаянные из абитуриентов столь сильно жаждали попасть в стражи, что не гнушались и подделкой бланков с замерами.

Стало интересно: сколько еще таких внезапных проверок ждет меня в процессе обучения? Что-то подсказывало: их будет не одна и не две.

Только поразмышлять на эту тему мне не дал очередной вопрос ректора:

– Ваш потенциал, адептка Роук, впечатляет. Из рода магов?

Судя по тому, как уверенно он назвал мою фамилию, с документами, что принесла ему секретарь, декан Бронис ознакомился досконально.

– Нет, я первая инициированная.

Брови декана удивленно приподнялись. Больше он ничем не выказал своего удивления, продолжив расспросы:

– Из столицы?

– Нет, с юга, из Меллвиля.

– Однако... Из провинции – и такие глубокие знания курса, что восхитили даже ректора, а ее сложно чем-то удивить... – усмехнулся в бороду декан. – Признаться, не реши вы, юная леди, поохотиться на паука, – при этих словах магистра я покраснела, кажется, до корней волос, – я решил бы, что передо мной шпионка. – При последних словах декана мое сердце едва не ушло в пятки.

– Я готовилась поступать на теоретика, поэтому много сил потратила на учебу.

– Оно и видно, что только на учебу. Физическая форма у вас не из лучших. Но ничего, учеба на моем факультете это исправит. И раз уж вы не из столицы, то закономерный вопрос: нужно ли место в общежитии?

Я закивала, что да, место нужно.

После этого декан отдал распоряжение секретарю, чтобы та внесла изменения в приказ, а на мое имя подготовила документы о зачислении, вселении в общежитие, получении формы и учебников, и вернулся к себе в кабинет. А я осталась наедине с секретарем, которая с каким-то остервенением начала выполнять распоряжение начальства.

При этом она напоминала бухгалтера, у которого только-только сошелся годовой отчет, а потом ей указали на ошибку, и теперь она вынуждена пересчитывать все сметы по новой. Но даже ее злобные взгляды поверх очков не могли испортить моего радужного настроения.

Из приемной я вышла, счастливо прижимая к себе стопки листов. Хотелось кричать «ура», но пыталась сдержаться. Отпраздную с Силь эту победу вечером. А сейчас стоит навеститься в общежитие, пока еще не все комнаты заняты первокурсниками.

Но на одном из поворотов я почувствовала спиной чей-то взгляд. Повернулась. Никого. И только хотела продолжить путь, крутанулась на каблуках, возвращаясь на исходный курс, как... в шаге от меня оказался тот самый парень из гостиничного номера. И он был зол. Опять.

– Я не ошибся утром. В том окне была именно ты, – ледяным тоном отчеканил он.

– Ну я. И что дальше? – вскинула голову, глядя на этого... как его... Дэниэла Стила. Кажется, так назвала его та брюнетка, с которой мы разговаривали перед экзаменом.

– Дальше? Ты вернешь то, что у меня взяла, воровка. – Он сделал шаг на меня.

Я рефлекторно отступила. Потому что мой инстинкт самосохранения вопил благим матом держаться от этого психа подальше.

Вот только когда попробовала отодвинуться еще, почувствовала, что отступать некуда. Мои лопатки уперлись в холод каменной кладки стены.

– Да ничего я у тебя не брала! – рявкнула в ответ.

Я почувствовала себя загнанной в угол. А когда отступать некуда, то и терять нечего. Потому что ничего не остается. Даже страха. И у меня его не было. Только злость на блондина, который обвинял меня сейчас в том, чего я не делала.

– Да не ужели? – прорычал он, словно сдерживался из последних сил.

Его руки уперлись в стену по бокам от меня, так что я оказалась в капкане. А этот Дэниэл навис сверху.

– И что же я, по ТВОЕМУ МНЕНИЮ, у тебя взяла? – Я, сжав кулаки, вокруг которых сейчас закружилась сила, подалась вперед, так что едва не коснулась его носа своим.

Мы стояли лицом к лицу. Адепт – чуть склонившись, я – откинув голову. И если бы взглядами можно было убивать, то мы бы давно упокоили друг друга.

Думала, что он назовет какую-нибудь внушительную сумму, заикнется о драгоценностях или раритетных артефактах...

– Мой дар, – ответ стража сумел меня удивить.

Даже подумала, что ослышалась.

– Что? – переспросила я, сморгнув.

– Мою силу, – сменив милость на гнев, гаркнул тип и, схватив меня за плечо, потрянул так, что я клацнула зубами.

– Да это абсолютно невозможно! – пытаюсь осмыслить услышанное, возмутилась я. – И вообще, мужиков их сила порой подводит! Чаще ночью. Но я тут ни при чем!

– Издеваешься? – процедил Дэниэл, и я увидела, как в глубине его глаз закружилась тьма.

– Ну надо же, а ты, оказывается, даже не полный псих. Что-то адекватное в тебе есть. Сарказм, во всяком случае, отличаешь от

серьезных вещей. Для того, кто несет бред, это поразительно, – язвительно отозвалась – Как ты себе вообще представляешь отнятие дара? Кроме того, что этот ритуал незаконный, для него требуется алтарь и уйма времени, если учебники истории магии не врут. – А потом добавила: – Клешню убрал!

И ударила своей ладонью, по которой струилась сырая сила, по мужской руке, что держала меня за плечо. И хотя врезала я от души, да еще и магией приложила, адепт так меня из хватки и не выпустил. Только поморщился. А потом сам медленно, напоказ разжал пальцы, сделал полшага назад и произнес:

– Я знаю, что теоретически для передачи силы нужен специальный обряд. И сила покидает мага долго, неохотно и болезненно, а он сам после этого умирает.

– Вот! – перебила я Дэниэла. – А ты жив! Это главное доказательство, что твои обвинения нелепы.

– Но как ты тогда объяснишь, что со вчерашнего вечера, после твоего визита, у меня вместо водного дара появилось вот это...

Он раскрыл на уровне груди пальцы той самой руки, которой держал меня. И на его ладони плясало пламя... Но удивительно даже не это, а то, что... меня к нему тянуло. Оно казалось мне родным. И... мне хотелось его забрать! Потому что откуда-то я знала: этот огонь мой. И точка!

Но как такое вообще может быть? Я растерялась. Стояла, смотрела оранжевую стихию и не могла ничего понять. А потом вспомнила, что сказал профессор Силлеван о нестабильности моей магии, и...

– Какой у тебя уровень дара? – слова вырвались раньше, чем я могла понять их смысл.

– Девяносто три, – голос Дэниэла был столь холодным, что справился бы с задачей хранения продуктов лучше любого морозильного ларя. – Был.

«Примерно столько показал чаромер у меня», – пронзило молнией. А что, если... Догадка, осенившая меня, была подобна внезапному раскату грома.

– Знаешь, я, кажется, тоже могу у тебя кое-что потребовать, – перешла в наступление. – Верни мне МОЙ дар! Это ТЫ УКРАЛ мое пламя.

С этими словами я ткнула адепта пальцем в грудь, словно хотела пробить его, как кленовый лист, навывлет. Чуть ноготь не сломала. А этому типу хоть бы хны! Он медленно и выразительно перевел взгляд с моего лица на палец, который упирался сейчас в его грудь. Дэниэл ничего не сказал, но моя рука сама собой опустилась.

– Повтори, – потребовал он...

Как мы друг друга не убили во время этого разговора, сама не понимаю. Но от магии, готовой сорваться в любой момент с наших пальцев, воздух в безлюдном коридоре звенел. И казалось, что все вокруг вот-вот полыхнет. Или затопит волной цунами.

Но все же удалось выяснить, что вчера вечером выворачивало и ломало не меня одну. Дэниэла Стила, мага, потомственного водника, тоже трясло, словно в лихорадке. А когда он наутро попробовал призвать дар, то остался без одежды. Штаны и рубашка сгорели прямо на нем.

– А я стену сегодня пробила... прямо к ректору на экзамен, – не знаю, зачем поделилась я. – Хотя и ударила по ней не так чтобы сильно...

– Не смогла управлять даром? – Дэниэл точно сформулировал то, что я чувствовала и что не могла объяснить.

– Да. Откуда...

– Потому что и мне сила сейчас подчиняется с трудом. Она словно бешеная.

– И что теперь делать? – задала я резонный вопрос, пройдя стадии принятия ситуации от «полный млин» до «ладно, млин».

– Попробовать вернуть тебе твой дар, а мне – мой, – эти слова адепта вселили в меня надежду, но то, что последовало за ними, ее же и убило: – Только я пока понятия не имею, как это сделать.

Глава 5

– А кто имеет? – Я требовательно посмотрела на адепта. Носить в себе чужой, как выяснилось, дар, да еще такой психованный, – нет уж, спасибо. Если на замере через месяц скачки в уровне потенциала будут еще выше? Мне может грозить запечатывание дара. Или того хуже – отчисление!

– Странные у тебя приоритеты, – заметил Дэниэл, и я поняла, что последнее произнесла вслух.

– Какие уж есть. – Я демонстративно сложила руки на груди. – Тебя спросить забыла.

Этот жест не остался незамеченным. Страж криво усмехнулся и наклонился еще ниже, словно хотел меня утратить. Ха! Он еще не знал, что любая попытка меня запугать провоцирует лишь то, что приличные люди называют безумием, а неприличные... тоже примерно так же, но бранными словами.

– Не дерзи!

– А ты не дави, – прошипела я, имея в виду свое положение, когда Дэниэл буквально навис надо мной, как могильная плита над трупом.

– Интеллектом? – тут же ехидно уточнил адепт, причем таким скабрёзным тоном, что захотелось его придушить. Потом воскресить и еще раз придушить.

– Ты даже знаешь, что это такое? – не осталась в долгу.

– А ты? – Он иронично приподнял бровь.

Не знаю, есть ли у стражей такой предмет, как «доведи противника до бешенства, чтоб тот психанул и умер от инсульта», но если есть, то стоявший передо мной адепт явно получил по нему высший балл.

– Язва! – выпалила я самую точную из характеристик, какую могла дать этому невыносимому стражу.

– И ты не представляешь какая, – широко улыбнувшись, словно я сказала ему изысканный комплимент, согласился этот гад.

– Прободная? – невинно уточнила и даже нашла в себе силы мило улыбнуться.

– Знаешь... – тут он на миг замолчал, а потом увидел лист заселения в общежитие, который я все еще сжимала в руке. Мгновение ока – и адепт выдернул у меня бумагу. Которую я рефлекторно отпустила, чтобы не порвать. Стаж лишь мельком глянул на сроки и издевательски, чуть нараспев произнес мое имя: – Николь... меня от того, чтобы тебя прибить, отделяет самая малость – понимание, что в таком случае мой дар уйдет в долину предков вместе с твоей душой. Но учти. Я могу и наплевать на все. Так сильно ты меня бесишь, – закончил он провокационно.

– Для тебя – Николь Роук.

– Как Николь Роук ты бесишь меня еще больше! – процедил сквозь плотно сжатые зубы Дэниэл, видимо сдерживаясь из последних сил.

Но вот странность. Я не боялась. Не знаю почему. Может, атрофировался инстинкт самосохранения. Может, потому, что сейчас в его крови бурлила моя магия и я откуда-то знала: своей истинной хозяйке она ничего не сделает. А может... Некстати вспомнился наш с Дэном вчерашний поцелуй, когда он накрыл мои губы своими губами и когда я ответила. И его прикосновения, нежные и в то же время решительные, твердые. В тот миг звуки, воздух, мир вокруг – все казалось нереальным, а кожу жгло огнем, и невозможно было оторваться. Будто я была не я. И казалось, что еще миг – и взлетишь.

Я даже мотнула головой, прогоняя непрошенные воспоминания, которые заявили в мое сознание в самый неподходящий момент. «И взлетишь...» Какая ерунда! Просто была активация дара, всплеск гормонов, эмоциональный подъем... или что там еще бывает при инициации? Да! Во всем виновата именно пробудившаяся сила. И ничего больше. И уж точно не умение этого типа с непомерно раздутым самомнением целоваться.

Меж тем этот самый тип пристально, я бы даже сказала, отчасти убийственно на меня смотрел.

– Поверь мне, в умении раздражать до тебя мне далеко. – Я попыталась выхватить лист вселения. Но куда там.

Реакция у белобрысого гада была отменная. Я еще только дернулась, а бланк уже взлетел выше моей головы, зажатый в вытянутой руке адепта.

– Отдай!

– А если нет? – нахально заявил страж.

Я стиснула зубы, давая установку: «Держись, моя многоуважаемая нервная система! Держись, сволочь этакая!»

– Ты уверен, что точно готов это узнать? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Поверь, я это пережи...

Он и вправду пережил. Но не совсем. Я, привыкшая к тому, что в большой семье добиваться своего порой нужно любыми способами, как и добираться до нужных вещей, просто использовала стража как лестницу. Оттолкнувшись одной ногой от пола, второй – уже в прыжке от его чуть согнутого колена, левой рукой ухватила за ворот мага и достала лист! А заодно слегка придушила стража. До легкого характерного хрипа.

Правда, финт не прошел и для меня даром.

Миг – и я оказалась впечатанной в стену и придавленной с другой стороны телом Дэниэла.

– Не советую повторять, – прошипел он.

А я подумала, что в этот миг мы были ближе, чем многие из любовников. И так думала, как оказалось через секунду, не я одна.

– Это не дом свиданий, адепт Стил! – строгий сухой голос эхом пронесся по коридору, отразившись от стен.

Страж медленно отпустил, хотя, точнее, опустил меня и отстранился. А я смогла повернуть голову и увидеть чопорную строгую даму. Внутреннее чутье мне подсказывало, что она – одна из преподавателей академии.

– Магистр Морриган, прошу прощения, – по-военному отчеканил страж, – но это было не свидание.

«А всего лишь удушение», – добавила я мысленно. Только кого душил – это еще вопрос. У меня в легких воздуха было, мягко говоря, немного. Но и у стража на шее красовался алый след от воротника, который я сжала.

– Да? – скептически произнесла маг. – Ну-ну... Завтра на практикуме я хотела бы увидеть от вас такие же рвение и самоотдачу учебе, какие я видела только что. – И она, тонко улыбнувшись, в абсолютном молчании прошествовала мимо нас.

А по ощущениям – совсем рядом проплыла шаровая молния, которая могла жახнуть в любой миг, да так, что от нас с беловолосым

гадом и пепла бы не осталось.

Я смотрела магистру вслед и, лишь когда женская фигура в мантии скрылась за поворотом, спросила, все так же продолжая пялиться в том же направлении:

– Это кто?

– Хана.

– Что за Хана? – не поняла я.

– Мне завтра хана. Как пить дать всю душу эта Смерть выпьет, – пояснил страж, а потом со злорадством добавил: – И из тебя, кстати, тоже. Могу поспорить на что угодно, профессор Морриган не только меня запомнила.

Я скривилась от этой новости, как от зубной боли.

– От тебя, адепт Дэниэл Стил, одни неприятности, – выпалила в сердцах.

– Могу то же самое сказать и о тебе, новоиспеченная адептка Роук, – не остался он в долгу. – И чем быстрее мы решим нашу общую проблему, тем быстрее избавимся друг от друга.

– Я тоже буду счастлива, когда ты исчезнешь с горизонта.

– Рад, что у нас с тобой такое крепкой взаимное чувство. Пусть и ненависти, – сверкнув улыбкой, нахально ответил беловолосый гад и, посерьезнев, добавил: – Я сегодня наведуось в библиотеку рода. – При этих словах он скривился, словно заранее готовясь к чему-то неприятному. – И надеюсь, смогу выяснить, как так вышло, что мы обменялись даром. А завтра в полдень жду тебя у центрального фонтана. Не опаздывай.

И, не сказав, а скорее отдав приказ, он отстранился и, повернувшись, пошел прочь как ни в чем не бывало. Даже, кажется, насвистывая какой-то фривольный мотивчик. Сволочь!

Я еще несколько минут приходила в себя. Не столько пыталась успокоить нервы, сколько магию. Занятие оказалось непривычным и оттого сложным. Сила бушевала во мне, рвалась наружу, раскаленной штормовой волной неслась по венам. И это заставляло концентрироваться на внутренних, не самых приятных ощущениях, отринув все внешнее. Я даже прислонилась к холодному камню стен и стиснула зубы, делая глубокие вдохи и выдохи.

Почувствовала, как постепенно стихает буря внутри меня. И только сейчас поняла, что мне чужда эта сила. Она не вызывала у меня

отклика, не наполняла эйфорией. Я терпела ее. А она – меня. Не более.

Но сколько мы сможем вот так выносить друг друга? Как бы мне ни был неприятен этот Дэниэл, в одном он оказался прав: нужно как можно скорее мне вернуть его водный дар, а ему мне – мой, огненный.

Ладно, буду разбираться с этим завтра, раз сегодня я все равно сделать с магией ничего не могу. А вот что в моих силах – это заселиться в общежитие.

Полная решимости, я направилась по коридору в противоположную сторону от той, куда ушел адепт. Поплутала я, к слову, изрядно, прежде чем нашла коменданта – грузного, крупного бородатого мужчину в годах, который смерил меня грустным взглядом.

– Они что там, издеваются? – читая формуляр, спросил он то ли у меня, то ли у мироздания. – Я этих-то еле расселил. Куда еще-то?

Я постаралась в ответ на это воззвание к небесам соорудить как можно более печальное выражение лица. Круглой и абсолютно несчастной сиротинушки.

– Ты чего, больная, что ли? Аль проклятие паралича схватила? – участливо поинтересовался здоровяк, и стало понятно: актерского таланта у меня целая гора. Только яма.

Пришлось срочно исправляться. И признаваться:

– Разжалобить хотела.

– Да меня-то что жалобить? – усмехнулся комендант. – А то я не знаю, что не от большого богатства вы, адепты, в бесплатные корпуса заселяетесь. Это вон господа аристократы в отдельном здании шикают. У каждого свои апартаменты, отдельные, за которые и плата немалая... но ничего, сейчас что-нить придумаем.

С этими словами он достал с полки внушительную амбарную книгу и, неторопливо перелистывая страницы, стал водить по строкам пальцем.

– Так, ты девица у нас не из пугливых? – оторвавшись от чтения, уточнил комендант. – Трупаков поднятых не забоишься иль отчерченной головы в холодильном шкафу?

– Я сейчас в том положении, что зомби стоит бояться меня, а не наоборот, – заверила я.

– Ну тогда есть у меня для тебя место. Правда, с выпускницей с факультета некромансеров. Девка там нервная, но сильная.

Я про себя печально вздохнула. Но куда деваться от мечты стать стражем? Как-нибудь соседку – мага смерти – переживу. Но завещание, в котором указать, что мой труп не может быть оживлен и использован повторно в некромантских обрядах, на всякий случай написать стоит. А то не хотелось бы, чтобы после собственных похорон меня подняли из гроба и доотомстили то, что недомстили при жизни. Или еще хуже – заставили работать совершенно бесплатно и круглосуточно, без соблюдения законов о защите прав трудящихся!

Только я более-менее свыклась с этой мыслью, как комендант, словно что-то вспомнив, добавил:

– Да, и, надеюсь, ты устойчива к ядам... не то чтобы алхимики варили только их, но обычно именно отравы у них и получается. Даже если это рецепт компота.

– Это вы меня так предупреждаете, что у меня будет еще одна соседка с факультета алхимиков? – догадалась я.

– Нет, – усмехнулся комендант. – Это они будут твоими соседками. А ты у них третьей лишней. – И, увидев мое вытянувшееся лицо, пояснил: – Обычно по двое в комнате живут. Но если площадь позволяет, то и три кровати поставить поперек можно. Вот в шестьдесят шестую можно... Впритык, правда. Но ничего, как-нибудь уживетесь, надеюсь...

Альтернатива этому «надеюсь» была только «пока кто-то из вас не вылетит из академии». А у меня, как у первокурсницы, шансы на бредущий полет вон из учебной программы были самыми высокими.

Поэтому я ответила взглядом коменданту: «Уживусь, обязательно. Даже если придется ради этого кого-то из соседок убить!»

Он на это ничего не ответил, лишь в его взгляде проскользнула добрая хитринка. Здоровяк огладил бороду и вписал в мой формуляр в строку номер комнаты – шестьдесят шесть.

– Ну, иди заселяйся. Кровать принесут через час. – И положил передо мной браслет-ходочиху, что открывал замок в моей новой комнате.

Как выяснилось чуть позже, такие браслеты носили все адепты. На них цеплялись и заклинание, отпирающее двери, и пропуск через ворота в академию, и число взятых библиотечных книг, и штрафные баллы...

И выдавали их коменданты на первом курсе. Всем заселявшимся. Потому как по правилам академии первый год все адепты должны были жить на территории академии. Официально – чтобы магистры могли следить за динамикой развития дара. Неофициально – чтобы юные дарования, дорвавшиеся до магических знаний, не разнесли все в городе – там, где их не успеют вовремя отловить и остановить опытные наставники.

А вот студенты старших курсов могли жить и за пределами академии. Браслеты при этом у них оставались. А место в общежитии – нет.

Это я узнала от коменданта прежде, чем пошла искать свою шестьдесят шестую... Не то чтобы я горела желанием знакомиться с соседками сию секунду, но понимала, что неизбежного не избежать, поэтому нет смысла тянуть дракона за подробности, отодвигая этот момент.

Моё новое жилище было на третьем этаже в самом конце коридора. Я прислонила браслет к двери и, когда почувствовала от амулета ответный импульс, толкнула створку. И первым, что услышала, было недовольное:

– Я же тебе говорила, что нам кого-нибудь подбросят! Ты мне десятку проспорила.

Интересно, та, которой я принесла прибыль в пари, обрадуется моему появлению? Что-то подсказывало: навряд ли. А вот вторая точно будет не любить меня вдвойне: и из-за проигрыша, и просто так, потому что потеснила.

– Добрый день! Знаю, вы мне не рады, но увы... – с этими словами я перешагнула через порог.

Я решила, что притворяться, будто ничего не услышала, – тактика не утопическая, а утопленническая: утянет она меня на самое дно. Говорить о том, что тебя не устраивает, нужно сразу. Иначе другие будут считать, что для тебя это норма. А где норма – там и привычка.

– О, смотри, Лори, смелая, – широко, я бы даже сказала, зловеще ухмыльнулась рыжая девица, сидевшая на кровати. Она беззастенчиво меня разглядывала.

Я тоже удостоила ее пристального взгляда. Худая, состоявшая, кажется, из одних сухожилий и костей адептка ничем не была похожа на некромантку. Где темные волосы, круги под глазами, выдававшие

ночные бдения, черный плащ или темные одежды, в конце концов? Если бы она не подкидывала на руке череп, как яблоко, я бы решила, что эта рыжая – алхимик.

– Я так понимаю, ты маг смерти? – задала я вопрос в лоб.

– И что? – нагло, явно меня провоцируя, заявила она.

– Да ничего. – Я пожала плечами. – Зовут-то как?

– Допустим, Дара, – с дружелюбной интонацией в духе «захлопни свой рот с той стороны» произнесла она.

– А меня зовут Ники. – И повернулась ко второй соседке: – А ты, значит, Лори?

Ответом мне стал мрачный взгляд. Так, похоже, это Лори проспорила десятку. В отличие от рыженькой, она была кудрявой шатенкой. Причем настолько кудрявой, что сейчас ее волосы напоминали пышное облако. Будь я вороной, точно обосновалась бы на такой перспективной макушке для гнездования.

– Значит, будем знакомы, – подвела я итог нашей увлекательной и содержательной беседы. И только хотела предупредить, что заселюсь завтра с утра, как меня опередили.

– Она уже меня бесит, – произнесла Лори, обращаясь к рыжей и напрочь меня игнорируя.

– Будешь травить? – заинтересовалась Дара, азартно подкинув череп так, что тот стукнулся в потолок, отбив с последнего кусок побелки. Тот угодил рыжей прямо по темечку, она досадливо смахнула этот дар свыше и положила свой костяной «мячик» на покрывало постели.

– Все может быть... – задумчиво протянула Лори и бросила на меня быстрый испытующий взгляд.

– Не дождетесь, к коменданту все равно не побегу, – правильно истолковала я эту импровизированную провокацию. – На моем факультете свободных мест все равно больше нет. Я и так иду сверх лимита... – «обрадовала» я соседок.

– Не лей в уши, на факультеты сегодня только окончательные списки вывешат, закрыт только на... – кудрявая осеклась и на миг замолчала, а потом подозрительно, недоверчиво так спросила: – Ты что, из стражей?

В ответ я приветливо оскалилась. Ну да, на остальные специальности места были еще не распределены среди абитуриентов.

Но это не значило, что свободные койки остались. Говоря канцелярским языком отельных работников, «все забронировано». И у коменданта к вечеру должно было быть, к примеру, шестьдесят свободных мест для заселения тех, кто поступил на алхимию, пятьдесят три – для теоретиков, двадцать комнат на первокурсников, зачисленных на лекарский факультет...

А раз я шла сверх лимита на факультет стражей, то комендант пристроил меня по принципу «лишь бы пристроить». Возможно, потом, спустя пару месяцев, найдется и для меня свободное место на этаже родного факультета, а пока... Пока вот так. Кстати, стало интересно, почему эти двое оказались в одной комнате? А не каждая со своими – алхимиками или некромантами?

– Если к нам еще поделят пифию, которую свои же выгнали за точные предсказания, у нас будет «полная башня», – отчего-то развеселилась кудрявая, громко заразительно захохотав.

– Чего это она? – не поняла я, обратившись к некромантке.

– Ты разве никогда не играла в «Две крепости»? – удивилась рыжая. – Карты воина, пифии, некроманта и алхимик – это же «полная башня».

– А-а-а, – протянула я понятиливо. – Там, откуда я родом, это не «Полная башня», а «Четыре психа».

В «Две крепости» я резалась с азартом еще в детстве. Правда, у нас эту комбинацию называли «Четверкой психов». Потому как теоретически с таким раскладом можно было выиграть. Но главное слово тут «теоретически». Поэтому тех, кто решался на подобное, величали чокнутыми. Ну и его расклад, собственно, психами.

– Психи – это еще точнее, – прыснула Дара.

И пояснила почему. Как оказалось, Дара предпочла отселиться от магов смерти сразу после второго курса: уж слишком вредный, даже для некромантки, у нее был характер. Там, где другой промолчит, она выскажет всю правду. А еще высокий уровень силы. Отчего она даже в полусне запросто могла оживить скелет. Так что про зомби, который мог бы меня разбудить посреди ночи, комендант ничуть не приврал.

У Лори все было еще более прозаично: кудрявая оказалась из семьи опальных аристократов, дочерью государственного преступника. Поэтому адепты с ее факультета предпочитали не только обойти девушку стороной, но еще и плюнуть в спину. Только

впечатляющий дар, отличные знания и упорство помогли ей поступить в академию. И то ректор лично ходатайствовала о зачислении такой перспективной адептки: брать Лори категорически не желали из-за ее отца.

И вот третья я – вне лимитов, лишняя на своем факультете, эмигрантка. Как и Лори с Дарой. Пусть и причины у меня другие. Но итог тот же: я вне своих. Стражей.

Теперь я поняла, почему кудрявая так, с оттенком истерики, смеялась: ирония судьбы, не иначе. Не хватала только пифии, и правда будет «четверка психов». А еще я поняла, что ужиться с этими двумя будет непросто. И близкими подругами мы не будем. Главное, чтобы и врагами тоже не стали.

– Ну, раз познакомились, я, пожалуй, покину вас до вечера, – обращаясь в шутливо-светской форме, произнесла я. – Вы тут пока проклятий на мою кровать, которую скоро принесут, наведите, что ли... Зомби в шкаф подсуньте, яду накидайте...

– Слушай, ты точно первокурсница? – ехидно уточнила рыжая. – Такие идеи хорошие подаешь, словно уже это проходила.

– Организовывала, – скромно поправила я.

Судя по тому, как переглянулись соседки, я только что бросила им профессиональный вызов. И я решила поскорее ретироваться, пока не ляпнула им чего-нибудь еще на свою голову.

Глава 6

Первым делом, выйдя в коридор, я посмотрела на часы. Стрелки показывали ровно три. Хм... По идее, Силь должна была уже освободиться, но вдруг она именно сейчас отвечает на экзамене, а тут я со звонком. А зная подругу, можно было быть уверенной на все сто, что звук у магофона она не выключила.

И тут, вторя моим мыслям, из сумки раздалась трель. Достала артефакт, который напоминал половинку куриного яйца: будто разрезанная надвое сфера, в центре которой круглый плоский кристалл. Сжала магофон, активируя связь, а потом раскрыла ладонь на уровне груди. Тут же в воздухе появился небольшой фантом подруги в вариации «по грудь» и завис прямо над центром кристалла. Размером проекция Силь была чуть больше моего указательного пальца.

– Ты не представляешь, какое это было демоново пекло! – тут же выпалила подруга. И пожаловалась: – Я чуть живая...

– Скажи главное: сдала? – оборвала ее стенания я.

– Не знаю. – Силь недовольно поморщилась. – Но по ощущениям – почти...

– Это как? – озадачилась я.

– Пока что я последняя в списке на зачисление. Но экзамен еще не кончился. Человек шесть осталось. Если никто не ответит лучше меня, то я прошла. Так что я сейчас у дверей аудитории стою, жду окончательных результатов. А у меня выступление скоро начнется. И есть ужасно хочется...

– Ладно, поняла. Я сейчас к тебе. По пути что-нибудь перехвачу.

– Только что-нибудь из здорового питания, – выдала подруга и отключилась.

Бывали периоды, когда Силь садилась на диеты, и тогда под запретом было все жирное, соленое, мучное. А бывали периоды, когда подруга с этих диет привставала и с удовольствием уписывала за обе щеки конфеты, котлеты и омлеты.

И судя по всему, сегодня вновь произошла рокировка в питании. Интересно, Силь на этот раз нацелилась влезть в какое-нибудь

ультрамодное и жуткое тесное платье или умудрилась влюбиться в красавчика из академии? Обычно именно в этих двух случаях подруга переставала доверять своей фигуре и начинала за ней усиленно следить, наблюдать и держать под строгим надзором.

Так или иначе, но в местной столовой были свои представления о том, чем питаться адептам. Поэтому, когда я подошла к Силь и протянула ей бумажный промасленный сверток, подруга, еще не развернув его, придирчиво уточнила:

– Я же говорила о здоровом питании...

– По-моему, жареная котлетка, маринованный огурчик, ломтик сыра – и все это меж двух свежих ржаных ломтиков – это очень здорово! – возразила я с набитым ртом.

Сейчас, после бешеного расхода магии, я, не евшая с самого утра, была счастлива до неприличия. И готова была урчать, как Пуся, от удовольствия. Как же это все было обалденно... Даже предпоследних денег за такую вкуснятину не жаль!

Впрочем, подруга не разделяла моего восторга. Она смотрела на бутерброд как на личного врага, мужественно сглатывая слюну, и сказала нерешительно:

– Знаешь, я, пожалуй, не так голодна...

– Тогда давай. Я съем. – Я протянула руку за свертком.

Желудок уже был почти полный, но я решила победить и второй бутерброд. Чего бы мне это ни стоило. Потому что, как говорил мой младший братец: «Фигушки! Уплочено».

Силь, отвернувшись, чтобы было проще расстаться с едой, мужественно протянула мне промасленную бумагу.

– Парень или платье? – разворачивая хрусткую упаковку, задала я вопрос, нацелившись на добавку.

– П... – начала было она, но оборвала сама себя, а потом и вовсе махнула рукой, резко повернулась ко мне и в сердцах произнесла: – Ну его!

А затем схватила уже почти мой бутерброд и алчно впилась в него зубами. Стон блаженства подруги услышала, наверное, вся академия. Так неприлично сообщать, что тебе хорошо, – это очень плохо! Потому что сразу начинаешь завидовать.

Разделалась Силь с едой в считанные минуты. А потом, с удовольствием облизав от горчичного соуса пальцы, призналась:

– Платье. Мне в нем выступать, а в талии жмет. И сегодня будет жать еще больше...

– Ну, за пару часов ты все равно бы не похудела, отказавшись от еды. Зато сейчас ты не отказалась от удовольствия

– Твоя правда, – с сожалением согласилась Силь и объявила: – Но с этой минуты я худею.

– Вот и правильно! На сытый желудок на диету садиться проще, – согласилась я.

За это меня одарили хмурым взглядом. Но от счастливого наевшегося человека отскакивают брошенные в него и слова, и взгляды, и легкие предметы...

В этот момент дверь экзаменационной аудитории скрипнула, выпуская в коридор очередного адепта. Парень поправил очки, понуро вздохнул и, не глядя на нас, побрел прочь.

– Не сдал, – удовлетворенно прокомментировала Силь, для которой каждое поражение конкурента означало приближение к победе.

А потом она нервно вскинула руку и посмотрела на запястье с часами.

– Демоны! Совсем немного до выступления. Что ж они никак провалиться не могут... – Она едва не пританцовывала на шпильках. И тут ее осенило: – Слушай, а ты не можешь дождаться тут результатов за меня? А? Там всего пара человек осталась. И они наверняка ответят хуже... Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста... – И Силь сложила ладони в молитвенном жесте.

– Ладно, беги на свое выступление, я покараулю. Скажи только, к скольким тебя ждать?

– Поздно! – крикнула Силь, уже бодро стуча каблучками прочь.

– Кажется, сюрприз моих новых соседок по комнате откладывается. Заселюсь утром... – произнесла я вслух.

А про себя прикинула, что как раз успею спокойно собрать вещи. Правда, завтра, чувствую, попаду в самую толкучку: в библиотеку за учебниками, на склад за униформой и, кажется, еще в лекарский отсек нужно заглянуть. Секретарь об этом говорила. И даже бланк дала...

Как представила, сколько беготни предстоит, так сразу почувствовала: я сейчас в самом расцвете. Правда, в расцвете упадка сил. Тихо застонав, прислонилась к стене и начала ждать.

Впрочем, долго я не простояла. Буквально каких-то два часа – и из кабинета вышел последний абитуриент. Народу вокруг было не очень много: остались, видимо, такие же, как подруга, сомнительные кандидаты на зачисление. Вопрос, кто же из них поступил, решила грузная дама. Она вышла из аудитории и прикрепилла заклиниванием к двери список поступивших.

Силь в нем не было.

– Простите, – я обратилась к преподавателю, которая было уже собиралась уйти. – А здесь нет никакой ошибки? Силь... Сильвия Киринс...

– Здесь все абсолютно верно, госпожа Киринс, – отчеканила маг.

– Я не... – не успела сказать, как перед моим лицом захлопнулась дверь.

Как сказать подруге о том, что она не поступила? Я набиралась мужества минут десять. А потом все же сжала магофон, сконцентрировавшись на образе подруги. Силь не отвечала долго. Я уже отчаялась дозвониться, когда артефакт мигнул и я увидела красотку в облегающем сценическом платье. И ничуть оно ей не было узко на вид...

– У меня выход через пару минут. Не томи...

– Силь. Выступи хорошо. Очень хорошо. Ради своей мечты. – Я постаралась улыбнуться. – А потом перезвонишь мне.

– Хорошо, – легко согласилась подруга и отключилась.

Это была самая долгая четверть часа в моей жизни. И когда магофон ожил, я едва не подскочила с пола, на котором сидела.

– Я провалилась? – первое, что спросила меня подруга. Без обиняков. И пояснила: – Иначе ты не пожелала бы мне удачи на выступлении так, словно я пою в первый и последний раз. – Она на миг замолчала, наклонила голову, и мне показалось, что подруга готова заплакать. А я даже не могу ее обнять. Но когда Силь подняла лицо, я увидела, что она улыбается. – Знаешь, а я ведь действительно так и пела... И была такой свободной, счастливой... Знаешь, я поняла, что совершенно не хочу учиться в академии, а потом возвращаться в наш городок и...

Она не договорила. Ее кто-то позвал, и подруга отключилась. А я побрела в гостиницу. До прихода подруги я так и не смогла уснуть. Силь вернулась за полночь. Широко улыбаясь, с бутылкой игристого и

ультимативным желанием «Отметить наши победы». Потому что, как оказалось, главный экзамен для себя подруга тоже сдала: она покорила публику «Звездного сияния». И после ее триумфального выступления руководство клуба сразу же пожелало заключить с ней контракт на ближайшие три месяца.

Радость подруги была столь всепоглощающей и беспощадной, что от нее поспешила спрятаться даже химера. Пуся задом залезла под кровать и теперь из темноты своего убежища пучила на меня свои желтые глаза. Я очень хотела составить тварюшке компанию, но не могла.

Силь же разлила напиток по бокалам и провозгласила:

– За наши победы!

Я же пока готова была признать только поражение пред напором энтузиазма подруги. Силь буквально фонтанировала энергией, рассказывая о своем дебюте. А когда выдохлась, пришла моя очередь поведать о своем экзамене.

– Что, и правда сама ректор принимала? Обалдеть! И ты стену пробила! Ты...Ты... Ники, я за тебя сейчас рада больше, чем за себя даже! – выдала в порыве эмоций подруга. – Эх, жаль, конечно, что мы с тобой не будем учиться вместе, как в школе. Но зато сможем видаться в выходные! И гулять втроем...

На мой озадаченный взгляд Силь пояснила:

– Ты, я и Пуся. Да-да, я про тебя, поганка многоликая! Я знаю, что ты внизу спряталась. – Силь наклонилась и выудила из-под кровати питомицу и, прижав к себе животинку, сообщила: – Завтра мы пойдем искать нам жилье.

Химеру это известие, похоже, не обрадовало, но кто ее спрашивал? На миг мне стало жаль глупую животину, но потом я вспомнила, как эта дурында вылезла на парапет и я чуть из-за нее не разбилась... Одним словом, поделом этой паразитке!

Проговорили мы с Силь почти до утра, уснув уже с рассветом. И вещи я, естественно, не собрала. Утром в срочном порядке я запихивала в чемодан все, что попало под руку. Поэтому в какой-то момент среди кома моих вещей оказалась Пуся... Благо я заметила и отсадила животину на пол. Но дурная тварюшка, сообразив, что это неплохой способ удрать от хозяйки, второй раз в чемодан сиганула уже осознанно. Причем с моей домашней тапочкой в зубах. Видимо,

последнюю цапнула для маскировки. При этом химера была в образе мелкой пушистой и жутко милой собачки. Так что отсаживать ее было тяжело не только физически, но и морально – такой просящий у Пуси был взгляд.

– Я буду тебя навещать, – доверительно сообщила химере. Но та уже успела обидеться и, на ходу обращаясь кошкой, демонстративно подняла пушистый хвост и гордо пошла в сторону окна. Напружинив лапы, она запрыгнула на подоконник и повернулась ко мне спиной, уделив все свое внимание осени, которая вальсировала золотыми листьями за окном.

Силь еще спала. И я не стала ее будить: все же сегодня ночью у нее выступление. Пусть как следует отдохнет. Позвоню подруге после обеда.

С чемоданом я направилась сразу в общежитие. И едва переступила его порог, как убедилась: студенты – это люди, которые никогда не спят. Жизнь здесь кипела вовсю. Кто-то переезжал из одной комнаты в другую, кто-то заселялся...

Я нашла свой шестьдесят шестой номер. Комната оказалась пуста. Не иначе как обе соседки уже ушли на учебу. Моя кровать потеснила их, но, в отличие от постелей Дары и Лори, была не заправленной. Матрац, закатанный в рулон, рядом с ним два комплекта постельного белья с зачарованными штампами академии. В шкафу обнаружилась также пустая полка. Видимо, моя.

Но прежде чем начать разбирать вещи, я проверила все. И пусть в магии была не сильна, но вот подпиленную ножку кровати можно было обнаружить и без нее.

Поэтому полчаса еще потратила на то, чтобы поменять местами свою кровать с кроватью одной из соседок. Закончив и смахнув пот со лба, только покачала головой. Я ждала большего... И начала разворачивать рулон с матрасом. И тут нашла это самое большее. В меня что-то брызнуло. Благо я успела уклониться. И теперь на стене у дальней кровати алело пятно краски. Судя по всему, на этот раз соседки использовали магию.

Дальше я действовала предельно осторожно, ощущая себя рыбаком на весеннем льду, когда один неосторожный шаг – и потом придется делать очень много спасательных движений. Но сюрпризов больше не обнаружилось. Я застелила свою постель, заправила ее, и

когда очередь дошла до разбора вещей, то выяснилось, что и я к соседкам пришла не с пустыми руками. Потому как в чемодане сидела Пуся!

Как химера смогла очутиться среди вещей, я понятия не имела. Вроде бы она до последнего сидела обиженной на подоконнике? Но тем не менее Пуся была тут. И возвращать ее Силь у меня просто не было времени. Нужно было успеть получить униформу, забрать учебники, узнать расписание на завтра...

Верну вечером – решила я. А пока дала наказ химере:

– Соседок впускать, живыми не выпускать. Некромантку – даже мертвой. Пугать можно и нужно.

– Мяу, – кротко и столь мило отозвалась Пуся, что стало понятно: ни о каком нападении на моих вражин и мысли быть не может. Исключительно подхалимство, просительный взгляд и кротость бедной, обиженной всеми кошечки... Или собачки... или игуаны... или... у Пуси было около семи ипостасей. Так что могли быть еще варианты.

Оставив эту упоротую – пардон – упорную в своем стремлении переселиться со мной в общежитие животину на произвол двух ведьм: алхимика и некромантки, – я поспешила в библиотеку.

Свой комплект учебников пришлось добывать чуть ли не с боем – такое столпотворение было в книгохранилище. И только получив заветную стопочку, я поняла простую истину: не так тяжело выиграть битву за фолианты, как дотащить их до комнаты. Но я поднатужилась и справилась. Правда, пришлось задействовать магию. Та откликнулась без особой охоты, но все же спустя несколько секунд я почувствовала, как сила разливается по мышцам. И мне на собственном опыте довелось убедиться, почему физическому воспитанию в академии уделяется почти столько же времени, сколь и практическим занятиям с даром. Потому что, каким бы мощным ни был твой источник, если тело хрупко, а каналы не разработаны, то они просто не выдержат его напора.

Поэтому сейчас мои мышцы трещали не под давлением увесистой стопки на пальцы, а под натиском распиравшей силы. Вчера, когда я ударила о стену кулаком, воздействие дара было точечным и длилось буквально доли секунды. Зато сейчас магия медленно жгла изнутри.

Но я упорно несла свой груз к намеченной цели. И когда я была рядом с общежитием, дорогу преградил какой-то адепт.

Он был таким мощным, высоким, солнцезагораживающим... одним словом, впечатляющим был этот адепт. И в новенькой форме.

– Может, чем-то помочь, цыпа? – широко улыбаясь, спросил он, а затем без церемоний положил свою лапищу мне на бедро. Конкретно так. Со шлепком.

– Вообще-то да, – с этими словами я чуть повернулась и молниеносным движением сунула собственную ношу в руки наглецу. От неожиданности он ее даже взял.

А я, не теряя времени, повторила жест громилы. Только с одним отличием. Мой удар был магически усилен.

– Твою ж... – только и выдохнул качок, пошатнувшись.

Чуть не выронил книги, паразит! Еле подхватить успела.

– Считай, что ты мне тоже понравился, – с этими словами я подкинула стопку, беря ее поудобнее, и направилась дальше.

– Ты с какого факультета? – крикнул громила мне вслед.

– Стражи. – Я полуобернулась.

– ...мля! Предупреждать надо! – в сердцах выдал качок.

– Это еще зачем? – удивилась я.

– Я со своими шашней не завожу, – уже ничуть не обижаясь на мою реакцию, весело отозвался адепт и, чуть прихрамывая, быстро нагнал меня.

– Это отчего же? – стало любопытно.

– Да мы обязательно разбежимся через какое-то время. А вы, баб... девушки, народ злопамятный. Поставят с бывшей в сцепку – и жди потом удара в спину. Нет уж.

– А ты, однако, стратег, – я усмехнулась.

– И тактик, – гордо добавил громила. – Меня, кстати, Люком зовут, – представился он.

– Я Ники, – не стала кокетничать. – Люк, давай за знакомство ты мне поможешь?

– Знаешь, из нас двоих помощь, вообще-то, мне требуется. Я теперь на заднице пару дней точно сидеть не смогу. – Он поморщился. Я перевела его ответ как: «Не помогу». А Люк как ни в чем не бывало продолжил: – Даже жаль, что ты из наших.

Я удивленно вскинула бровь.

– Ну, ты симпатичная. И с характером. Боевая. Опять же блондинка – все, как я люблю.

– Люк, тебе никто не говорил, что ты своей прямолинейностью можешь оглушить не хуже дубины? – задала я вопрос, поднимаясь на первую ступеньку крыльца общежития.

Он почесал свой бритый под ноль затылок и, белозубо улыбнувшись, ответил:

– В лицо – ты первая, самоубийца Ники.

И по его реакции я поняла, что это была своего рода проверка, провокация. И этот здоровяк не так прост, как кажется.

– Ну, бывай, цыпа. – Он сделал шаг назад, махнув на прощание рукой.

А я, глядя ему вслед, подумала, что в академии будет ой как непросто. Настолько, что даже очень весело.

Подтверждение этому предположению я нашла практически сразу же. Даже далеко ходить не пришлось: едва я прислонила браслет, продолжая удерживать стопку учебников, и толкнула дверь плечом, как услышала:

– Ах ты, гадина мелкая!

Машинально заслонилаь книгами, но в меня не прилетело не то что заклятия, даже заваливающей вазы. Да что там вазы! Бранного слова, и того не дождалась!

– Хватай ее, Лори! Да не руками! Заклинанием! А то эта сволочь опять тебя когтями полоснет.

Выглянув из-за своего укрытия, увидела, как соседки, абсолютно не обращая на меня внимания, пытаются снять с люстры Пусю.

Хотя химера сейчас больше походила на исчадие темных сил, чем на мирную животинку: шерсть вздыблена, на когтях лапы рыжий клок волос, хвост трубой и грозное шипение в адрес противника – вот тот устрашающий арсенал, который химера обратила против двух магичек.

Противницы выглядели немногим лучше: у Лори поцарапанное запястье, Дара со взлохмаченной шевелюрой. И тут некромантка метнула магическую плеть в сторону химеры. Та с грозным «мяу!» легко ушла от атаки и сиганула с люстры на карниз, державший шторы. Что примечательно – трофейный клок пушистая поганка так и не выпустила.

– Пуся! – поставив книги на пол, грозно рыкнула я так, словно была матерью, заставшей чадо за очередной шкодой,

Киса сразу как-то уменьшилась в размерах и постаралась принять максимально покаянный вид: дескать, это не маленькая славная кошечка хулиганит, это ее изверги обижают.

Я же наконец-то смогла оглядеть и поломанную (сама перетаскивала!) кровать, которая ныне обреталась на трех ножках, и раскиданные вещи, и опрокинутый горшок с какой-то чахлой геранью – подобный погром не могло сотворить ни одно каверзное заклинание, ни одна магическая пакость. Зато с задачей «насоли соседкам» отлично справилась химера.

– Это твоих рук дело? – наставив на меня указательный палец требовательно спросила рыжая некромантка. При этом в ее интонации удивительным образом сочетались возмущение, удивление и восхищение.

– Я не нарочно, честно, – попыталась оправдаться.

Повисла пауза. Соседки прикидывали, вру ли я, и если да, то насколько талантливо, или все же говорю абсурдную правду. Наконец Лори, пригладив рассеченной рукой кучерявые темные вихры, задумчиво произнесла:

– Если такое у тебя получается случайно, боюсь представить, что может быть нарочно и продуманно.

Говорить, что главное мое оружие – и для меня самой тоже – это импровизация, я не стала. Зачем портить грозный образ чистосердечным признанием?

– Раз это твоя тварь, то ты ее и снимай, – решительно заявила рыжая.

Видимо, они ждали, что я тоже буду тянуть к этой мохнатой паразитке руки. Ага. Как же. Я просто подошла к шторе, взялась за полотно и громко произнесла:

– Пуся! Еда!

И тут же как следует дернула за ткань. Химера, обрадованная любимейшей из команд, потеряла бдительность и шлепнулась на пол. Как и полагается каждой приличной кошке – на четыре лапы. Я ловко успела ее подхватить, и тут тварюшка в моих руках начала меняться: тело вытянулось, покрылось чешуей, и через пару секунд в моих руках была змея. Если не ошибаюсь, песчаный выползун. Не ядовитый, но

длинный и увесистый. Я лишь успела перехватить Пусину голову, чтобы химера в новом облике не вздумала меня цапнуть.

На моей памяти такой безногий облик она приняла лишь однажды. От большой обиды, когда ей не дали жареное куриное крылышко. А ведь она его так просила! Тогда химера тоже обратилась в этот длинный кожаный шнурок и заползла под диван, откуда ее выковыривала всем семейством Киринс.

– Эй, новенькая... – сглотнув, тихо произнесла Лори. – Убери ее.

– Не надо обижать Пусю. Посмотри, какая она милая, – поглаживая второй рукой извивающееся тело химеры, чтобы успокоить тварюшку, начала было я и сделала шаг к соседке.

Что примечательно, расстояние между мной и Лори не уменьшилось: она сделала точно такой же шаг назад. Подозреваю, что таким образом мы могли бы далеко уйти.

Некромантка, в отличие от кучерявой, не выглядела напуганной. То ли в змеях лучше разбиралась, то ли нервная система просто крепче была...

– Ладно, считай, что в этот раз ты нас обставила, – произнесла Дара, глядя на Пусю в моих руках. – Возвращай этой гадине нормальный облик.

– Не могу, – честно призналась я. – Она сейчас отойдет от обиды, успокоится и сама...

– И где ты только раздобыла эту химеру? – словно примеряясь, а не добыть ли такую самой, уточнила рыжая.

– Это не моя, а подруги. Она сегодня залезла ко мне в чемодан, когда я собиралась. Вечером хотела ее отдать. Я не могла представить, что Пуся тут все так перевернет. – Стало неудобно за мелкую нахалку.

– Слушай, а ты не можешь мне ее одолжить на время? – деловито поинтересовалась рыжая. – Мне тут одного гада напугать до теплых штанов... кхм, – она кашлянула и исправилась: – Произвести впечатление на адепта надо. Я гарантирую, вкусно твою Пусю до отвала накормлю после операции.

Я не успела ничего ответить на это деловое предложение, как химера все решила за меня. Животинка, услышав волшебное слово «еда», вновь стала белой и пушистой... сукой. Причем таких габаритов, что я псину едва не уронила, спешно опуская на пол.

Пуся деловито завиляла хвостом, а я обречённо подтвердила уже очевидное:

– Забирай. Но к вечеру я должна вернуть ее Силь.

– Заметано, – хитро подмигнула рыжая и, прихватив сообщницу за загривок, с энтузиазмом потащила Пусю к выходу. Что примечательно, химера не сопротивлялась, а была всеми четырьмя лапами только за.

Когда же мы с Лори остались одни, кучерявая неожиданно произнесла:

– Я с детства боюсь змей. Болотный полоз меня едва не утащил в топь, когда мне было семь...

– Для панической атаки ты хорошо держалась, – постаралась приободрить соседку.

– Просто я сама пыталась на нее напасть, – отшутилась Лори.

– Знаешь, судя по всему, у тебя это получилось, – поддержала ее каламбур.

А потом мы начали прибираться. Потому что ничто так не избавляет от страха, как работа. Спустя час комната была в идеальном порядке. И даже сломанная ножка кровати починена. Правда, с помощью магии, а значит, через пару месяцев все равно придется ремонтировать, уже с помощью молотка и гвоздей. Но пока стоит же!

Глава 7

Заодно во время уборки Лори просветила меня по поводу основных правил в общежитии. С животными – нельзя. С парнями – нельзя. Со спиртным – нельзя. Магией, если та не бытовая, пользоваться не смей! Драки даже без применения магии под запретом...

– Отрезали от всех радостей жизни, – подытожила соседка печально. – Еще и штрафные баллы навесить могут. А как наберешь их больше пятисот, и отчислить могут.

Слушая Лори, я взгрустнула: не так, оказывается, тяжело поступить в академию, как из нее не вылететь.

Зато, помимо списка из «нельзя», я узнала, где, а главное, как раздобыть форму, чтобы тебе попала не совсем уж ветхая и линялая. А именно такую обычно и выдавали первокурсникам. Был, конечно, вариант купить новую, хрусткую и не усевшую по чужой фигуре. Но для этого нужны были деньги.

Поэтому, расставив на полке учебники и попрощавшись с соседкой, которая собиралась пойти в библиотеку, я рысью устремилась к кладовщику. Отстояв изрядную очередь, жестом фокусника достала бланк и, махнув им перед носом у сварливого привратника складских полок, уверенно, на честном глазу произнесла:

– Николь Роук, второй курс факультет стражей.

Возможно, в других обстоятельствах, когда мою спину не подпирали бы целая толпа жаждущих получить свое адептское облачение, старик с лицом, измученным сном, и изучил бы мою бумажку более пристально. Но сейчас кладовщик лишь скривился, что-то пробормотал и отправился за моей формой. Принес стопку одежды, упакованную в оберточную бумагу и перевязанную бечевкой. Новая!

Сзади тут же раздалось возмущенное:

– Эй! А почему остальным старую, а этой нет?

– А мне такую же!

– Хочу и себе в упаковке...

– Вот проучитесь год, – грянуло на все немаленькое помещение, – тогда и получите.

Толпа притихла.

А затем я увидела Гэби. Ту самую брюнетку, с которой мы стояли у окна и разговаривали перед экзаменом. И я одними губами, без звука, произнесла: «Скажи: второй курс» – и показала два пальца жестом, каким обычно обозначают галочку.

И хотя мой добрый порыв был сумбурен, судя по тому, как ухмыльнулась брюнетка, она все поняла. Я же, счастливо прижимая к себе сверток, отправилась в общежитие.

Что было хорошо в новой форме, так это то, что она, как и обувь, усаживалась по фигуре. Правда, первые пару дней придется походить с ощущением мешка, но все же это лучше, чем кем-то уже разношенная.

Вот только в боях за учебники и интригах по добыче одежды я не уследила за временем. И назначенный блондином полуденный час просто-напросто проворонила. Но Дэниэл был из тех дипломатов, которые найдут вторую сторону для переговоров, даже если та усердно уклоняется от диалога. А уж делает она под благовидными предложениями или под крышкой гроба, слегка умерши, – это уже детали.

К чему это я? К тому, что Стилл каким-то немислимым образом умудрился не только узнать мою комнату, но и проникнуть в нее. И сейчас ожидал меня подобно демону возмездия.

– Ты ни о чем не забыла? – вкрадчиво вместо приветствия спросил адепт.

А я же захотела выругаться: это не комната общежития, а ящик проклятий какой-то! Как только я открываю крышку – пардон – дверь, так со мной случается какая-то неприятность. То демарш Пуси, то теперь вот этот пылающий гневом страж...

– Извини, – произнесла, быстро заходя внутрь и захлопывая дверь. – Я помнила, честно, но закрутилась и... Как ты сюда попал, вообще? – под конец моя оправдательная речь приобрела возмущенно-ультимативные интонации.

Что-то подсказывало, что прощения просят слегка иначе, но я уже не могла остановиться.

– Ты вломился в мою комнату, требуешь от меня чего-то. Хотя сам ничуть не меньше виноват в случившемся. – Я наставила на блондина

палец, словно магическую палочку, готовую шарахнуть в любую секунду разрядом молнии.

Вообще-то, эти самые палочки уже считались архаизмом, но чародеи старой школы предпочитали их, а не современные браслеты с обоймами пульсаров. И сейчас я как никогда понимала приверженность старшего поколения к такого рода артефактам. Потому как вытянутый палец, увы, выглядел не столь устрашающе, как волшебная палочка.

– Кажется, вчера мы все прояснили насчет этого, – сквозь зубы процедил адепт.

Он хотел еще что-то добавить, но тут начала отворяться дверь... И я тут же вспомнила об одном из «нельзя» общежитских правил.

Дэн не успел опомниться, как я, схватив его за руку, потащила к месту, где всякая приличная девушка прячет своих любовников. С испугу у меня случился небывалый прилив сил, и я в считанные мгновения умудрилась утрамбовать внушительного адепта в скромный платяной шкаф. При этом Дэн оказался в скрюченном положении, так что колени едва ли были не на уровне ушей.

Меня одарили весьма выразительным взглядом, прежде чем я захлопнула створку. И ровно в это же мгновение распахнулась входная дверь. Вернулась Дара. Некромантка лучилась счастьем и прижимала к груди Пусю. На этот раз многоликая тварюшка была в кошачьем обличье и, довольно урча, уминала хвост от копченой рыбины.

– Ники, твоя химера прелесть какая гадость! Она так располосовала Тинка, как не всякая тварь тьмы может...

Пуся польщенно мякнула, на миг оторвавшись от подачки, и вновь принялась ее с упоением уплетать.

– Это было невероятное зрелище. Главное, чтобы этот придурок патлатый не понял, кто его так...

Но тут в коридоре раздались шаги, а потом и удары кулака о дверь и грозное:

– Рыжая паршивка, я знаю, что это твоих рук дело! Выходи!

– Понял... – обреченно простонала некрмантка и, сунув мне в руки химеру, коротко попросила: – Спрячь, пока я его отвлекаю...

Я глянула на Пусю, которая была пока что нейтрализована рыбьим хвостом, недолго думая, открыла дверь шкафа и, прошептав Дэну:

– Подержи у себя, – сунула в руки ошалевшему от такого поворота событий адепту химеру, которая, в свою очередь, мертвой хваткой вцепилась в рыбий хвост.

Вовремя успела. Рыжая, которая стояла ко мне спиной, как раз распахнула дверь и на рык парня, чье лицо украшала дюжина, не меньше, шрамов от когтей, ответила не менее эмоционально:

– Какого трупа ты тут забыл!

– Поднятого! Зараза. Это ты на меня эту тварь натравила!

– Я никого не травлю. Это моя принципиальная позиция! – назидательно подняла палец Дара. – К тому же яды у меня получаются отвратительно. Так что если я хочу кого-то устранить, то мне проще закопать...

– Издеваешься? – спросил парень, и я увидела, как его глаза наливаются алым.

Он хотел еще что-то сказать, но тут оба замерли, а потом расплосованный решительно шагнул в комнату, ловко обойдя некромантку, и заозирался.

– А ну-ка, вышел немедленно!

– И не подумаю, – самодовольно ухмыльнулся меченый – Сейчас придет смотритель, и штрафные баллы впаяют не только мне.

При этом он улыбнулся так широко и злорадно-искренне, как это может сделать лишь человек, сам севший в лужу и посадивший рядом с собой неприятеля.

Но Дара была, похоже, из тех, кто так просто не сдается, и в следующий миг она проделала то же, что и я несколькими минутами ранее. Правда, при своем невысоком росте умудрилась схватить расплосованного типа за шкурку и, открыв дверь шкафа, не глядя закинуть в его недра незваного гостя.

Нет, эта комната не ящик проклятий, а просто проходной двор какой-то!

Дверь в очередной раз открылась. Без стука, словно входивший хотел застать нас врасплох. И таки застал двух девиц за неподобающим занятием.

Я ставила рыжей щелбан. Это первое, что пришло мне в голову, чтобы имитировать непринужденную атмосферу.

– Ай! – воскликнула некромантка, потирая лоб.

– Что у вас тут происходит? – грозно спросила чопорная сухопарая дама, глянув на нас ястребиным взором.

– Проигрыш в споре, – счастливо поделилась я. – Дара заявила, что я не смогу сто раз присесть, а я смогла. Я и еще столько же смогу. Хотите, покажу...

– Нет, спасибо, – поджав губы, сообщила смотрительница.

– Вы тоже мне не верите?! – с возмущением спросила я и добавила: – Я вам сейчас докажу! Заходите. – И активно махнула рукой в приглашающем жесте.

А затем и вовсе потянулась было втащить даму в комнату. По ее ошарашенному взгляду стало понятно: это первый случай, когда ревизора пытаются не выпроводить, а насильно не только заманить в комнату, но и заставить участвовать в сомнительных развлечениях, которые творятся тут.

А я, делая вид, что не обратила на сопротивление ни малейшего внимания, деловито уточнила:

– Вы сколько щелбанов на кон ставить будете?

– Я? Что? Нет! Это безобразие! – наконец обретя дар речи, возмутилась смотрительница.

– Почему? – нарочито удивилась я. – Это же физическое развитие. Оно полезно, оздоровительно и не запрещено уставом общежития. Так что мы ничего не нарушаем...

– Я вижу, что ничего не нарушаете, кроме законов логики и здравого смысла, – проворчала дама и, еще раз зорко оглядев комнату, закрыла дверь.

Секунда тишины. А потом Дара не выдержала и прыснула.

– Ну и спектакль! – хохотала она. – Ты бы еще у Занозы-Тильды спросила, кто она такая...

– А правда, кто? – я не удержалась от иронии. То, что данная дама была в женском общежитии карательно-дозорным органом, следящим за порядком, мне было и без пояснений понятно. И кого она искала – тоже. Эти «тоже» сейчас как раз сидели в шкафу.

А что до представления – мне не хотелось в первый же день отхватить штраф. А когда мне чего-то сильно не хочется, то я способна практически на все!

– Язва прободная, вот она кто. Но лучше ее не злить. Злопамятная до жути, – просветила меня Дара и потянула за ручку двери платяного

шкафа.

Я хотела ее опередить, но не успела.

– Упс... – только и смогла сказать некромантка.

На нас из недр шифоньера смотрели два жутко недовольных адепта и одна счастливая химера. Пуся с блаженным видом прижимала лапой к груди Дэна скелет от рыбьего хвостика, словно делясь с блондином самым ценным – своей добычей. Но, судя по взгляду стража, он этому был не очень-то и рад. Неблагодарный!

– Скелетина, ты по-прежнему будешь утверждать, что ни при чем? – И меченый обличительным жестом указал на Пусю.

С учетом того, что шрамированный при этом стоял, скрючившись в три погибели, его палец фактически ткнулся в нос химере. Та устояла на перст с интересом, потом потянулась, обнюхала его и цапнула. И пусть не сильно, даже крови не было, но тип все равно его отдернул.

Дэн, в отличие от меченого, не сказал ничего, но так на меня посмотрел, что лучше бы тоже озвучил все претензии разом. Вместо этого он аккуратно начал даже не вылезать из шкафа, а скорее раскладываться. Да, именно так. Сначала из шифоньера высунулись согнутые ноги, которые затем распрямились, потом тело, руки, голова... И лишь глянув на пространство внутри гардероба, которое до этого занимал страж, я поняла: этот Стилл – страшный человек!

Мало того что он, как всякий маг-боевик, умел с легкостью выпутываться из экстремальных ситуаций в кратчайшие сроки, как просто адепт, дошедший до выпускного курса, мог не спать сутками, выполнять огромный объем умственной работы за короткий срок и спать на лекциях с открытыми глазами, так, оказывается, еще и умудрялся быть жидкостью! Потому что только она могла бы распределиться меж одежды, чемоданов, обуви, Пуси и соседа по шкафу. Одним словом, Дэн был очень опасен. Со всех сторон.

Меченый выбрался из шифоньера не так аккуратно, обрушив штангу. Та упала на химеру. Тварюшка испугалась и, резво прыгнув на уже знакомого и удобного для заточки когтей типа, впиалась тому в ногу повыше колена.

Несчастный, который стоял уже одной ногой в комнате, не глядя шагнул вперед, почти вывалившись из гардероба. На бедре его

болталась кошка, голову украшала моя кокетливая оранжевая шляпка, а плечо – игривый пеньюар то ли Дары, то ли Лори.

– Пуся! Фу! – рявкнула я и, схватив химеру, попыталась отодрать от и так травмированного адепта.

Но тварюшка то ли от испуга, то ли из охотничьего инстинкта, который не позволял ей выпустить добычу, вцепилась в ткань и ногу еще крепче. Но я была упорна и...

Как оказалось, на поверку ткань была непрочной. Не ткань, а марлечка, одним словом. Еще и ветхая навверняка. Иначе она не разодралась бы лоскутами. И плевать, что на вид прочнее поплина.

И мы все смогли лицезреть голубенькое, в розовое сердечко, исподнее шрамированного адепта.

– Симпатичненькие, – ехидным тоном прокомментировала Дара и поинтересовалась: – Бабуля дарила? Милый оберег от свиданий.

– Да твою ж!.. – глядя на новые потери, выругался располосованный.

Сейчас шрамы от пусиных когтей украшали не только его лицо, но и бедро!

Глядя на результаты моего отдиранья Пуси от ее жертвы, Дэн буднично поинтересовался:

– Николь, ты хотя бы изредка думаешь, что творишь?

– Да. Иногда, – призналась я.

На это страж только мученически вздохнул, словно вопрошая небеса: за что ему досталась такая я? За какие великие прегрешения?

– Ладно, через десять минут жду тебя у крыльца общежития, – тоном, не терпящим возражений, произнес Дэн и целенаправленным шагом двинулся к окну.

Страж распахнул створку, которая была, как оказалось, притворена, но не закрыта на шпингалет, и вскочил на подоконник. Хм... ну теперь понятно, как он очутился в комнате: в отличие от шрамированного, не стал брать центральный вход тараном, а воспользовался «калиточкой сбоку».

Дэн же, в подтверждение моим мыслям, прыгнул и был таков. Нас осталось пятеро: я, рыжая, Пуся, располосованный когтями химеры адепт и его желание нас с некроманткой придушить.

– Я, пожалуй, и вправду пойду, – начала я свою дипломатическую речь и поинтересовалась у Дары: – У тебя нет небольшой сумки?

– Для чего? – не сразу поняла мою просьбу адептка.

– Для кого. Нее. – И я на вытянутых руках продемонстрировала Пусю, прихваченную под мышки.

Ее тело при этом вытянулось длиннющей колбасой. То ли тому виной была сила гравитации, то ли особенности тела химеры, но тварюшка растянулась так длинно, что при взгляде на нее лично я задалась вопросом: когда же Пуся, наконец, кончится?

– Так оставь ее здесь, – не поняла некромантка.

– Боюсь, в таком случае, когда я верность, просить меня об одолжении будешь уже ты. – Я кивнула на дело когтей Пуси. Дело стояло, сопело и явно сдерживалось из последних сил, чтобы не оторвать одну рыжую голову при свидетелях.

– Не буду. Я же некромантка, – махнула рукой Дара. Дескать, плевое дело – труп до кладбища донести, пардон, довести.

Но сумку все же дала. И я, посадив химеру в альтернативную переноску, поспешила на улицу. Выходя из комнаты, услышала, как раненый адепт приказал Даре:

– Сама меня порезала, Скелетина, сама и зашивать будешь.

И впервые в голосе рыжей мне почудилась растерянность:

– Я не умею...

Было очень интересно подслушать, кхм, узнать, исключительно узнать, чем у этих двоих закончатся их разборки, но меня на крыльце ждали мои собственные проблемы, и я поспешила к ним.

Дэн стоял чуть поодаль в тени с таким скучающим видом, словно это не он категорично назначил мне встречу, а я умоляла его о свидании.

– Это еще зачем? – без обиняков спросил страж, кивнув на не полностью закрытую сумку, из которой торчала наглая пушистая морда.

– Это часть операции по дехимеризации.

– Хочешь от нее избавиться? – заинтересованно уточнил страж.

– Скорее избавиться того несчастного от Пуси.

На это Дэн лишь хмыкнул, но комментировать не стал. А вот мне неожиданно захотелось поговорить. Но не о химере, а о магии.

– Ты нашел что-нибудь об обмене даром? – спросила я в лоб.

– И да, и нет. – Страж выглядел озадаченным. – Пройдемся?

Мне ничего не оставалось, как согласиться. Прогулка вышла недолгой, но содержательной. Как успел выяснить Стилл, обмен дара действительно может произойти. Не отъем, а именно обмен.

Правда, во всех случаях жизнь одного из магов должна была стремительно уходить. Если проще – чародей должен был находиться на грани жизни и смерти. В этом случае более сильный дар из угасающего тела мог устремиться в тело здоровое и вытеснить из того слабую искру.

До этого я не задумывалась о легендах, больше похожих на сказки, в которых старая мудрая ведьма, умирая, хватала за руку какую-нибудь девочку, что была рядом, и наделяла ту своей силой. А это оказалось вовсе не вымыслом, а реальностью, причем имеющей научное обоснование.

– Но мы-то с тобой оба живы! – воскликнула я.

– И это-то и нелогично, – озадаченно, словно речь шла о решении головоломки, а не о его собственной жизни, отозвался Дэн.

– И что теперь? – Я поправила сползавшую лямку сумки: Пуся в той разе что не скакала, просясь на волю.

– Есть еще вариант – поискать в закрытом секторе библиотеке академии.

– Значит, пошли туда! – И я решительно сделала пару шагов вперед.

– Ники, а тебя не насторожило слово «закрытая»? – вкрадчиво поинтересовался Дэн.

– Ну если ты сказал «есть вариант», значит, у тебя уже есть и план, как туда проникнуть. – Я пожала плечами.

– Ники, тебе никто не говорил, что на выражах твоей логики может разбиться даже стальная психика?

Я ничего не ответила, лишь скромно опустила взгляд. Дескать, стараюсь по мере своих сил и твоих слабостей. Дэн тяжело выдохнул и произнес:

– И почему из всех именно ты?

– Потому что одних сводит судьба, других – гребаный случай, а нас и вовсе Пуся.

– Мяс, – подтвердила химера, высунув морду из сумки.

– Вообще-то это был риторический вопрос, – со скепсисом заметил Дэн.

– Ну так и ответ философский, – не растерялась я. – Так что там насчет закрытого фонда?

– Сектора, – поправил страж. – Пойдем туда сегодня ночью. После отбоя. Я взломаю защитный периметр, а ты подстрахуешь.

– Я, конечно, рада, что ты такого высокого мнения о моих способностях, но боюсь тебя разочаровать: в магии я слегка... – хотела сказать «никак», но потом заменила на более обтекаемое: – ... теоретик.

– Вообще-то я высокого мнения о СВОЕМ даре, который временно застрял в тебе, – иронично отозвался Дэн. – Так что буду ждать тебя в полночь под окном душевой женского общежития. И в этот раз не опаздывай!

И, развернувшись, он не оглядываясь направился прочь. А я осталась.

– Не опаздывай, – передразнила я его, скорчив вслед удаляющейся спине гримасу. А раздача неприличных жестов у меня всегда была бесплатной. Так что я показала вслед Дэну сразу два. – Тоже мне, командир нашелся. Да, Пуся? – последняя фраза была обращена к химере.

Но, судя по ее морде, она была категорически со мной не согласна. Еще и протяжно, жалобно так мяукнула вслед стражу. А тот возьми и повернись!

Дэн увидел мою комбинацию из пальцев и широко улыбнулся, словно я отвесила ему изысканный комплимент.

– Ты тоже меня бесишь, – прозвучало его радостное.

После чего страж наконец исчез.

– Предательница, – констатировала я Пусин демарш.

Химера ответила мне взглядом оскорбленной в лучших чувствах фанатки, у которой на глазах надругались над светлым ликом ее кумира.

– С тобой надо что-то срочно решать, – строго сказала я этой пушистой вольнице и потянулась за магофоном.

Силь ответила не сразу. А когда все же я увидела ее на проекции, подруга выглядела заспанной.

– Ты изверг, Ники, – зевая, отозвалась она.

– От монстра слышу, – вторила я ей.

– Это еще почему я монстр? – надула губки красotka.

– Спать до двух дня... Ты монстр!

– Как два? – тут же всполошилась Силь. – У меня же в четыре репетиция, а потом...

– А сначала я передам тебе Пусю, – оборвала я подругу.

А затем вкратце рассказала о деяниях ее питомицы, закончив свой разговор категоричным:

– Никуда не уходи из номера, я скоро буду. – Получилось ничем не хуже самоуверенного белобрысого стража.

Да уж... Раньше за собой я таких интонаций не замечала, но, как говорится, с кем поведешься, от того и подселенца получишь. В случае со Стиллом, правда, гадостей наберешься. Но это примерно одно и то же. А может, во всем виноват его дар...

С такими мыслями я поспешила к гостинице. Пуся, видимо догадавшись, куда я держу путь, выла на одной ноте. Как сирена. Нет, хуже сирены. Выйдя за ворота академии, я не выдержала этой звуковой атаки и купила в ближайшей забегаловке жареную сосиску.

Ткнула едой в морду химеры, а та скривилась.

– Жуй!

«Нет», – выражал весь вид этой поганки.

– Жуй, кому сказала! – рявкнула, словно это дурында могла соображать.

Химера нехотя куснула подачку, а потом, распробовав, накинулась на угощение. А я могла перевести дух. Уф! Заткнула. И рысью помчалась к Силь.

Передавала я питомицу подруге под недовольные вопли Пуся, успевшей дожрать свой жареный кляп. Но в отличие от меня подруга к выкидонам и ариям питомицы привыкла и не обратила на них равным счетом никакого внимания. И Пуся быстро свернула концертную деятельность.

Силь же заварила крепкий кофе, соорудила бутерброды, и мы перекусили: я пообедала, она позавтракала, и обе – поболтали, поохотали, увлеклись так, что Силь едва не опоздала. И проворонила бы время, если бы я, глянув на часы, не уточнила:

– А у тебя не в четыре разве репетиция? – И добавила, глядя на то, как подруга уминает третий бутерброд с ветчиной и сыром: – И, кстати, ты же говорила, что с сегодняшнего дня на диете.

– Если бы я не была на диете, то съела бы пять, а не четыре, – назидательно подняла Силь палец, а потом ответила и на мой вопрос: – Да, прогон в четыре. А что?

– Так уже почти... – И я указала взглядом на циферблат.

Подруга подскочила и, посрамив боевых магов, норматив одевания на построение которых был двенадцать секунд, собралась за десять.

Ха! Просто ни у одного из боевиков не было такого стимула, как у Силь! Покинули мы гостиничный номер стремительно. Причем настолько, что Пуся даже мяукнуть не успела.

Подруга, включив разгон с нуля до сотни, помчалась в сторону остановки. Причем так стремительно, что я не удивилась бы, если бы после нее остался дымящийся след на асфальте. Но нет, его не было.

А я, облегченно выдохнув, что наконец-то сдала химеру хозяйке, поторопилась к воротам академии. И пусть до их закрытия было еще далеко, но мне предстояло еще много чего сделать: разобрать вещи, узнать расписание, привести себя в порядок, в конце концов. А еще не мешало бы вздремнуть перед ночной вылазкой.

Последний пункт был особо соблазнителен. И я так быстро переделала все ему предшествующие, что сама себе поразились. И в девять вечера счастливо упала на кровать прямо в тюрбане из махрового полотенца. По-хорошему, надо было бы дожидаться, пока волосы хотя бы немного просохнут, но я за день так устала, а ночью устану еще больше...

С такими мыслями я малодушно смежила веки. Благо в комнате не было Дары уже, а Лори – еще. У некромантки в расписании стоял ночной практикum на погосте, а кучерявая повелительница поварешки и ядов два часа назад отправилась в библиотеку и до сих пор не вернулась.

Глава 8

В сон я провалилась, как в пропасть. А очнулась оттого, что кто-то долбит мне прямо в мозг. С трудом продрала глаза и поняла: не в мозг, а в стекло. То тихонько звенело. Помотала головой, прогоняя остатки сна, и подошла к подоконнику. Нависла над ним, выглядывая на улицу, и увидела злого стража. Дэн как раз замахивался в очередной раз.

Пришлось отодвинуть в сторону цветочный горшок с чахлым, чуть светившимся в темноте кустиком, открыть створку и свеситься в окно.

– Я тебя жду уже битых полчаса! – услышала я вместо приветствия.

Дэн произнес это в лучших традициях сварливого преподавателя, который вынужден отлавливать нерадивых адептов перед своей лекцией по всем углам академии.

– Уже бегу! – отозвалась я и захлопнула створки, а затем, маскируя следы ночных переговоров, поставила и цветочный горшок на свое место.

И лишь потом запоздало сообразила оглянуться на кровать Лори. Что удивительно, кучерявой в комнате не было. То ли у нее случилось свидание, то ли она кого-то травила, то ли откопанный фолиант в библиотеке так увлек... В любом случае ее на собственной постели не наблюдалось.

Да уж, какая в нашей комнате, оказывается, насыщенная ночная жизнь. Даже поболее, наверное, чем в клубе «Звездное сияние» у Силь. А что? Туда приходят выпить, расслабиться... А у нас тут у всех абсолютное напряжение. Дара нежить глушит, я собираюсь библиотеку обчистить, Лори... Пока не ясно, что именно она делает, но наверняка это «что-то» в списке пунктов устава академии идет под грифом «запрещено».

С такими мыслями я шустро натянула на себя удобные коричневые штаны. Абсолютно черной рубашки не было, лишь двуцветная, со светлым верхом и темным низом. Прикинула, что на улице в осеннюю ночь навряд ли жарит, и накинула поверх любимую бордовую куртку. Всунула ноги в невысокие сапоги на плоской

подошве безо всяких стучащих каблучков. Стянула резинкой волосы в хвост. Все! Я готова!

Приоткрыла дверь комнаты и шагнула в коридор. Тьмы в нем не было. Лишь сумрак. Вдоль стен горели тусклые светляки. И их скудное сияние не помогало что-то увидеть, а наоборот: углы казались особенно мрачными, тени причудливо переплетались и походили на силуэты монстров, а зрение никак не могло определиться – то ли ночь вокруг, то ли день. И стоит ли зрачку расширяться, или пусть останется обычным.

Бесшумно и быстро, словно безмолвный призрак, пронеслась до конца коридора, где и были душевые. Заглянула внутрь. Судя по звукам капающей воды, в одной из кабинок мылись. Судя по страстным стонам – не в одиночку. Я тихонечко прокралась через раздевалку, стараясь не шуметь. Залезла на скамейку, дотянулась до форточки и открыла ее. А потом ухватила за раму и, помогая себе ногами, которые то и дело скользили по кафелю, подтянулась. А затем и вовсе по пояс высунулась на улицу.

Внизу стоял Дэн. Причем смотрел он сразу на три окна душевой с видом игрока, которому ушлый наперсточник предложил сыграть. Видимо, страж пытался угадать, из какой форточки-наперстка выпадет горошина. Точнее, я.

– Прыгай. Я поймаю, – произнес страж голосом, полным терпения, от которого до убийства с помощью столовой вилки рукой подать.

Но я все равно не преминула уточнить:

– Точно?

– Прыгай, пока я тебя не придушил! – рявкнул Дэн. Мне и раньше сигать вниз не очень-то хотелось, а уж теперь и подавно.

Но тут со стороны моей кормы, все еще находившейся в раздевалке душевой, послышалось девичье обеспокоенное:

– Люк, кажется, там кто-то есть...

Я лишь хмыкнула. А не тот ли это Люк, который сегодня подбивал клинья в поисках, кого бы закадрить?

Я не удержалась от ехидного:

– Вы не стесняйтесь, продолжайте, я тут на минуточку буквально... – договорить не успела, потому как потеряла равновесие и вывалилась из форточки.

Перекувыркнулась в воздухе не хуже Пуси в ее кошачьем обличе.

Полет оказался недолгим и закончился на страже. Причем даже не на руках адепта, а на нем самом. «Поймал!» – выдохнула я с облегчением. И только потом осознала, что от избытка чувств вцепилась в Дэна не только руками, но и ногами: маг словил меня весьма нестандартным образом – под ягодицы. Я же и вовсе обхватила его как столб.

Мы оказались нос к носу. Но, увы, если поза и располагала к романтике, то все остальное – нет.

– Ты хотя бы что-нибудь можешь сделать нормально? – прямо в губы выдохнул мне Дэн.

И столько было возмущения в его тоне, что я не удержалась от ехидного:

– Могу. Но так интереснее.

Если бы руки стража сейчас не были заняты, он бы точно меня придушил. Как пить дать! Но тут над нами послышался шум. Поэтому перепалка временно прекратилась: Я в мгновение ока оказалась на земле, а потом мы оба: я и Дэн – в кустах.

Как раз вовремя: в форточке показалась физиономия Люка. Он бдитительно осмотрел окрестности, словно воин, выглянувший из бойницы, чтобы провести рекогносцировку сил неприятеля. Но, так никого и не обнаружив, скрылся в недрах душевой, захлопнув створку. Вот гад!

Я, правда, смутно представляла, как буду возвращаться, но закрытая форточка была явно хуже, чем она же распахнутая.

– Так, ненормальная, – прошелестело сбоку. Дэн, чье лицо выглядывало меж побегов жимолости, выглядел весьма забавно: над ним раскинулись ветвистые «рога», привнеся в облик мага намек на оленя. Только небо знает, каких сил мне стоило не улыбнуться. – Держись рядом. И больше никаких фокусов. Ночью на территории академии гуляют охранники-блэзны.

От этой новости я передернула плечами: нарваться на духа, что способен лужицей тумана растекаться на десятки футов вокруг и сжиматься вокруг жертвы, угодившей в него, до состояния плотной пленки, – нет уж, спасибо!

Я враз прониклась предупреждением Дэна и, едва мы вылезли из куста, тут же оказалась рядом. Почти впритирку.

– Ты чего жмешься? – Нахмутив брови, Дэн посмотрел на меня.

– А почему нет? Если призрак схватит нас обоих, так у меня будет больше шансов выбраться из его щупалец, пока он занят тобой.

– Ну знаешь ли... – возмущенно прошипел не хуже почетной удоистой кобры страж.

– Зато честно, – парировала я.

– Николь, тебе никто не говорил, что иногда тебе лучше помолчать? – вкрадчиво поинтересовался маг.

– Иногда – это когда? – спросила первое, что пришло на ум, лишь бы не слушать тишину. Она ужасно нервировала.

– Сейчас! – едва не рявкнул Дэн тоном «всегда»

– Извини, за невыполнимые миссии не берусь! – призналась я.

И к собственному удивлению, после этого замолчала. На несколько секунд, правда, но все же... А все оттого, что я бдительно созерцала осеннюю ночь. Правда, интересовало меня не звездное небо, не причудливые ажурные тени на лужайке, не капельки росы на сухоцветах, не ковер пестрых листьев, а клоч тумана, что лениво полз по брусчатке рядом с учебным корпусом.

– Дэн... – едва различимым шепотом произнесла я. – Блазень.

И взглядом указала на призрачного стражника, что был призван охранять порядок в академии в ночные часы.

– Твою ж... – выдохнул маг.

Думала, он прикажет замереть: вдруг блазень нас не увидит и проскользнет мимо? Так поступил бы обычный маг. Но мне достался стукнутый на всю голову. Страж, одним словом.

Адепт выпустил заклинание-шумелку и кинул его в противоположенную от нас сторону. А сам, скомандовав: «Бежим!» – схватил меня за руку и рванул в парк.

Он несся как рысак. А я была всадником. Только не сидящим в седле, а из него выпавшим, но успевшим каким-то чудом вцепиться в репицу хвоста взбесившейся животного. И теперь я реяла подобно стягу на ветру. Параллельно земле.

Временами мне казалось, что я просто не касаюсь травы, а перебираю ногами где-то в воздухе.

Мы бежали так быстро, что я едва успевала дышать: сердце стучало где-то в районе горла, грудь жгло огнем, в боку колело, в

голове из мыслей были только бранные. То слева, то справа мелькали стволы деревьев и...

В какой-то миг я почувствовала себя в полной невесомости.

«Блазень все же поймал за ногу и подкинул в воздух», – было первой мыслью. Эти призрачные шутники славились еще и тем, что порой любили поразвлечься со своей жертвой.

Но миг полета закончился, и я ударилась грудью обо что-то твердое...

Думала – камень. Оказалось – грудь Дэна. Адепт зашипел сквозь зубы, когда я на него свалилась. Я шипением ограничиваться не желала и планировала от души застонать, но мне не дали, накрыв рот не самой чистой мужской лапичей.

– Тише, – едва слышно произнес страж.

Я выдохнула, пытаюсь проморгаться. Перед глазами после приземления все еще плавали черные круги. Но через пару секунд зрение все же вернулось, и я смогла разглядеть, куда же мы угодили. Судя по всему, это было дно оврага. Под нами был пышный ковер из опавших листьев, а сверху... медленно и неспешно проплывал блазень.

Я так и замерла, забыв даже, как дышать. Полупрозрачное брюхо призрака, кучеватое и рыхлое, было совсем близко: руку протяни – и ладонь утонет в тумане. А потом засосет и тебя целиком. Так что я решила, что лучше буду целой, чем любознательной, и лишь сильнее прижалась к адепту, практически впечатавшись в Дэна, оказавшись с ним нос к носу.

Привидение неспешно проплыло дальше. А мы остались.

– Мофеф убрать руку, – я попыталась говорить, но мешала ладонь стража, поэтому вышло очень тихо и неразборчиво.

– Будешь кричать? – тихо, так чтобы услышала только я, но не блазень, поинтересовался адепт.

Я отрицательно замотала головой. Дэн медленно убрал руку, словно боясь, что я могу, противореча сама себе, тут же заголосить. Нет уж, спасибо! Поспешила тихим шепотом заверить:

– Я лучше попаникую попозже, в другом месте и с комфортом. – Хотела еще что-то сказать, но осеклась. А все потому, что имела неосторожность посмотреть ему в глаза. А он – в мои.

Мне показалось, что на этот короткий миг замерли не только я и Дэн. Весь мир остановился, сошел с орбиты. Секунда превратилась в вечность, а все пространство, свернувшись в тугую спираль, закрутилось вокруг нас двоих. И в этом безумном вращении был лишь один якорь – взгляд стража. Прямой, открытый, внимательный. В нем отражались ночь, звезды и я. Это была одновременно моя опора и мой личный омут, в котором я тонула. А Дэн – тонул во мне.

Его ладонь беззастенчиво скользила по моему бедру, обтянутому тканью штанов, поднялась выше, к ремню, нырнула под куртку. Я ощутила мужские пальцы через тонкую ткань рубашки. От тех мест, где руки Дэна касались спины, расходились волны новых для меня ощущений. Где-то внутри рождалась дрожь предвкушения, от которой волоски на моем теле встали дыбом.

Некстати вспомнился наш поцелуй при первой встрече в номере гостиницы, когда страж только вышел из душа. Тогда его губы властно, настойчиво, требовательно вжались в мои и замерли на миг, будто пробуя на вкус. Тогда от него точно так же едва уловимо пахло благовониями, пряными и острыми. Тогда наши стихии были еще при нас...

А что, если... Да нет, это бред. Сила при поцелуях не передается! Нельзя стать архимагом, только мимоходом чмокнув кого-то в губы. Да что там магом! От поцелуя даже матерью стать невозможно! Но что, если все же...

– Лежи и не двигайся, – от волнения я произнесла фразу командно-непререкаемым тоном, точно полководец, отдающий приказ: «В атаку!»

Дэн от неожиданности замер, а я, ощущая неловкость, пояснила:

– Это в рамках эксперимента.

Склонившись, не поцеловала, а скорее клюнула стража. Вроде бы даже в губы попала.

– И что это было? – с интересом поинтересовался он.

– Поцелуй, – озвучила я очевидное и пояснила свою бредовую теорию.

Дэн выслушал с усмешкой, а потом напомнил:

– Мы поменялись даром, когда ты, уходя, прикоснулась ко мне ладонью. Вот тут. – И он, взяв мои пальцы, приложил их к своей груди

со словами: – У меня на коже ожог остался в виде твоей пятерни. Так что домогаться меня под сомнительными предложениями больше не стоит.

– Я? Тебя? Домогаться? Даже не мечтай! Ты вообще мне неприятен. Прямо бр-р-р! – воскликнула возмущенно. – И вообще! Это ты, а не я пару минут назад оглаживал мою задницу!

– Она просто лежала под моей рукой, – начиная злиться, процедил страж.

– Ты всегда лапаешь то, что первое под руку попадет? – прищурилась я, пытаюсь встать с мужского тела.

– Нет, зависит от формы. А что до поцелуя...

И с этими словами меня притянули обратно, так что я вновь оказалась лежащей на мужской груди. И тут же небо и земля поменялись местами: меня банально опрокинули на спину. Я не успела даже вскрикнуть, как мой рот запечатали жадные, горячие мужские губы. Они присваивали и покоряли, подчиняли и клеймили, заставляли откликнуться.

Помимо воли я отвечала им, чувствуя, как по моим венам струится не кровь – огонь. И Дэн был сродни этому пламени: яростный и опасный, а еще – манящий. Я чувствовала его жар, согревалась в нем, не боясь обжечься. Или это откликался мой дар, что жил сейчас в теле стража? И на контрасте с этим всепоглощающим пламенем – прикосновения рук, осторожные, нежные, заботливые. Поцелуи, похожие на укусы, и пальцы, что дотрагиваются до кожи ночным бризом.

Мы не просто целовались. Мы растворялись друг в друге. Пили жадными глотками эту ночь и наше безумство. Казалось, упали в этот момент звезды с небосвода – мы бы не заметили, столь были заняты друг другом и теми чувствами, что рождали наши прикосновения. Они проникали в самую суть души, ошеломляли, разрушали до основания сознание, выжигали разум.

И тут над нами с протяжным карканьем сорвалась с ветки ворона. И это заставило прийти в себя. «Кто я? Где? И демоны подери, что творю?» – были первые связные мысли.

Дэн оторвался на меня. Я ощутила его лежавшее на мне напряженное тело. Маг тяжело, шумно выдохнул, словно пытаюсь справиться с самим собой, и ему это удалось.

– Ники, – в одном слове прозвучали и отчаяние, и признание, и злость на самого себя, – вот ЭТО называется поцелуй. А не то, что ты пыталась изобразить. И да, не очень-то похоже, что я тебе столь уж неприятен, как ты уверяла.

Та-а-ак, кажется, я кого-то сильно уязвила и этот кто-то решил меня проучить. Вот только Дэн для невозмутимого и расчетливого мстителя дышал слишком рвано и... Одним словом, не только я одна увлеклась.

Хотя, может, во всем виноват дар? Из-за того, что мы обменялись силой, она резонирует и мы тянемся к ней, заключенной в чужом теле, а не друг к другу.

– Скорее всего, так и есть, – выдохнул Дэн мне в губы, с грацией кота не встал, а скорее перетек в вертикальное положение и подал мне руку.

Я же поморщилась, осознав, что последнюю мысль произнесла вслух. Но оправдываться или добавлять ничего не стала. А руку... Руку приняла.

Оказавшись на ногах, отряхнулась от прилипших к одежде листьев. А пока приводила себя в порядок, решила: никаких больше экспериментов по наитию. Любые опыты – только после тщательного расчета формул, выкладок и выверенных пентаграмм!

Бросила мимолетный взгляд в сторону стража. Судя по тому, как помрачнело его лицо, он пришел к примерно таким же выводам, что и я.

Как итог, выбрались мы из оврага серьезные и сосредоточенные. Мы были настолько суровыми, что наша бдительность была острее бритвы, напряженные мышцы тверже камня, а засвербевшие в носу сопля прочнее канатов! Вот!

Встретясь по пути сейчас верховный демон, он наверняка предложил бы нам контракт. Но не на покупку души, а трудовой – его старшими сотрудниками как минимум.

Мы двинулись в сторону библиотеки. Грозные, воинственные и сосредоточенные исключительно на деле, а не на всяких там эмоциях. Хватит этих чувств! Начувствовались уже так, что я едва голову не потеряла от этого гада белобрысого. Хотя целуется он... Впечатляюще, одним словом, целуется.

Я глянула на широкую спину шедшего впереди Дэна, на его крепкую задницу – пардон – бедра и поняла: решение не давать слабины было правильным. Но, пекло подери, как тяжело выполнимым! Но я камень. Кремень.

Не знаю, о чем в это время думал Дэн, но вплоть до места грабежа мы дошли в полном молчании и быстро. Остановившись у неприметной задней двери, адепт скомандовал:

– Так, я сейчас открою замок, а ты – на стреме.

– Мне уже стремно, – заверила я в своей готовности выполнять поставленную задачу.

– Просто стой! – рявкнул страж, не оценив моей иронии.

А затем он достал из-за голенища сапога нож, склонился над замочной скважиной и начал аккуратно просовывать лезвие в щель между дверным полотном и косяком.

Судя по тому, как ловко у него выходило, опыт у него был немалый не только в области поцелуев.

– И когда такой благородный – и успел освоить искусство взлома? – ехидно поинтересовалась я.

– Не поверишь, но я не взламываю замок.

– Ты прав, не поверю, – охотно согласилась я.

– А это правда, – Дэн обернулся ко мне, – я его аккуратно отжимаю. Замок под действием заклинания срабатывает ровно в восемь вечера. Перед закрытием я наклеил липкую смолу на язычок запора, и он не сработал. Так что...

В этот момент раздался характерный щелчок, и Дэн оборвал сам себя. А затем аккуратно открыл дверь издевательски приглашающим жестом.

Я вместо того, чтобы зайти, уставилась на планку, прикрепленную к косяку. Рамка, куда должен был войти язычок, и правда вся была в смоле. Хм... Надо взять на вооружение. Мало ли за время обучения будет закрытых дверей в академии, куда мне нужно будет попасть.

– А как же охранные чары? – уже было занеся ногу через порог, поинтересовалась я.

– Ну замок же не закрылся. Значит, контур не замкнулся и они пока не активированы. Но как только запор сработает до конца...

Договаривать ему было не нужно. Я все поняла. И когда мы оба оказались внутри, внимательно следила, как Дэн аккуратно прикрыл

дверь, оставив маленькую, почти незаметную щелочку – наш путь к безопасному отступлению.

Мы прошли по коридору, спустились в подвальный этаж и оказались перед закрытым сектором библиотеки. Вот только не зря он так назывался. Даже ночью туда было просто так не проникнуть. Входной проем полупрозрачной багровой пеленой завешивало заклинание.

– Я так понимаю, смола тут не поможет.

– А вот ты – вполне, – уверенно произнес страж.

– Тебя не смущает, что маг из меня, мягко говоря, пока никакой?

– А мне и не нужно от тебя заклинаний, – правильно понял мои слова Дэн. – Только сила.

Я с сомнением покосилась на блондина. Он выдохнул, явно теряя терпение, которого и так у адепта осталось – блоха наплакала, и пояснил:

– Я создам плетение-рассекатель, но оно рассчитано на огненный тип магии, поэтому вливать силу придется тебе. Аккуратно, ровным потоком.

Оставалось лишь согласно кивнуть. И ждать. Последнее – долго. Чары были красивыми и сложными. Что-то подсказывало: на базовом курсе таких не проходят. И даже на расширенном – не факт. Скорее, это что-то из родовых гримуаров аристократа. И именно поэтому нужна определенная магия.

Я стояла тихо, боясь потревожить вопросом и сбить концентрацию Дэна, который вычерчивал в воздухе все новые и новые символы. А когда он закончил, я увидела зависший в воздухе круг в треть моего роста. Внутри вязью шли линии сил, символы, образуя причудливый и завораживающий узор.

– Теперь твоя очередь, – выдохнул маг.

Он старался не показать, что устал, но бисеринки пота на висках говорили сами за себя.

– Я не... – хотела сказать, что мне ни разу не доводилось напитывать заклинания силой.

– Я рядом и подстрахую.

Я выдохнула, собираясь с силами, мыслями и здравым смыслом, а затем шагнула к заклинанию. Подняла руки на уровне груди, раскрытыми ладонями от себя, и замерла в нерешительности.

– Доверься. – Дэн встал позади и протянул руки вперед, словно обнимая меня со спины. Его пальцы легли поверх моих.

Была не была. Я дотронулась до заклинания, и оно вспыхнуло, обдав нас со стражем жаром.

Глава 9

Я лишь успела прикрыть лицо полусогнутым локтем. А когда горячая волна схлынула, я опустила руку и увидела, как гигантская печать поворачивается ко мне ребром, становясь тоньше волоса.

Дэн вытянул ладонь вперед. Подчиняясь его воле, печать поплыла по воздуху прямиком к алой защитной пелене, охранявшей проход в запретный сектор библиотеки.

Ребро заклинания вошло в багряный полог, как горячий нож в торт, прорезав охранное заклинание на манер вертикального зрачка, который начал все больше и больше утолщаться по центру. Он словно превращался из змеиного в человеческий. Только размерчик был побольше.

Наконец перед нами предстал абсолютно круглый проход, который силовые нити сторожевых чар аккуратно обтекали. Заклинание Дэна просто раздвинуло потоки полога, не нарушив саму структуру библиотечных сторожевых чар.

– Давай, у нас не так много времени, рассекатель продержится пару минут, а потом истает, – поторопил меня страж, первым рыбкой ныряя в своеобразный вертикальный люк.

Я лишь вздохнула и с мыслью: «Куда я вообще лезу?» – попыталась повторить трюк Дэна. Вот только если у выпускника получилось все легко и изящно, то я умудрилась сразу и занять шишку на макушке, и отбить копчик с пятками. Как так получилось, учитывая, что все перечисленное находится на разных частях тела, даже для меня осталось загадкой. Но, как говорится, факт остается фактом, а синяк – гематомой.

– И как только у него это получается? – спросила мироздание я, потирая одновременно и голову, и ту часть тела, которой умные девочки сидят, красивые ищут кавалеров, а я собираю неприятности.

Увы, небеса были глухи, зато одна язва с льняными патлами – весьма разговорчивой.

– Сила, скорость и гибкость у меня от природы, – с интонацией, намекавшей, что мне это не дано, отозвался страж.

– Как интересно ты произносишь слово родители, – съёрничала я, одернув куртку. Хотела еще кое-что добавить, но тут услышала приглушенный шум.

Да и Дэн приставил указательный палец к своим губам в жесте «молчи», как будто я без него не поняла, что лучше изобразить труп.

Как раз именно в этот момент заклинание-рассекатель, благодаря которому мы и проникли через полог, погасло, отрезав путь к быстрому отступлению. Я, конечно, не сомневалась, что Дэн сможет создать новый, но на это нужно время. А его в случае, если нас обнаружат, может и не оказаться. Но стоять в багровом из-за свечения пропускного полога мраке и ждать было, мягко говоря, небезопасно. Поэтому, стараясь не только не шуметь, но даже дышать через раз, мы двинулись на звуки голосов.

Сначала те казались едва различимыми, но чем ближе мы подходили, тем отчетливее были слышны фразы.

– Ты проверил, все ли чисто? – сварливо проскрипел чей-то голос.

– Это закрытый сектор, куда и днем не так-то простой зайти. А ночью сюда путь заказан не только людям, но и призракам. Мне лишь чудом удалось установить тут якорь для пентаграммы, по которому я прошел и провел вас. Так что здесь мы в полной безопасности, – заверил второй, уверенный и нахрапистый.

– И все же я предпочел бы не пренебрегать поисковым импульсом и пологом безмолвия, – настаивал первый. Его тембр напоминал мне скрипучие проржавевшие петли, которые поют, когда пытаешься открыть дверь.

– Любые заклинания тут могут резонировать: в этом секторе слишком много охранных чар, а половина книг на полках – артефакты по своей сути. Так что не стоит жечь спички, пока мы на пороховом складе.

– И все же ты выбрал не лучшее место для встречи, – недовольно проворчал тот, кого я мысленно окрестила Петля. – Но полно, перейдем к делу.

В этот момент я почувствовала рядом даже не движение – что-то смазанное. И там, где секунду назад стоял Дэн, уже никого не было. Зато на полу распласталось мужское тело, которое прыткой ящерицей поползло по полу меж стеллажами. Догадаться, что делает страж, было

нетрудно: просто подслушивать ему мало. Дэн, похоже, захотел еще все и увидеть.

Я, недолго думая, поползла следом. А спустя пару минут на уровне сапог из-за угла выглянули две светловолосые макушки: моя и Дэна.

Зря только старались, протирая животами пол. В полосе лунного света Петля стоял к нам спиной в длинном плаще с поднятым воротником, а на голову этот тип еще и шляпу надел. Конспиратор, демоны его подери! Даже руки и те в карманы засунул – ни колечка какого редкого не углядеть, ни татуировочки... Впрочем, я сомневалась, что, если бы те были, я смогла бы их рассмотреть, в таких-то сумерках. Но все же...

Вид второго собеседника был немногим информативнее: белые кроссовки, джинсы, низ кожаной куртки... Остальное тонуло в тени, которую был не в силах рассеять тусклый лунный свет, что проникал через узкое зарешеченное окно под потолком, по периметру которого нет-нет да и пробегали разряды охранных чар.

– Я давно этого жду. Признаться, стало любопытно, зачем вам понадобилось прибегать к моим услугам столь нестандартным способом. Обычно я поучаю сразу заказ на ликвидацию. А не инструкцию, в которой каждый пункт оплачивается отдельно, – в голосе мне послышалась насмешка. А еще – намек.

Понял его и Петля. А я же про себя хмыкнула: значит, второй – ликвидатор, или проще – наемный убийца. И что-то мне подсказывало, что высокого класса.

– Вот, держи, как и договаривались, – произнес заказчик, вытаскивая руку из кармана. Та оказалась в кожаной перчатке. Пальцы держали не пачку банкнот, как можно было бы подумать, а кольцо. Судя по аномальному блеску камня в гнезде оправы – артефакт.

– Я предпочел бы хрустящие купюры, – насмешливо отозвался стоявший в тени собеседник.

Рука ликвидатора ловко подбросила в воздух кольцо, чтобы поймать. словно это был придорожный камешек или яблоко. Перстень совершил один кульбит. Потом еще один...

– Перстень стоит дороже, чем те деньги, что ты запросил.

На этих словах перстень, как раз подкинутый вверх, в ладонь не вернулся. Видимо, убийца решил, что оплата все же достойная.

– Что ж, вы сказали мне поступить в академию – я поступил.

– В академию тебе поступить помогли, – одернул говорившего Петля, особо выделив последнее слово. – У канцлера много врагов. И некоторые из них работают в этих стенах. Жаль только, что эти маги не обладают твоими навыками, чтобы сделать все чисто...

– А все – это что именно? Какие дальше инструкции?

– Дальше тебе нужно будет вычислить сына канцлера Тольса, который в этом году, как и ты, успешно сдал экзамены. – Петля позволил себе саркастическое хмыканье по этому поводу и продолжил: – Мальчишка наверняка зачислен на факультет стражей. Конечно, под чужой фамилией. Естественно, под личиной.

– Мне нужно найти его, чтобы потом ликвидировать? – понимающе уточнил убийца.

– Нет, – жестко произнес Петля. – Вычислить и быть рядом. Чтобы по моему приказу... Скажем, отправить наследника канцлера в лазарет. И чтобы все выглядело естественным образом. Абсолютно естественным, – последние слова он произнес с нажимом.

– Не сомневайтесь. Это будет случайнейший из несчастных случаев, – уверенно, с оттенком некоторого даже бахвальства отозвался убийца. – Я мастер своего дела. Иначе вы бы меня и не наняли...

– Надеюсь, ты отработаешь деньги, которые у нас просишь, – перешел Петля к финансовой стороне.

– А прошу я немало, – тут же с насмешкой подхватил ликвидатор и озвучил суммы: – Вычислить мальчишку – тысяча эриндов. Наличными, а не артефактом, который еще надо сбить. Первый из «несчастных случаев» – полторы. Второй – уже две тысячи... Сами понимаете, с каждым новым эпизодом мне будет все сложнее. Опять же, папашка Тольс наверняка заинтересуется, может прислать дознавателей.

– Он заинтересуется, уверяю тебя, – насмешка в голосе Петли была столь явной, осязаемой, что еще немного – и ее можно было бы подцепить из воздуха ногтем и намотать на палец. – Но думаю, что достаточно будет и одной серьезной травмы... Канцлер не дурак. И не станет рисковать жизнью сына.

– А это значит, что не исключено, что к своему наследничку он тайно уже приставил телохранителя, – голос ликвидатора мне сейчас

напоминал шипение змея-искусителя.

– Намекаешь на доплату? – Петля недовольно цокнул языком.

– Лишь утоняю: если нужно будет устранить еще и охрану, то это стоит оговорить сразу.

– Телохранителя, если он объявится, не трогать. С него канцлер сам шкуру спустит за провал задания.

Я слушала и не дышала. Выходит, среди студентов-первокурсников есть наемный убийца. А еще – сын канцлера и его телохранитель. Я и так подозревала, что учеба в академии скучной не будет. Но не настолько же!

Надо было умудриться... Сходили в библиотеку за книжечкой, называется... А по итогу – вляпались прямиком в организацию покушения на наследника высшего аристократа. И судя по словам, это не личная вендетта. Петля обронил «мы», «нас» – попахивает либо манией величия, либо заговором. И хотелось бы первого, но судя по всему – второе. И еще фраза про то, что убийце проникнуть сюда помогли. Кто-то из преподавателей? А может, декан? Ректор? Вопросы множились, а ответы... Ответов не было. Зато была тревога. Она росла во мне, как волна, что, приближаясь к берегу, становится все выше.

Двое заговорщиков перебросились еще парой фраз. А затем тип в плаще открыл портал и исчез.

– Ишь, раскомандовался, – проворчал ликвидатор, когда свечение от заклинания перемещения исчезло. – Поступить мне помогли... ну-ну. Мы еще посмотрим, как можно разыграть эту партию, Господин Пока Без Имени.

Судя по тому, как насмешливо убийца произнес последние слова, он для себя так окрестил типа в плаще.

Промелькнул уже знакомый перстень – плата за часть работы ликвидатора. Наемник подкинул украшение в воздух еще пару раз, а затем активировал заклинание телепортации и исчез.

А мы трое остались: Я, Дэн и неприятности. Тишина в библиотеке стояла оглушительная. И потому особенно шумным получился звук, когда я сглотнула.

– И что ты думаешь? – решила я спросить стража.

Мы все еще лежали на полу. Дэн – практически слившись со стеллажом. Я – за ним. И сейчас он повернул голову ко мне.

– Что мы по-крупному влипли.

– Может, сообщить ректору? – задала я новый вопрос.

– А ты уверена, что Гирс в этом не замешана? – приподняв бровь, спросил он.

Я задумалась перед ответом.

– Не знаю.

– Я тоже, – признался Дэн. – Но и бездействовать тоже нельзя.

– И что ты предлагаешь?

– Решать проблемы по мере их поступления. Для начала найти то, за чем пришли. Описание обряда, который позволил бы вновь обменяться силой, – с этими словами страж решительно поднялся с пола и направился в сторону картотеки.

Я глянула ему вслед и не удержалась:

– По мере их поступления, – передразнила я Дэна. – Какое, к демонам, «по мере»? Меня ими завалило сразу с головой. И кто бы спросил бедную Ники...

– Я все слышу... – не оборачиваясь, протянул адепт.

На эту показуху я ответила без слов, а жестом из одного пальца. Но у этого светловолосого паразита словно глаза были на затылке. Все так же, не поворачиваясь, он... Погрозил мне пальцем! Форменный гад!

«Лучше бы он таким внимательным был при поиске нужной книги», – спустя час подумала я, когда мы со стражем перерыли около сотни томов в поисках нужного обряда. Как итог: подпаленный клочок моих волос – спасибо фолианту, плевавшемуся огнем; один прокушенный палец Дэна (адепт не успел вовремя отдернуть его из резко захлопнувшейся зубастой книги); два сломанных ногтя (это я пыталась выцарапать с полки талмуд, а тот упирался корешком) и три тысячи убитых в неравном бою со стрессом нервных клеток.

Закрытый сектор хранил в себе много всего интересного и нужного, но, увы, не для нас. Через подвальное окно под потолком уже начал осторожно проникать розово-молочный рассвет, когда Дэн вынужденно признал:

– Кажется, здесь тоже ничего нет.

Он обреченно выдохнул, ставя последние книги на полки, и тут вдруг замер, уставившись куда-то выше моей головы.

– Ты чего? – уточнила я у адепта, который словно словил парализующее проклятье.

– Кажется, что-то есть... – азартно произнес он, а в следующую секунду подошел к стеллажу. Там на верхней полке в первых солнечных лучах золотилось название, высеченное на корешке: «Дестабилизация дара при инициации. Причины. Следствия. Эффект передачи» – за авторством Фелима Аминского.

Вот только достать книжицу было сложновато даже для рослого Дэна. Залезть по полкам, увы, был не вариант. Помимо того, что была вероятность, что они просто не выдержат веса Дэна, стеллаж мог еще и банально обвалиться на адепта, решившего воспользоваться такой альтернативной лестницей. А обычной, увы, поблизости не было. Ее мы в закрытом секторе попросту не нашли. Возможно, она была где-то хитро спрятана, а может, ее сюда заносили, когда возникала надобность... Но так или иначе, сейчас под рукой никакой стремянки не было.

А вот я была. И на меня уставились весьма заинтересованным взглядом.

– Что? – Я в упор посмотрела на Дэна. – Нет. Даже не думай.

– Я тебя подержу. Вместе нашего роста хватит.

– Угу. А то, что мне этот талмуд может оттяпать руку, плюнуть в лицо кислотой или еще чего, – сущая ерунда.

– Хочешь, ты будешь снизу? – спросил Дэн.

Вопрос был, казалось бы, невинный. Но в этом мне послышалось даже не двойное, а тройное дно.

– Ну уж нет, – фыркнула я. – Так и быть, полезу. Только не урони. И не лапать. – Я нацелила в грудь стража палец, словно собиралась проткнуть.

– Хорошо, – согласился Дэн, подняв руки в жесте «сдаюсь».

И я полезла по стражу и почти сразу поняла: не стоит доверять словам Дэна.

– Кто-то обещал не распускать руки, – прошипела я, карабкаясь на широкие мужские плечи и чувствуя, как страж держит меня за то место, которым конкретно сейчас повернулась ко мне удача.

– Я их и не распускаю. Наоборот, концентрирую, чтобы ты не грохнулась, и я заодно с тобой, – сердито прошипел снизу Дэн.

– Ты не мог бы их концентрировать в другом месте? – процедила я, цепляясь за макушку стража.

– Каком? Это у тебя единственное удобное, за которое можно придержать. До твоих лопаток я, извини, дотянуться не могу, – саркастически заметил он. – И вообще, ты не пушинка.

– Ты говоришь это таким тоном, словно в меня вселился лишний вес, – возмутилась я, выпрямляясь и хватаясь руками за верхнюю полку.

Сейчас я стояла в полный рост на плечах Дэна, а адепт наконец-то держал меня за приличное место – щиколотки.

– Я этого не говорил. Но еще когда ловил тебя из окна, заметил, что на вид ты куда легче, чем на деле.

– Это не я тяжелая, это просто у кого-то мышцы слабые, – невзначай обронила я и прицелилась к корешку фолианта.

Снизу тут же раздалось:

– Ники, я понял. Похоже, это все твой характер. Он в тебе самый тяжелый.

– Потому что зо-ло-той, – шипя сквозь зубы от натуги, я все же смогла вытащить книгу.

Вот только едва не грохнулась от инерции, когда фолиант на последних рывках, когда был уже наполовину вытянут из шеренги своих собратьев и потому подпираемый другими книгами с обеих сторон, выскочил как пробка из бутылки игристого.

Но Дэн все же удержал всех троих: меня, себя и книгу. А когда я наконец спрыгнула с недовольного адепта и оказалась твёрдо стоящей на полу, мы смогли как следует разглядеть мою добычу.

Это было то, что нужно, хотя и написанное на древнем северном диалекте. Так что через некоторые абзацы я продиралась с трудом. А иные просто обходила стороной, как дремучую непролазную чащу, в которой из всего съедобного могут быть только заплутавшие там путники. Вот только когда искоса посмотрела, как вчитывается в строки Дэн, то поняла: ему, в отличие от меня, текст абсолютно понятен.

– Смотри. – Палец стража указал на строки.

– Смотрю, но боюсь тебя разочаровать: это единственное, что я могу. Язык древних для меня немногим понятие, чем нотная грамота.

Адепт лишь выдохнул: что с этой бедовой напарницы взять – и начал переводить.

Из написанного следовало, что передача дара может произойти не только в момент смерти мага, но и в момент рождения силы. То есть при инициации, если для этого соблюсти ряд условий: нестабильный эмоциональный фон донора и принимающего, незавершенную фазу роста сил у второго мага, незначительную разницу пороговых потенциалов между обоими носителями и крайнюю полярность стихий.

В таких условиях при тактильном контакте с вероятностью пять процентов мог произойти обмен. Всего пять! И я умудрилась в них попасть. С моим-то везением – немудрено.

Моя пробудившаяся сила стремилась заполнить тело, и именно в этот момент я рукой прикоснулась к обнажённой груди Дэна. Источник посчитал это продолжением моего тела, устремился по образовавшемуся каналу и... выбил водный дар стажа из его тела. Высвободившаяся сила в ответ устремилась в меня.

– Значит, и у тебя источник еще был неустойчив? – уточнила я.

Дэн признал, что да. Прирост его силы, несмотря на возраст, все еще продолжался, хотя и был уже незначительным, угасавшим.

Мы, точнее, страж продолжил чтение и спустя некоторое время нашел описание расчетов ритуала, согласно которым можно было совершить обратный обмен.

Мы так увлеклись, что не заметили, как наступил полноценный рассвет. Опомнились, лишь когда косые лучи легли на пожелтевшие от времени старцы.

– Ёпт! – услышала я самую исчерпывающую и точную оценку ситуации от напарника. И была с ней полностью согласна.

– Успеешь создать то рассекающее плетение? – вспомнив, сколько занял взлом защитного полога у Дэна в первый раз, поинтересовалась я.

– Нет, – мрачно ответил он и, склонившись над листами, которые прихватил с собой, распростер над ними руку, а сам, уставившись в книгу, приказал: – Не мешай мне, сейчас быстро скопирую, и уматываем.

Как ни хотелось мне узнать точнее пункты плана, гордо поименованного «уматываем», я все же нашла в себе силы сделать почти невозможное – помолчать. И в тишине наблюдала, как под

пальцами стража на желтоватом листе быстро, строчка за строчкой, появляется описание ритуала по обратному переносу дара.

Аккуратные буквы, формулы и даже рисунки – они проступали на бумаге точно, четко, без единой поправки и будто даже сами собой, а не по велению мага. Напряжение Дэна выдавали лишь слегка подрагивавшие пальцы и испарина на виске. Подозреваю, концентрация и отдача сил при этом заклинании была у напарника колоссальная.

– Все, – облегченно выдохнул он и попросил: – Поставь книгу на полку.

– Я не достану до верхней, – напомнила стражу.

– Да на любую, – махнул он устало рукой. – Главное, чтобы на столе не валялась.

Я поспешила исполнить просьбу напарника. Схватила фолиант и попыталась пристроить его хотя бы куда-нибудь. Но на полках книги стояли плотно и пускать в свои ряды самозванный талмуд не желали. Впихивая книгу меж товаров, я прошипела сквозь зубы:

– Ну, давай же... – А потом от избытка чувств поступила в лучших традициях магов, для которых нет такого препятствия, которое они бы не смогли помянуть бранным словом.

То ли фолианты на полке были излишне щепетильны и не выносили крепких выражений, то ли мирозданье надо мной сжалилось, но я выполнила почти невыполнимое и впихнула точно невпихуемое. Талмуд втиснулся меж других трудов чародеев древности. Правда, теперь были большие сомнения, возможно ли вообще достать с этой полки хоть одну книгу – так плотно они стояли. Ну точно бравые воители древних эпох, плотно сомкнувшие щиты, в смысле корешки, перед лицом неприятеля.

Припрятав улики, я поинтересовалась:

– Что теперь?

– Ники, как ты смотришь на то, чтобы покинуть библиотеку порталом?

– Пристально, – призналась я, хотя до этого магией переноса ни разу не пользовалась. Она была помимо того, что весьма дорогой (не каждый маг был способен создать портал), еще и весьма опасной (при неточных расчетах человек мог выйти в конечную точку не весь сразу,

а по частям и постепенно). Поэтому я не преминула уточнить: – А ты уверен в том, что сможешь рассчитать все верно?

– Я не самоубийца, чтобы экстренно создавать новый проход без якорных координат перемещения, еще и на скорую руку, – хмыкнул Дэн. – Я подцеплю тот, что оставили нам заговорщики. Он все равно рассеивается полностью в течение двенадцати часов. Так что след пока что четкий.

В иной ситуации я бы поспорила с таким решением, но тут с улицы раздались удары побудного колокола. Была не была!

Мы устремились на то место, где еще не так давно беседовали тип в плаще и ликвидатор. Пасс рукой, и на полу проступили смутные очертания пентаграммы.

– Дамы вперед, – насмешливо произнес Дэн.

Я посмотрела на него взглядом, который обычно сопровождает витиеватое пожелание сдохнуть. Тоже мне сапер-джентльмен!

– Ну ты же не сможешь удерживать контур перемещения и зачистить наши следы?

Пришлось признать, что слова Дэна были правдой. Если пойдет первым он, то, едва страж телепортируется, портал сам схлопнется. И я останусь тут куковать.

– Умеешь ты убеждать, – скривилась я и шагнула в портал, на всякий случай приготовившись бежать, сражаться и врать. Потому что не представляла, что меня ждет по ту сторону портала.

Глава 10

Но чего я не ожидала, так это того, что меня встретят так колко. Колючки то ли шиповника, то ли барбариса едва не ткнули меня в глаз, когда я вышла из пентаграммы перемещения. Расстояние в две ладони между моим лицом и шипастым побегом как-то не вдохновляло. И я поспешила отойти в сторону, на небольшую прогалину в пару футов, где ничего не росло. Покрутила головой, оглядываясь. Судя по всему, ликвидатор выбрал для перемещения то место, куда без особой надобности никто не сунется, – густые и шипастые заросли ядовитой лирхи.

Вот ведь! Почему не кусты акации, лещины или чего-нибудь такого же безобидного? Зачем ликвидатору надо было лезть именно туда, где любая царапина может закончиться ловлей розовых слоников на койке лекарской палаты или уютным однокомнатным гробиком на цокольном этаже кладбища? Выпавший вариант зависел от количества галлюциногена, попавшего в кровь, и общей сопротивляемости организма.

Выдохнув, я хотела было протянуть руку, чтобы отвести в сторону ветку, о которую сама чуть не выколола глаз, но не успела. Дэн опередил меня, появившись их портала. В отличие от моего, шаг стража оказался шире, да и сам он ростом был выше меня. Так что та самая демонова ветка чиркнула его аккурат по шее, оставив напоследок в ране еще и колючку.

– Замри, – тут же приказала я Дэну.

Страж не успел опомниться, как я, буквально повиснув на нем, выдернула шип, а потом прильнула к порезу губами, отсасывая яд.

– Я, конечно, рад, что ты без ума от меня, – услышала я хрипловатый голос Дэна, – но тебе не кажется, что сейчас немного не то время и место. – И адепт попытался меня от себя отодрать.

Но я уже и так сделала то, что хотела, и отстранилась сама, смачно сплюнув при этом. Дэн замер. По-видимому, до этого его поклонницы после поцелуев вели себя иначе. А потом он посмотрел куда-то за мое плечо, и в его взгляде я увидела понимание. Он

сглотнул, провел рукой по своей шее, нащупывая ранку, а потом посмотрел на пальцы, которые оказались испачканы кровью.

– Спасибо, – сдавленно поблагодарил Дэн и посмотрел на меня слегка расфокусированным взглядом.

«Все же не до конца яд высосала», – подумала я с досадой. Хотя на шее стража и так сейчас набухал след в форме моих губ: я старалась как могла.

– Вот это называется спасение напарника. А не то, о чем ты размышляла, – я постаралась скопировать и интонацию, и выражение лица самого Дэна, когда мы этой ночью лежали в овраге. Страж это понял и скривился, словно откусил незрелый лимон. Я была удовлетворена и отомщена и, поворачиваясь спиной к стражу, бросила через плечо: – Надо поскорее выбираться отсюда.

И шагнула к кустам, перехватывая инициативу по вызволению нас из неприятностей, в которые мы сами же и умудрились вляпаться. Аккуратно раздвигая руками ветви, начала расчищать путь, благо он уже не так давно был проторен ликвидатором.

Выбрались мы из зарослей как раз ко второму удару колокола, который, по словам Дэна, означал открытие столовой.

Я критически посмотрела на напарника. Выглядел он почти адекватно, но, увы, главное слово в этом сочетании было «почти», а не «адекватно»: движения стража были чуть замедленными, словно сонными, да и слова он слегка растягивал.

– Ты как? – поинтересовалась я, пытаюсь привести себя в порядок.

– Башка отключилась, – признался Дэн, помотав головой, словно так можно было прогнать недуг, а потом, попытавшись пошутить, добавил: – Не совсем вся, конечно. Есть я ей могу.

– Что ж, это уже хорошая новость, – саркастически заметила я. – Значит, лазарет отменяется?

– Да – решительно согласился Дэн. – Поэтому давай в столовую. Я сдохну, если сейчас пропущу завтрак и еще полдня придется ни демона не жрать.

У меня было четверо братьев и папа, поэтому я за свою жизнь успела не единожды убедиться: неважно, сколько мужчине лет. В любом возрасте он не любит врачей. И идет к ним только в том случае, если застрявший меж лопаток топор мешает спать на спине. А

во всех других случаях приводит любые доводы, чтобы не встречаться с целителем. Но вот отговорку с голодом я слышала впервые.

Окинув критическим взглядом напарничка, пришла к выводу, что в ближайший час смерть ему не грозит. Хотя я бы все равно отвела его к магам жизни, но раз сильный и независимый воитель настаивает...

Для конспирации к столовой мы подошли с разных сторон и с интервалом в десять минут. Только оказалось, что зря шифровались. Можно было бы идти чуть ли не под ручку, никто бы и не заметил. А все оттого, что мы долго провозились, выбираясь сначала из кустов, потом из парка, разделяясь и забирая в разные стороны. Прошло изрядно времени, и скудный ручеек адептов, желавших подкрепиться, превратился в бурную и широкую реку.

Когда я подошла к дверям столовой, там уже было шумно илюдно.

Свободное место удалось найти – правда, не без труда. Сев на стул, приложила к поверхности стола браслет-артефакт. Короткая неяркая вспышка, и передо мной появились тарелка с жидкой кашей, слойки и стакан компота из сливы. Да уж... на здешних харчах не потолстеешь. Зато бесплатно! Поэтому не стала привередничать, обрадовавшись и этому.

Хотя удержаться от любопытства не смогла и, покрутив головой, увидела, что не у всех адептов завтрак одинаков. Те, кто сидели в новеньких мантиях с иголки и из украшений имели не только браслет-ходочиху, трапезничали жареной картошкой и отбивной, салатом, пудингом и свежавыжатым соком.

Адепты же в линялых растянутых мантиях, как и я, налегали на кашу. Все понятно. Значит, за дополнительную плату не только форма лучше, но и питание. Ну и плевать. Главное, чтобы в академии нельзя было купить себе оценки. Остальное можно пережить.

Вспомнилась вдруг ректор, которой я сдавала экзамен, и откуда-то пришла уверенность: эта не потерпит, чтобы учебный процесс превращали в торговый.

За такими мыслями с завтраком я покончила быстро. А затем поспешила в общежитие: скоро должны были начаться занятия, следовало переодеться и захватить тетради для конспектов. А еще хорошо бы умыться и собраться с мыслями. Все же впереди не только первый день учебы, но и первое впечатление об одногруппниках,

среди которых будет и сын канцлера, и его телохранитель, и ликвидатор. Хотя в отношении последнего я сомневалась. Все же он мог поступить и на другой факультет. Но подстраивать покушения удобнее было бы, имея максимальный доступ к объекту. Если не сидеть с ним за одной партой, то хотя бы в одной аудитории...

Только это в теории, а на практике все могло оказаться иначе, в том числе и ликвидатор мог маскироваться под маску какого-нибудь целителя. Почему бы и нет? Кому, как не убийце, досконально знать анатомию?

Впрочем, был еще один вариант – не лезть вообще во все это. Мне и своих проблем хватало. Но вот так знать, что человека должны убить, и не попытаться ничего сделать... Хотя бы вычислить того, кого хотят лишить жизни, чтобы предупредить. Но не будешь же к каждому однокласснику подходить с вопросом: «А не ты ли сын канцлера под личиной?» Так меня на втором-третьем заходе саму быстренько того... ликвидируют. И только ли из списка адептов-первокурсников или сразу из числа живых – это уже вопрос к господину наемнику. И что-то мне подсказывало, что втрое гораздо вероятнее.

Поэтому для себя я решила первым делом внимательно – нет, не так, **ОЧЕНЬ** внимательно присмотреться к адептам, с которыми буду вместе учиться. Аристократа ведь часто выдают манеры. Даже если он обряжен в лохмотья. Поэтому, как говорится, улыбаемся и смекаем.

Приняв решение, я поспешила в общежитие. В комнате меня ждали три идеально заправленные кровати. То ли соседки и вовсе ночью не появлялись, то ли уже ушли... ладно, разберусь позже. Сейчас главное – поскорее собраться с мыслями, с учебной формой, с ее сонным содержимым... Глаза слипались.

Ночь, полная приключений, давала о себе знать. Единственное, о чем я сейчас мечтала, – это как следует выспаться, но увы. Поэтому я поспешила в душевую, где взбодрилась холодной водой. Жаль только, что эффект был недолгим, хотя в первые мгновения, когда ледяные струи ударили по моей коже, хотелось заорать. Даже когда я в десять лет провалилась в прорубь, ощущения были не такими шоковыми.

Быстренько ополоснулась и собралась уже выходить, когда в душевую зашли несколько адептов. Девушки азартно что-то обсуждали. Точнее, кого-то. И вскоре я даже поняла, кого именно.

– Ты видела засос на его шее? – воодушевленно спросило сопрано.

– Угу, – мрачно и слегка гундосо отозвался голос чуть пониже.

– Интересно, кто Дэнчику его поставил? И с кем он провел эту ночь? Его сосед, Дик, мне сегодня сообщил, что Стилл не ночевал в комнате. Ставлю десятку, что Рини. Она с ним хоть и разругалась вдрызг в конце того года, но наверняка потом поняла, кого упустила, и начала кусать локти. А сейчас вот того... реабилитируется во всех позах...

– Сомневаюсь. У него принципы...

– И ты их все успела выучить за эти пять лет, – с ноткой легкого ехидства заметила обладательница сопрано.

– И что с того? – вдруг неожиданно яростно рявкнула вторая, а я поняла: разговор этих двух адептов был затеян не трёпа ради. Первая, в лучших традициях заклётой подружки, с которой и врагов не надо, видимо, решила потоптаться на больной мозоли второй, гундосенькой.

И следующие слова это подтвердили.

– Да так, ничего. Ты же в него с первого курса была влюблена, и в начале года у тебя такой шанс был... Но кто-то, похоже, опередил...

– Слушай, Мили, еще одно слово – и я буду скорбящей подружкой на похоронах, – с намеком отозвалась гундосенькая.

– Ладно-ладно, извини. Зачем же так горячиться-то? – тут же пошла на попятную обладательница сопрано.

Раздался плеск воды. Похоже, эти две открыли вентили. Но сквозь звук шумящего душа я расслышала многообещающее:

– А с этой любительницей метить чужих парней я разберусь...

– Думаю, не ты одна, Вири, хочешь встретиться с ней наедине в темном коридоре. Сегодня половина адептов об этом мечтает. А остальные делают ставки, как долго будут искать новую пассию лучшего выпускника академии.

Не надо было быть пифией, чтобы догадаться, кто из этих двух относится к первой половине, а кто ко второй.

– Главное, чтобы, когда с новой пассией случится какая-нибудь неприятность, ты не теряла времени и не стояла в стороне, глаза на своего Дэнчика, а действовала.

– Без тебя не знаю, – буркнула гундосенькая.

А затем раздался скрип вентиля и шум воды усилился. А я же, чувствуя себя вором, на цыпочках прокралась в раздевалку и быстренько переделалась. Вот мало мне было проблем, Дэн мне еще подкинул со своими поклонницами. Нет чтобы быть каким-нибудь серым, невзрачным адептиком, на которого без слез не взглянешь.

Зато новость меня взбодрила лучше холодного душа. Я мигом переделалась в униформу, завязала волосы в хвост и поспешила в комнату. Схватила там сумку с тетрадями и учебниками, глянула на расписание и помчалась на первую лекцию в аудиторию номер сто семь главного корпуса.

Вот только с ее поиском случилась загвоздка. На первом этаже двери были пронумерованы по порядку от сто первой до сто шестой. Потом то ли случился какой-то конфликт интересов, то ли передел территории и цифр, то ли просто мистика, но сразу за сто шестым шел сто девятый. Куда аннигилировались сто седьмой и сто восьмой – было загадкой. Я два раза обежала весь этаж, Кабинеты как сквозь землю провалились. Благо по коридору сновала целая толпа адептов и не все из них оказались первокурсниками. С третьей попытки я отловила того, кто мне объяснил, как добраться до искомой двери. Путь оказался столь извилист и тернист, что я не удивилась бы, если бы адепт, завершая свой рассказ, произнес: «А потом нужно пробраться по катакомбам, поймать гигантского орла и дальше на нем – прямо в закат». Но нет. Без этого обошлось. Но я и так, следуя, куда послали, поднялась на второй этаж, нашла переход, потом вновь спустилась на первый, отсчитала второй поворот налево, отметилась у статуи тыкающего пальцем в направлении ректорского кабинета мальчика, еще раз повернула направо и нашла сто седьмой кабинет. К слову, сто восьмого рядом не обреталось, что стало еще одной загадкой.

Но самое поразительное, я даже не опоздала! До звонка оставалась ровно минута. Я толкнула дверь и вошла в аудиторию.

Думала, что та будет полупустой: все же квест по ее поиску оказался не самым простым. Но нет! Дураков, похоже, в стражи не брали. Потому что я была едва ли не последней. Все путные места уже оказались заняты. Свободным осталось только одно, на первой парте по центру. И парочка на галерке. Стоило мне пристальнее посмотреть на последнюю, как оттуда донеслось с лентой:

– А вот и та самая, которую сверх лимита зачислили. Интересно, за какие выдающиеся заслуги? – говоривший блондин смерил меня оценивающим взглядом и чуть поморщился. Ну точно благородная дама, увидевшая вошь.

– Ты разве не видишь, Миниг, – хохотнул его сосед – жгучий брюнет с волосами, собранными в короткий хвост, и с серьгой в ухе – и пихнул белобрысого кулаком в бок. – У нее сразу две выдающиеся заслуги спереди и одна противовесом – сзади. А еще и ножки симпатичные.

– Свои побрей – такими же будут, – посоветовала я, приняв решение: первая – значит, первая. И направилась к столу, за которым одиноко сидел русоволосый шупленький паренек в линиялой униформе. Похоже, такой же бесплатник, как и я.

Приготовилась было услышать от типа с серьгой еще одну скабрёзность, но вместо нее раздались звук щелбана и комментариев чуть тише:

– Проспорил! А я говорил, что она языкатая зараза будет, а ты: покраснеет, покраснеет...

Я не удержалась и, чуть повернув голову, скосила взгляд, пытаясь рассмотреть эту колоритную парочку.

– Интересно, чья она все же дочка или любовница? Попасть сюда сверх лимита... Это надо иметь весьма сильных покровителей, – это было произнесено белобрысым Минигом нарочито громко, чтобы оценила вся группа.

Слова попали в благодатную почву. Начались переглядывания, но пока не перешептывания. А я подумала, что это неплохой способ разведать обстановку боем. И, развернувшись уже полностью, с милой улыбкой сообщила:

– Я дочь канцлера... – и после этих слов постаралась запомнить реакцию максимального числа адептов. Всех, конечно, было нереально, но...

Лицо белобрысого вытянулось. Его сосед, темноволосый обладатель серьги, как-то враз порастратил всю свою смуглость, обратившуюся серостью, кто-то из адептов вытаращился на меня, другие, наоборот, спешили отвести взгляд. Иные закашлялись. В том числе и мой сосед. Во только, увы, возмущения ни у кого я не

заметила. А жаль. Вот что бы стоило настоящему отпрыску канцлера гневно сверкнуть глазами на наглую самозванку. Ан нет. Жаль.

– ...может быть, – через бесконечно длинную паузу добавила я. И, глядя на то, как меняется выражение лиц у одноклассников, поняла: вот так и обзаводятся врагами. Легко, непринужденно. Всего-то парой слов. Причем даже приличных, не бранных, и не в чей-то конкретный адрес, а произнесенных в честь себя, любимой. Поэтому поспешила ликвидировать последствия своей провокации, пока мне не вынесли коллективный приговор и не ринулись приводить его в исполнение, устроив вечеринку в стиле аутодафе, и добавила: – А может, в аудитории, где шел экзамен, который принимала сама ректор, я слегка вынесла стенку, просто ударив по ней.

– Магией? – недоверчиво поинтересовался мой сосед.

– Интеллектом, – произнесла я тем тоном, который явно давал понять: это шутка.

– А про дочь канцлера тоже шутка? – осторожно уточнил его сосед. И вот что интересно, спросил он, а ответа ждали с замиранием все. Точнее, почти все.

Краем глаза заметила, что у окна сидел один странный тип. Он смотрел на меня с таким выражением, словно я была неожиданно выскочившим на носу прыщом накануне свидания. И стоило его поскорее выдавить. И на предпоследней парте адепт тоже мрачно меня рассматривал, словно хозяин мясной лавки вегетарианца.

И еще двое в середине центрального ряда как-то активно переглядывались, то и дело кося на меня, словно уже заранее знали ответ...

Возможно, я кого-то еще не заметила, но хотя бы что-то... Тянуть больше было нельзя, потому пришлось сказать правду:

– Конечно. – Я широко улыбнулась. – Хотя бы потому, что у него сын. Но ради выражения лиц этой сладкой парочки с галерки стоило назваться наследницей.

– Ах ты... – послышалось многообещающее от блондина.

– А у тебя парень есть? – вторил ему словоохотливый и неунывающий брюнет.

– Есть, – с готовностью отозвалась я второму, напрочь проигнорировав первого. – Вас познакомить? Но предупреждаю: он не интересуется мальчиками...

– Зараза... – то ли возмущенно, то ли восхищенно протянул брюнет с серьгой, которого так и тянуло окрестить пиратом.

– А про стенку тоже розыгрыш? – меж тем подложил осторожно допытываться мой сосед, вклинившись с вопросом в мою язвительную перепалку с галеркой.

– Нет, – призналась со вздохом. – Стенку – это я.

– Ого, – уважительно протянул парень, словно этот случай с пробитой кладкой успел стать за пару дней чуть ли не легендой.

Правда, ничего больше он добавить не успел. Дверь с шумом распахнулась, явив нам преподавателя. Высокий, подтянутый, с настолько резкими чертами лица, что, казалось, о скулы и нос этого мужчины можно было порезаться, весь состоявший, казалось, из одних только костей, сухожилий и неразбавленной язвительности – вот таким оказался магистр Тронос.

От него веяло неприятностями. Причем как для умертвий, с которыми имел дело этот некромант, так и для нас, простых живых адептов, которым он преподавал магию Смерти.

Глава 11

Хотя, если учесть, как мне хотелось спать из-за того, что той ночью я вынужденно не сомкнула глаз, я сейчас больше походила на рабочий материал профессора Троноса, нежели на его студентку. И это не укрылось от бдительного ока преподавателя, который на очередном зевке, который я сжегивала в кулак, иронично заметил:

– Способы защиты от умертвий столь скучны, мисс?.. – он сделал выразительную паузу, намекая на то, что я должна представиться.

Вынужденно пришлось ответить:

– Николь Роук, – обреченно выдохнула я, уже понимая: опять вляпалась. Да что за проклятие такое у меня с этой академией: не успела поступить – и как начала учиться! Шпионажу, дедукции, маскировке... Нет чтобы чему-нибудь полезному! И, спеша сгладить впечатление от своего сонного вида, добавила: – А тема лекции весьма увлекательна!

– Настолько, что вы непрестанно зеваете?

– Это шок от новых знаний, – решила я пойти ва-банк и пояснила: – У меня рот от удивления постоянно открывается. А я его пытаюсь закрыть.

По аудитории прокатились сдержанные хмыканья. А преподаватель, наоборот, посмотрел на меня с оценивающим прищуром, словно до этого перед ним еще никто так нагло и абсурдно не пытался оправдаться.

– Боюсь представить, адептка Роук, как вас в таком случае поразит практикum. Как бы на нем не случился обморок в склепе при поднятии нежити.

С галерки послышался характерный смешок. И даже не нужно было быть пифией, чтобы понять, за чьим авторством эти уничижительные звуки в мой адрес. Блондинчик, как пить дать!

И я не удержалась:

– Не стоит беспокоиться, профессор. Если кто-то из адептов, – я повернулась и выразительно показала взглядом на белобрысую принцесску, – окажется без чувств, у меня с собой будут нюхательные соли, – «и дружеские подзатыльники» я не сказала. Но так явно

намекнула интонацией, что сладкая парочка на задней парте все прекрасно поняла. И, кажется, не только она.

Когда я обернулась к профессору, то заметила, как на миг уголки губ грозного магистра некромантии вздрогнули, но голос Тронса был по-прежнему холодным и строгим:

– Что ж, адептка Роук, садитесь на место. За невнимательность на лекции – штрафная отработка в оранжерее. И постарайтесь впредь быть прилежнее, чтобы вам не пришлось провести практикум на какой-нибудь березе, встречая на суку рассвет и спасаясь от нежити, которую вы не сумели упокоить.

И едва я села за парту, как услышала тихий, едва различимый шепот соседа:

– Тебе повезло. Поговаривают, за гораздо меньшее Тронс заставлял провинившихся на его занятия неделю чистить стойла грифонов, – сообщил мне парень. – Ты ему явно чем-то понравилась...

– Или ему просто еще больше, чем я, не понравилась та сладкая парочка с последнего ряда. А что? Вдруг они отпрыски каких-нибудь знатных родов, что сильно досадили когда-то Тронсу. Или они не слишком внимательно слушали лекцию, но магистр просто не успел им сделать замечание: споткнулся о мою зевету... Или... – Тут мое воображение спасовало. И я решила ограничиться этой версией.

На мою реплику сосед лишь понимающе хмыкнул, и больше от лекции мы не отвлекались. На удивление, зевета и та куда-то исчезла. Не иначе как организм решил побыть еще немного бодрым, чтобы к отработке в оранжерее не добавилась еще и конюшня.

А после первого занятия я узнала и то, как зовут моего соседа. Оказалось – Дронвель Морфир. И пошел он в академию по стопам старшего брата. Правда, тот поступил на отделение артефакторов, а Дрон прошел по уровню силы на боевой. И что самое главное – на бюджетное место! С учетом малых доходов семьи Морфир, это была удача. В противном случае от учебы в столичной академии пришлось бы отказаться.

– Так, значит, у тебя тут брат? – идя по коридору рядом с Дроном, поинтересовалась я.

Парень на миг замялся и ответил:

– Уже нет, он выпустился в том году,

Что ж, это объясняло осведомленность соседа в некоторых вещах.

Например, что преподавательница по зельеварению терпеть не может, когда опаздывают или впустую расходуют реактивы. А магистр по защите от атакующих плетений не выносит тех, кто не выкладывается на его занятиях до конца. И что с гоблинами, которые работают на кухне, можно за подзарядку своей магией их артефактов договориться о лишней булочке, в обход заклинаний, которые материализуют перед адептами строго порционно еду в столовой.

Я слушала Дрона и радовалась новому знакомству. Мало того что он знал столько всего полезного, но и был тоже из простой семьи, не аристократ. И это было сродни тому, как услышать родную речь в многоголосье толпы чужой страны.

И видимо, не одна я это почувствовала. Дрон тоже. Поэтому на следующем занятии мы не сговариваясь сели за одну парту. И на обед тоже пошли вместе, болтая уже как заправские приятели.

Но ровно до того момента, как в столовой я не встретила взглядом со Стиллом. Он сидел за столом и пристально рассматривал меня, Дрона и наши соединенные ладони, которые пришлось вынужденно сцепить за минуту до этого, когда мы пробирались сквозь плотную толпу из желавших поскорее перекусить и боялись потерять друг друга из виду.

Я наивно понадеялась, что гляделками в стиле «я тебя сейчас немножечко зарежу» все и ограничится и один самоуверенный выпускник не будет портить мне обед в целом и нервную систему в частности, но нет.

Стоило только сесть за стол, как передо мной материализовались сразу и еда, и Дэн – с таким выражением лица, которое отлично подошло бы для скоропортящихся продуктов.

– Я смотрю, ты зря времени не теряла, – вместо приветствия с намеком произнес блондин, выразительно зыркнув в сторону моего одноклассника.

– Ники, ты с ним знакома? – заинтересованно спросил Дрон, с любопытством глядя на нависшего над столом выпускника.

И что интересно, мой новый приятель при этом ничуть не боялся адепта, который был гораздо выше его, сильнее и опытнее.

– Уже Ники? – саркастично изогнул бровь Дэн.

– Слушай, чего ты привязался? – фыркнула я и смирила блондина ответным недовольным взглядом. Ну правда, что пристал,

спрашивается? Да мы друг другу никто, и звать нас никак. Подумаешь, у нас сейчас одна тайна на двоих, обменянные дары и два поцелуя в моих сомнительных отношениях с этим несносным типом.

Но это не дает ему никакого права вот так вести себя, намекать... Бесит! Этот самоуверенный павлин ведет себя так, словно я ему что-то должна.

– У тебя есть твоя эта... – Имя пассии, которое я подслушала в душе, вылетело из головы, поэтому я охарактеризовала бывшую девушку Дэна, как смогла, чтобы было понятно, о ком речь: – Прошлогодня!

Вышло так, словно я указала дату сбора урожая морковки, а не зазубу блондина. Но на удивление, он прекрасно все понял.

– При чем здесь Рини? – вкрадчиво, словно придя к каким-то своим выводам, поинтересовался Стилл.

– Да при том, что у тебя и без меня есть над чьим столом нависать, – выпалила я с досадой.

Есть хотелось едва ли не больше, чем спать, а тут еще Дэн со своими дурацкими вопросами, которыми нельзя было наесться, но можно было очень быстро оказаться сытой по горло. Поэтому, чтобы не остаться голодной (перерыв ведь не бесконечный!), я налегла на суп.

Морфир, с интересом поглядывая то на меня, то на Дэна, последовал моему примеру и тоже активно заработал ложкой.

Дэн, посмотрев на это дело, увы, не развернулся и не ушел, а присел с нами. Что примечательно, перед ним еда не возникла. Значит, порции здесь строго дозированы – сделала я мысленную пометку.

Обедали мы в напряженном молчании. Одногруппник в рекордные сроки разделался со своим супом, булочкой и компотом и резво поднялся со словами:

– Я на полигон. Не хочу мешать вашему разговору. – Морфир поспешил прочь. И в последний момент, делая шаг от стола, словно не удержался от ехидного комментария: – А то твой парень во мне взглядом того и гляди дыру протрет. А злить Стилла чревато... – И, подмигнув напоследок то ли мне, то ли Дэну, смылся, подлец. Я даже не успела возразить, что страж никакой не мой и уж тем более не парень.

– Смышленный малый, – глядя вслед удалявшемуся одnogруппнику, задумчиво протянул блондин, словно мысленно перебирал одному ему ведомую картотеку.

– К тому же, в отличие от некоторых, ему известно понятие такта, – фыркала я, возмущаясь сразу на обоих. И на предателя Морфира, и на Дэна, который невесть с чего взбеленился. Впрочем, на Дэна возмущаясь больше.

– Извини, я, кажется, погорячился, – неожиданно произнес страж, отчего я едва не закашлялась. – Бессонница делает меня жутко раздражительным. И я подумал, что ты решила развлечься и завести интрижку, пока я пытаюсь найти решение наших проблем...

– Единственное, что я пока завела, – это тебя и ворох неприятностей, – отозвалась в сердцах. А потом добавила: – А что до решения, как ты выразился, проблем, то знаешь, я тоже над этим работаю, – возмущенно произнесла я и нацелила на Дэна ложку на манер клинка. – Например, у меня уже есть трое кандидатов на сына канцлера под личиной...

– Да? И как ты их определила? – странно, но слова Дэна прозвучали без ехидства. Да и в целом выражение лица стража изменилось, словно он услышал для себя что-то важное.

Исчезла морщинка меж бровей, губы, до этого сжатые в тонкую линию, расслабились, пропал прищур, будто Дэн брал кого-то на прицел.

– Не без ущерба для своей репутации, – призналась я.

И тут же увидела, как к Стиллу возвращается выражение лица, с которым самое то встречать с пульсаром в руках нежить или плохие вести, но никак не беседовать с девушкой.

– А конкретнее?

Я открыла было рот, чтобы просветить Дэна относительно штрафа, но тут некстати вспомнился подслушанный разговор в душевой. В частности то, что за Дэнчиком сейчас следят множество девичьих глаз. И за мной в том числе. И я решила позаботиться о своей безопасности.

– Слушай, а ты не мог бы сделать лицо еще посвирепее? – попросила я.

– Зачем?

– Затем, что на тебя, если ты не в курсе, открыта брачная охота. И за нами сейчас наблюдают твои поклонницы. А мне, знаешь ли, не хотелось бы, чтобы мне устроили темную, посчитав твоей новой девушкой, которая поставила тебе засос...

– Но ведь это именно ты оставила, – невинно заметил страж.

А мне за это захотелось его тихо прикопать. Р-р-р... Бесит!

– В лечебных целях не считается, – возмутилась я.

– Хорошо, будет тебе посвирепее, – с непроницаемым выражением лица, которое никак не вязалось с ироничным тоном, протянул Дэн и, скорчив рожу, словно у него разом занули все зубы, поинтересовался: – Так достаточно свирепо?

– Жутко, – честно ответила я.

– А теперь рассказывай, что там с репутацией.

И пока я просвещала стража относительно своего первого штрафа, попорченной репутации прилежной адепки и конкретно того, из-за чего схватила взыскание строгого профессора, а также реакции на мой пассаж у одноклассников, я заметила, как начинает подрагивать веко Дэна. А когда закончила...

– Знаешь, Ники, с твоими формулировками я стану неврастеником, – вдруг произнес адепт и пояснил: – Когда ты заговорила о репутации, я уже было начал прикидывать: придется ли вызывать кого-то на дуэль или удастся прикопать по-тихому...

А я вдруг растерялась... потому что еще никто никогда не обещал за меня прикопать...

Слова Дэна прозвучали не романтично, скорее уж практично. И это громче любых уверений говорило о том, что адепт не шутил.

Я посмотрела на него и заверила:

– Постараюсь больше без иносказаний. Только однозначные формулировки. Не более четырех слов в предложении, чтобы точно...

– Издеваешься? – перебил меня страж, подозрительно прищурившись.

– На этот раз нет, – честно ответила я и сама неожиданно для себя добавила: – Хотя, признаюсь, так и тянет.

– Я заметил, – уже куда миролюбивее отозвался Дэн. Причем сделал это с такой интонацией, словно и сам порой был готов на многое, лишь бы мне досадить, потому как бесила! Впрочем, вздохнув

и помассировав висок, блондин поспешил сменить тему: – Так что там с кандидатами в сыновья канцлера?

Признаться, я была рада тому, что разговор наконец принял деловой оборот, и поведала стражу об одноклассниках, которые неоднозначно отреагировали на мое самозванство в качестве дочери графа Толле, а конкретно: о вихрастом рыжем типе у окна, блондине с задней парты, который заплел свои волосы в косу (мысленно я окрестила его косоносом), и парочке в центральном ряду, смерившей меня странными взглядами. Последние двое были брюнетами: один – жгучий, со смуглой кожей, свидетельствовавшей о примеси южной крови, второй – холодный, с короткой шевелюрой скорее шоколадного оттенка и косой челкой.

– И ты, основываясь только на их реакции, сделала вывод?.. – скептически спросил Дэн, так и не закончив вопрос с намеком на мои дедуктивные способности.

– Знаешь, за неимением иного, и этот способ хорош, – вспыхнула я и даже от переизбытка эмоций едва не ударила ладонью о столешницу – сдержалась в последний момент. И то поймав краем глаза заинтересованный взгляд какой-то адепки.

– Я не спорю, – спустя несколько секунд отозвался страж, – что и такой способ применим. Но учти, нам нужны будут доказательства повесомее эмоций.

Скривилась, признавая его правоту. Похоже, напрасно я затеяла эту провокацию. Только на штраф от преподавателя по некромантии нарвалась. Эх...

Я уже готовилась начать сожалеть о своем порыве, как Дэн произнес:

– Постарайся узнать имена этих твоих подозреваемых. А я постараюсь к ним присмотреться.

– Понаблюдать за ними я и сама могу, – возразила уже из чистого упрямства.

– Я сказал «присмотреться», а не «посмотреть», – шумно выдохнул Дэн. – Чувствуешь разницу?

Честно говоря, я не чувствовала, но кто ж этих парней знает?

Прозвеневший звонок, ознаменовавший окончание большого перерыва, добавил плюс восемьдесят к моей покладистости, и я, за

неимением других вариантов, вынужденно поспешно согласилась.

– Идет! – И, коротко кивнув, заторопилась на следующее занятие.

Благо аудиторию на этот раз искать не пришлось. Полигон в академии был единственный и неповторимый, как и его владыка – преподаватель физической (и даже слегка моральной) подготовки, магистр Седерик Бруквор. Этот мужчина представлял собой разом и ожившую женскую мечту, и кошмар адептов с первого по выпускной курсы включительно. Высокий, статный, широкоплечий блондин с бронзовым загаром. Пока он молчал, все было отлично. Но как только тренер гаркнул: «Бегом марш!» – у всех вокруг разом случилось увеличение показателей: и частоты пульса, и скорости, и числа оглушенных ворон, попадавших с веток на землю при такой звуковой атаке.

Я сорвалась с места раньше, чем поняла, что я делаю. Ноги понесли меня вперед сами. Жаль только, что энтузиазма хватило ненадолго. И уже на третьем круге мне было плевать на увещевания преподавателя о том, что тяжело на тренировке – легко на кладбище удирать от зомби, и «на занятии потеем – в бою с зомби уцелеем». Я чувствовала, что еще немного – и я перейду из категории будущих стражей в когорту не будущих, а вполне себе настоящих, свеженьких умертвий. Потому что сил не было. А еще дико хотелось спать. Поэтому я бежала и... отчаянно зевала. Широко и вдохновенно. А еще, как оказалось, заразительно, потому как Дрон, нагнавший меня и какое-то время старательно сопевший рядом (на разговоры сил уже не было), через пару минут тоже начал как-то подозрительно приоткрывать рот, словно в немом крике: «Хватит!»

Остальные одноклассники были с Дроном солидарны. И по ощущениям, наше общее мнение, что пора бы разминку закончить, ветром тревожило даже ветви окрестных деревьев, но тренера не колыхало. Ничуть. Он лишь довольно улыбался, глядя на потных и изможденных нас.

Перед моими глазами уже начался кровавый рассвет, своей пеленой застилавший реальность, когда наконец прозвучала команда: «Довольно!»

Я лишь чудом тут не упала, чтобы распластаться на траве. А когда я смогла отдышаться и даже взглянуть на мир без желания убить

магистра Бруквора, то с удивлением заметила, что кое для кого в нашей группе эта разминка оказалась не такой уж и зверской.

Я стояла, чуть согнув ноги, округлив спину и уперев вытянутые руки в колени, и с изумлением смотрела на вполне бодрых, а не жаждущих сдохнуть от усталости брюнетов. Тех самых, которых я отметила как кандидатов на должность сына канцлера.

Повернула голову. Вот пакость! И косоносец лишь слегка запыхался. Да и рыжий вихрастый тип, что стоял поодаль, – третий кандидат в родственники Толье – лишь слегка покраснел.

«А что это значит?..» – подумалось вдруг. И я пришла к выводу: а ничего! Пока – так точно. Интересно, что было с физической подготовкой у настоящего сына канцлера? Как бы это поаккуратнее, не привлекая внимания, выяснить? Сомневаюсь, что в светской хронике можно найти результаты забега на сто ярдов у аристократов или то, насколько тот или иной отпрыск знатной фамилии прыгает в длину.

Моя голова сегодня туго соображала, поэтому я не стала пытаться анализировать то, что узнала. Лишь запомнила, решив, что подумаю об этом, когда выплыву. И шумно выдохнула.

Рядом пыхтел Дрон, пытаюсь прийти в норму.

– Ты как? – уточнил он.

– У тебя есть простынка? – ответила я вопросом на вопрос.

– Зачем? – не понял приятель.

– Я ей накроюсь и тихонько, пока тренер не заметил, сразу поползу на кладбище...

– Поздно, – глядя выше моего плеча, отозвался Дрон.

Я медленно из своего полусогнутого положения повернула голову. И встретила взглядом с преподавателем, который осматривал нашу группу с выражением лица рекрутера, заглянувшего в палату с инвалидами. Причем инвалидами на всю голову.

Слабая надежда, что нас, таких калечных, помилуют, угасла уже через пару секунд, когда тренер зычным голосом скомандовал построение. А потом началась преисподняя.

Хотя наставник почему-то называл ее полосой препятствий. Стенка, через которую нужно было перемахнуть, растяжки в паре футов над землей – под ними нужно было проползти. А еще пересечь условное болото с бочагами, яминами, трясинной и вырывающимися вверх из топи в абсолютно неожиданных местах фонтанами пламени...

Но доби́ли меня́ крутившиеся под ногами́ бревна́. По ним нужно́ было́ пройти́. И мешали́ этому́ всего́ лишь земное притяже́ние, усталость и качающиеся маятником мешки́ с песком, которые так и норовили́ меня́ сбить. И под конец, когда́ финиш был совсем́ близко́, одному́ из них это́ даже́ уда́лось.

Глава 12

Меня толкнуло в сторону, я потеряла равновесие и уже полетела вниз, как в последний момент ухватилась за эту «грушу», обняв ее руками, а потом и ногами. Так сказать, утяжелила маятник собственным весом. А все потому, что мне жутко не хотелось проходить всю полосу заново. Ведь тренер в самом начале заявил, что пока не пройдем – с полигона нас не выпустит. Только не уточнил, не выпустит «живыми» или вообще...

– Адептка! – взревело над полигоном грозное тренерское.

– Роук, – скромно представилась я, болтаясь на мешке.

– Что ты творишь, Роук?

– Выполняю ваше задание. Работаю до упора! – отрапортовала я как ни в чем не бывало.

Тренер посмотрел на меня так, словно я уже и так упоролась по полной, и гаркнул:

– Начинай все сначала.

– Но я не упала! – крикнула возмущенно.

Может, фраза прозвучала бы эффектнее, если бы во время разговора я перманентно не сползала с импровизированного «стволика». Отчего приходилось, дрыгаясь и обхватывая опору руками и ногами, постоянно подтягиваться.

– Ну вот когда упадешь, тогда и начинай сначала, – заключил тренер и благодушным взглядом посмотрел куда-то за меня, где в топкой трясине медленно тонули мои менее расторопные одноклассники.

А я из чистого упрямства решила не падать. Не падать, и все тут! Потому, раскачавшись как следует, прицелилась и... Одним словом, за вертучее бревно я зацепилась. Легла на него животом. Причем даже вдоль, а не поперек. Зависла на секунду, и... моя коварная опора провернулась вокруг своей оси. И я оказалась висящей вниз головой. И как до этого руками и ногами обхватывала мешок, так сейчас я держала и бревно. Правда, напоминала при этом добычу дикарей. Которую они привязали к жерди и повесили над костром. Только у меня вместо пламени снизу была лужа грязи.

Зато не грохнулась! И вопреки предсказаниям тренера (никудашная из него пифия, как выяснилось!) я доползла до финиша. Перебирая руками и ногами, на качавшемся, но уже не крутившемся под моим весом бревне я медленно преодолела последнее препятствие. И ни один мешок-маятник мне не смог помешать.

А вот воспользоваться ситуацией – попробовали.

Когда до конца бревна оставалось рукой подать, на него ступил Миниг – тот самый заднепартийный брюнет Пират с серьгой в ухе.

– Роук, не могла бы ты так повисеть еще немного, чтоб я прошел? Пока ты снизу, оно не крутится.

– А ты не делай лишних движений! – пропыхтела я, держась из последних сил.

– Надеюсь, это не твое кредо по жизни? – хохотнул зубоскал.

– Как я могу претендовать на твой девиз в постели?! – не удержалась я от язвительной подколки.

Миниг ответить ничего не успел, получив удар одним из качавшихся мешков. И ласточкой полетел в грязь. Красиво так полетел, низко. Видимо, к дождю.

Впрочем, искупавшись, пират вынырнул из жижи и широко мне улыбнулся. С учетом того, что единственно белым в облике Минига были только зубы, получилось впечатляюще. Как будто мне усмехается сама тряси́на.

– А что ты делаешь сегодня вечером, Николь? – неожиданно спросил Пират.

Я лишь покачала головой и поползла дальше.

Зато вопрос Минига услышал тренер. Решил, что раз у адепта есть свободное время вечером, то стоит его занять чем-то полезным, и рывкнул, обращаясь к брюнету:

– Марш к стартовой черте!

А я же спустя минуту смогла ступить на твердую землю. Смежила веки, пытаюсь отдышаться, и услышала изумленное от тренера:

– Надо же, проползла... – Я приоткрыла один глаз и увидела перед собой фигуру наставника. – Что ж, Роук, за сегодняшнее занятие ставлю зачет. Исключительно благодаря твоей уп... упорству. На сегодня свободна.

Хм... вот почему мне показалось, что изначально он хотел сказать слегка другое? Но так или иначе, учеба на сегодня для меня

закончилась. И я могла наконец поспать...

С такими мыслями я, потная, грязная и едва волочившая ноги, добралась до общежития, где меня ждали они. Новые неприятности. Точнее, пока неприятность. Одна длинноногая штука.

Она была столь же стервозна, сколь и красива. И, судя по всему, не привыкла ходить вокруг да около.

– О чем это ты говорила в обед со Стиллом? – перешла в наступление она, поигрывая пульсаром. И я тут же узнала гундосенький голос из душевой.

– С кем? – Я соображала туго, и единственное, что могла сейчас сделать хорошо и энергично, – это послать. К демонам или к ректору (хотя, сдается, это примерно одно и то же).

– С Дэниэлом! – рявкнула эта... как ее...

Спустя несколько секунд тишины память услужливо подкинула имя Вири. М-да, мне сегодня везло, как девственнице на голодных драконов. Да уж... пресветлые небеса, скажите, где я умудрилась так нагрешить, что мне так «фартит»? Прямо без передыха, не переставая. Вот только обрадовалась, что на полигоне до ночи ползать не придется, как уже пожаловала поклонница Дэнчика – некстати вспомнилось, как гундосенькая именовала блондина.

– А... Ты про этого белобрысого? – Я постаралась устало махнуть рукой, изобразив полную незаинтересованность в страже.

И судя по тому, как праведным гневом полыхнули глаза девицы, прогадала. Сдается, о ее Дэнчике можно было говорить либо хорошо, либо очень хорошо, либо молчать трупом. Переход в стадию последнего при негативном отзыве был обеспечен. Быстро и с гарантией.

– Он не белобрысый! А пшенично-золотой! – возразила эта стервозина.

– Да хоть бронзовый. – Я пришла в состояние зайца, которому уже настолько все по уши, что он готов набить морду волку. – Чего ты от меня-то хотела? И да, ты пульсарчик-то убери, а то обожжешься ненароком, а мне потом за тебя отвечай перед ректором. – Я подумала, что пару дней назад и так пришлось оправдываться перед госпожой Мирандой Гирс, и добавила: – Опять.

Судя по тому, как вытянулось лицо стервозины, я вела себя слегка не так, как полагалось несчастной жертве ревнивых угроз.

– Это ты на что намекаешь, выскочка? – прошипела гундосенькая.

– Ну, допустим, из-за угла выскочила на меня ты, так что... – я сделала многозначительную паузу, чтобы ревнивица могла сама домыслить, кто тут выскочка, а кто мимо проходящая приличная первокурсница. И когда взбешенная девица уже была готова взорваться, продолжила: – Либо говори, что тебе надо, либо я пошла. Меня еще душ ждет.

«Второй за сегодня», – добавила мысленно.

Судя по скрипу зубов, сказать мне хотели очень много, но в основном нецензурно. А еще – посмертно. Но гундосенькая, похоже, была девушкой порядочной. В том плане, что соблюдала порядок убиения: сначала с противником поговорить, потом и угробить, потому как произнесла:

– Что у тебя со Стиллом?

– Деловые отношения, – честно ответила я. И тут же гундосенькая цапнула меня за запястье свободной ладонью, во второй по-прежнему продолжая держать пульсар. Я дернула руку на себя и, стараясь быть невозмутимой, добавила: – Он делает мне в основном больную голову. А я ему помогаю в решении одного вопроса, – закончила с вызовом и только тут заметила, как из-под манжеты девицы на миг выглянул амулет в виде браслета, который сейчас сиял равномерным мягким желтым цветом.

Подозреваю, что и на ощупь он сейчас был приятно теплым.

Так-так-так... кто-то балуется артефактами правды... Не то чтобы они были запрещены. Скорее ими могли пользоваться тафгаи при расследовании. А точнее, при допросах. Слегка неожиданно было увидеть такую вещь на руке простой адепки.

Стоит говорить правду, но отмерять ее дозу тщательнее. А то как бы артефакт не полыхнул алым, обжигая запястье гундосенькой. Тогда она поймет, что я лгу. Не то чтобы разоблачение грозило мне смертью. Но проблемами – так точно. А оно мне надо?..

– И что же у вас могут быть за дела? – проникновенно спросила девица, приблизив свое накрашенное личико к моему, грязному и потному.

– Ну... – Я прикинула варианты правды... Какая из них правдивее. – У меня есть подруга. Маг. И она очень... Очень красивая, – произнесла последнее с придыханием, чтобы мысли

ревнивицы повернули в нужное мне русло, и продолжила: – Скажу больше: от нее многие мужчины без ума. А как она поет – чистая морская сирена... Тембр. Глубина. Выразительность. А какие она берет октавы...

«Хотя Силь все равно не переплюнуть Пусю, – вдруг подумалось мрачно. – Химера так орет, если наступить ей на хвост, что и мертвого безо всяких некромантских ритуалов поднимет...»

– Значит, Дэниэл хочет через тебя к ней...

– А ты сама-то как думаешь? – перебила я девушку, не дав закончить ей вопрос, на который мне пришлось бы ответить однозначно. – Или считаешь, что твой блондинчик мог позариться на меня?

Гундосенькая отпрянула, словно только что унюхав, что от меня пахнет отнюдь не фиалками. С сомнением оглядела и, видимо, пришла к выводу, что да. В смысле нет. Такая ее Денчику приглянуться не могла.

– Тогда к чему все это? – Я обвела выразительным взглядом окрест, намекая на нашу встречу за углом.

– К тому, что ты Стилл со своей подружкой знакомить не будешь, иначе тебя ждут большие неприятности.

– Да без проблем, – охотно согласилась я, но не удержалась от замечания: – Только учти: я не единственный способ для Стилл познакомиться с Силь. А он парень настойчивый, как я поняла.

– Ты на что намекаешь? – прищурилась адептка.

– На то, что если мужчина неравнодушен к певицам, а девушка хочет этому мужчине понравиться, то самый простой вариант – выйти на сцену и поразить его своим вокалом.

Похоже, зря я это сказала. Потому что гундосенькая основательно задумалась. А если девушка задумалась, то скоро она что-то задумает. И, судя по энергичности этой длинноногой, наверняка еще и совершит. Но главное для меня – не оказаться рядом в момент данного свершения. Все остальное – ерунда.

На этой мысли я широко зевнула. Судя по всему, и гундосенькая потеряла к нашему разговору интерес, и хоть она, в отличие от меня, рта не разевала, зато поспешила уйти. Даже не попрощалась. И заклинанием убить не попыталась. Никакого уважения к врагам!

А я же, наконец, смогла достичь своей мечты. Правда, для этого пришлось добраться до общежития, подняться на свой этаж, распахнуть дверь комнаты и рухнуть на кровать. Последней мыслью было: «Надо бы в душ». Но спать хотелось больше.

Увы, безо всяких сновидений. Видимо, я так мало дремала, что они просто не успели до меня добраться. А проснулась я от хлопка дверью. Кто-то от души приложил ей о косяк, а потом взвыл не хуже гарпии: «Ненавижу-у-у!!!»

И хотя голос быстро смолк, я уже успела оторваться от подушки. Во всклоченной и злой, как голодный кладбищенский гуль, адептке я, признаться, не сразу узнала свою соседку. Помог яркий окрас ее шевелюры. В остальном это был клок чистейшей, концентрированной тьмы, которая впоследствии на поверку оказалось сажей.

– Извини, я не думала, что ты спишь... – протянула Дара, с изумлением оглядывая меня, и ехидно присовокупила: – А то заорала бы еще громче или вовсе попыталась прибить, пока ты дрыхнешь и не сопротивляешься.

Я, вставая с постели, поморщилась, признавая, что в нашей с некроманткой битве «модных образов», похоже, ничья. Она – в копоти, я – в грязи.

– Отличный видок, – не осталась в долгу я, кивнув на чернящую некромантку.

– Сама тоже ничего так, – ехидно отозвалась она и вопросительно изогнула бровь.

– Тренировка у Бруквора, – ответила я на немой вопрос Дары о своем внешнем виде и кивком указала на ее «наряд».

– Ночью попался пепельный монстр в склепе, – фыркнула она тем тоном, который давал понять: на сегодня сарказм и колкости откладываются по техническим причинам.

Я же припомнила, что у Дары была ночная практика на кладбище. Но уже был день, у которого вот-вот истекал срок годности.

Видимо, это и отразилось на моем лице, поскольку некромантка пояснила:

– А потом я попала на штраф за нечаянно поднятое умертвие. И мне пришлось отрабатывать его вместе с Тинком.

– Тем меченым? – я припомнила типа, которого располосовала Пуся. – Он что, тоже кого-то поднял нечаянно?

– Нет, он нечаянно его угробил пульсаром, а заодно прожег макушку преподавателя. Вот мне и этому придурку и впаяли один штраф на двоих. Расчистку стойл в грифятне.

Только тут я принялась и уловила от Дары специфический запах, именуемый еще «счастьем огородника».

– И как? Расчистили?

– Угу, – мрачно буркнула некромантка. – И стойла расчистили, и нервы этот придурок заодно мне расчесал. – И с возмущением добавила: – Ну вот скажи, какая я ему Скелетина? Нормально у меня все и с пропорциями, и с объёмами... А этот придурок задолбал по поводу моей внешности проходиться.

– А тебя это задевает?

– Нет! – так решительно гаркнула Дара, что стало понятно: очень даже да. А потом она добавила: – Но с проклятьем лысой макушки ему однозначно будет лучше.

Я из чувства солидарности заверила, что да, непременно лучше. Для женского самолюбия – так точно.

А затем мы дружно с Дарой пошли в душевые. Все же лечебные грязевые маски – это, конечно, хорошо, но когда они с тебя падают кусками и ты чувствуешь себя разваливающейся глиняной статуей – уже не очень.

Обратно к себе мы вернулись чистые, благоухающие и довольные жизнью. Настолько, что даже цапаться не хотелось, пусть и могло. Так что мы вполне мирно беседовали. Не как вынужденные соседки, в чьей войне каверз пока ничья, а как две обычные девушки.

А в комнате нас уже ждала уставшая и разбитая Лори. Как оказалось, этой ночью и ей не удалось поспать. И все из-за допроса. На последний ее вызвали прямо из библиотеки академии, звонком.

Алхимик была так вымотана событиями этой ночи, что, в отличие от Дары, даже меня не подколола ни разу, зато вкратце рассказала, что с ней произошло.

Как оказалось, быть дочерью опального аристократа – удовольствие то еще. И хотя отца Лори освободили, но из-под бдительного ока закона не выпустили. И дергали при каждом удобном и неудобном случае. Ну и всю семью заодно.

– Что-то серьезное? – тут же всполошилась Дара, узнав о ночных посиделках у следователя.

– Нет. – Кучеряшка покачала головой. – Проверили всех детей из магически одаренных родов, которые теоретически могли бы быть причастны к какому-то там покушению... Мне даже не сказали, какому именно. Но выяснилось, что на вчерашний день у меня алиби: ровно в тот час, когда все произошло, я варила эликсир на большом практикуме по зельеварению на глазах у тридцати своих сокурсников и под бдительным взором магессы Фа. – Лори устало вздохнула. – Но промурыжили в участке меня все равно до утра. Я едва на занятия успела...

Да уж... Оказывается, какая у нашей троицы жизнь. Прямо-таки бьющая ключом. Разводным. И с размаху по самой голове. Только и успевай уворачиваться от этих ударов.

За разговорами я поменяла свою ставшую грязной после недолгого сна постель. И когда посмотрела на часы, то оказалось, что уже вот-вот наступит время ужина. И от последнего я бы ни за что не отказалась: у меня в животе, как говорила бабуля, «кишка кишке бьет по башке».

В столовую наша троица рванула с низкого старта. Потому как ничто так не успокаивает нервы, как сытный ужин или даже два: ранний и полуночный. К слову, в ночном дожоре я была специалистом. Особенно когда сутками напролет готовилась к вступительным экзаменам. Вот только запастись для него загодя плюшечкой (а именно их сегодня давали вместе с кашей и молоком) мне не дали. Точнее, не дал Дрон собственной персоной.

Он, сияя не хуже новенького цента, подсел ко мне. И, лишь плюхнувшись на стул, поинтересовался:

– Ники, можно присесть? – произнес одноклассник с интонацией: «Каков твой положительный ответ?»

– Это твой самоубийца? – мрачно жуя кашу, поинтересовалась Лори.

– Я свой личный, – лучась радостью, заверил Дрон и, обратившись уже ко мне, попенял: – Ник, представь меня своим подругам. – И выразительно посмотрел на кучеряшку Лори.

Я лишь пожала плечами: сам виноват – и коротко отрекомендовала:

– Дрон, знакомься с моими соседками по комнате. – И я, взглядом указав на кучеряшку, пояснила: – Это Лори. Может тебя быстро и

качественно отравить. – А затем, кивнув в сторону рыжей, добавила: – А это Дара, она поднимет твой бездыханный отравленный труп, превратив его в бодрое и энергичное умертвие.

Парень сглотнул, и я представила уже собственно его.

– А это мой одноклассник – Дрон.

– Опасно познакомиться, – произнес он, хитро улыбнувшись.

Что ж, «приятно» было бы услышать привычнее, зато вариант приятеля был однозначно честнее. Правда, тушевался приятель недолго, а затем в красках рассказал, как проходила тренировка на полигоне, с которой я умудрилась уйти, хотя точнее будет сказать, уползти. Одной из первых. К слову, Дрон прошел полосу с третьего раза.

А вот Никосу – обитателю задней парты, которого я окрестила про себя «принцеской», – пришлось семь раз извлекаться в грязи, прежде чем тренер поставил ему зачет. Что ж, эта новость не могла не порадовать. В отличие от другой:

– Завтра даже не надейся, что тебе удастся так быстро уйти с тренировки.

– У нас опять будет занятие на полигоне? – вырвалось у меня.

Признаться, в расписание я еще так далеко не заглядывала. Но на то у меня была уважительная причина: я спала.

– Лучше. КМБ. – И, увидев три недоуменных взгляда, Дрон пояснил: – Контактный магический бой. Он быч...

Договорить приятель не успел. Браслет-ходочиха на моем запястье завибрировал. Я недоуменно уставилась на артефакт, который мигал красным.

– Кажется, тебе пришло сообщение, – прокомментировала Дара.

– Лучше нажми на руну «Ту», пока артефакт не начал раскаляться, – посоветовала Лори.

И у них при этом была одна интонация на двоих. И она не предвещала для меня ничего хорошего.

Глава 13

Дрон выглядел недоуменным. Похоже, старший брат, окончивший академию, ему о таком не рассказал. Я вздохнула и коснулась пальцем руны. И тут же из браслета раздался скрипучий противный голос:

– Адептка Николь Роук. Ваша штрафная отработка в оранжерее начинается сегодня в шесть вечера. Не опаздывать!

После голосового сообщения браслет погас.

А Дара тут же уточнила:

– Ты в первый день умудрилась нарваться на штраф? У кого?

– У магистра Троноса, – опередив меня, горделиво ответил (словно я сама не могла) Дрон.

– У некрохрыча? – поперхнулась Лори. – Это значит, ты легко отделалась.

Приятель при этих словах просиял еще больше и глянул на меня с видом: «А я тебе что говорил!» Почему-то в этот момент мне захотелось его прибить, ну или хотя бы чутка покалечить лопатой по темечку. Чтобы корону на макушке поправить.

Я вздохнула, глянула на часы и поняла: до моего оранжерейного рабства осталось всего ничего. Поэтому подналегла на кашу и, шустро распрощавшись с соседками, отбыла. Что примечательно, Дрон остался, зацепившись языками с Лори. Эти двое весьма увлеченно обсуждали преимущества и недостатки минеральных ядов.

Похоже, что мой приятель весьма разносторонняя личность. И выглядел он тихим только на занятиях...

С такими мыслями я отправилась в оранжерею. Нашла я ее быстро. Да и как такую громадину не заметить? В ее стеклах отражались лучи заходящего солнца, создавая множество солнечных бликов, которые сливались в одно золотисто-багровое море.

Я уже успела представить, что внутри меня будут ждать духота и жара, ведь целый день оранжерея нагревалась под лучами. Я оказалась права лишь наполовину. Внутри действительно было влажно, но не жарко.

– А вот и первые помощники, – жизнерадостно приветствовал меня сухенький, но весьма энергичный старичок.

Он был облачен в рабочий халат, кожаный фартук и соломенную шляпу. Я опустила взгляд чуть ниже и увидела ярко-желтые кломпы – цельнодеревянные башмаки с поперечными ремешками. Эта обувь была не только яркой, но и с затейливым щегольским рисунком.

– Вижу, понравились, – хитро прищурившись, польщенно заметил старичок. – Слева от входа, на галошнице, еще парочка есть. Переобуйся, чтобы свою обувь не замарать. И пойдём, покажу тебе, что нужно делать.

Я согласно кивнула и, сменив кроссовки на кломпы, поспешила следом за старичком. Как выяснилось из разговора с тепличником, звали его Штопс Вартрох или просто господин Штопс. Он был магом земли и главенствовал в оранжерее. Помимо него здесь работали еще несколько человек: смесовик грунта, артефактор, что отвечал за работу запорных механизмов, которые обеспечивали проветривание и полив, а также подсобные рабочие – проштрафившиеся адепты. Пока что последние были представлены единолично мной.

Сегодня мне требовалось выполоть грядку с мандрагорами. Желательно не потревожив последние. Пусть растения сидели в земле и крикливость у них потому была пониженная, но не нулевая же...

И я принялась за дело. А спустя полчаса ко мне неожиданно присоединился один из «подозреваемых в сыновья канцлера». Тот мрачный тип с последней парты, который сидел чуть левее сладкой парочки Пирата с Прынцесской и буравил меня взглядом после того, как я заявила, что дочь Толье.

Одногруппник был в точно таких же, как и у меня, деревянных башмаках и фартуке. И смотрелись они на нем слегка комично. Но парня это ничуть не смущало. Он невозмутимо присел за соседнюю грядку и молча начал довольно шустро полоть.

Я следила за тем, как его пальцы ловко выдергивают сорняки. Так, словно эти руки не только не чурались грязной работы, но и часто ее выполняли. Причем в отличие от меня работал адепт без перчаток. Невольно отметила мозоли на ладонях. Такие не оставит карандаш или чернильная ручка. Скорее уже заточенные железяки, которые вертишь в руках по несколько часов.

Я так пристально разглядывала руки адепта, что вздрогнула от его вопроса, который рассек тишину не хуже стального клинка:

– Нравлюсь?

Я подняла взгляд выше. Непроницаемое выражение лица – точно маска, забрало. И лишь лукавство в уголках ярко-синих глаз.

К слову, внешность одногруппника вполне позволяла такой вопрос задать. Тогда, на первой лекции, он показался мне мрачным нелюдимым типом. Сейчас же, в свете заходящего солнца, когда я увидела его за прополкой, он оказался вполне нормальным парнем. Даже милым. И красивым. Коротко стриженные темные волосы, черные брови вразлет, высокие скулы, атлетическое телосложение... Одним словом, на такого наверняка тоже найдется не одна гундосенькая ревнивица – нехстати вдруг вспомнилась длинноногая девица, что сегодня подкараулила меня за углом общежития.

– По частям, – ответила абсолютно честно. – Вот твое выражение лица – нисколечко. Оно словно стакан уксуса. А то, как ты отлично полешь сорняки, – очень даже. У тебя почти профессионально получается, – закинула я удочку.

– Мой отец – маг-механик, и я с ним провел все детство в гаражах, чиня двигатели, так что я не боюсь грязной работы, – спокойно, с достоинством отозвался парень.

– И как зовут сына механика? – я постаралась задать этот вопрос максимально мягко, чтобы ни в коем случае не обидеть, даже игривый тон чуть подпустила.

– Магнус Элрой, – отозвался одногруппник. – А тебя, дочка канцлера? – последнее он произнес сарказмом. – Николь Роук?

Да уж, за сегодня я удостоилась пристального внимания сразу и от некрохрыча, и от тренера, так что немудрено, что мое имя этот Элрой знал.

– Да какая я дочка канцлера. Так, неудачно пошутила, – фыркнула я. – Очень уж хотелось уесть Пирата с Прынцесской.

– Кого-о-о? – удивленно протянул адепт, и даже его руки в этот момент зависли над грядкой.

– Ну сидели недалеко от тебя на задней парте двое доставал. Один с серьгой в ухе, а второй – блондинчик. Миниг и Никос, кажется....

Элрой на секунду задумался, словно вспоминая, а потом... захохотал!

– Ты, главное, Никосу не скажи, что он принцесска. Хотя сыну графа это прозвище очень идет.

– А ты откуда его знаешь? – тут же встала я в стойку, точно гончая, учуявшая след.

– А не нужно было с тренировки так рано уходить, – коварно усмехнулся Элрой.

– Ты же раньше меня полосу прошел? – припомнила я.

– Прошел, – согласился адепт. – Но не ушел. И узнал много интересного. Наставник, как оказалось, служил вместе с отцом Никоса. Ну Бруковр по-дружески и взялся за воспитание графенка, – в последнем слове почти неуловимо проскользнуло что-то личное, – чтоб настоящим стражем стал и имя отца не опозорил...

– Поэтому решил его попозорить как следует на тренировке? – невинно уточнила я.

– Точно, – усмехнулся Элрой и неожиданно произнес: – А ты не такая заноза, как показалось сначала.

– А ты не такой мрачный тип на поверку, – вернула я сомнительный комплимент.

За разговором время пролетело незаметно, и грядку я дополола засветло. Попрощавшись с одноклассником, вышла из оранжереи под увещевания Штопса, что он будет ждать меня завтра: ведь у меня от щедрот преподавателя по некромантии осталось еще четыре дня отработки.

Я шла к общежитию мимо учебных корпусов. Большинство из них были старыми, я бы даже сказала – старинными: углы черепичных скатов крыш некоторых из них по моде прошедших столетий венчали каменные горгульи. А там, где каменных монстров не было, балюстрады и аттики украшали статуи элементарей.

Это и немудрено: столичная академия высшей магии имела богатую и древнюю, более чем тысячелетнюю историю. Если бы я не была так занята делами насущными, обязательно полюбовалась бы и лепниной, и каменными изваяниями. А может, даже помечтала бы, как текла в этих стенах жизнь много лет назад. Какие мантии носили тогдашние адепты, какие профессора им преподавали...

Но сейчас меня больше занимали размышления о разговоре в оранжерее. С одной стороны, этот Элрой выглядел весьма аристократически и вполне мог быть сыном канцлера: манера речи, то, как он назвал Никоса «графенком» – как будто был знаком с Принцесской уже давно и не заочно. С другой – явно рабочие мозоли

на ладонях парня: его сноровистые руки были привычны к грязной тяжелой работе... В общем, после этого разговора вопросов появилось гораздо больше. Хотя... одна деталь все же заставила меня, пусть и после некоторых раздумий, склониться к тому, что Элрой не сын канцлера. Хотя не мешало бы уточнить у Дэна. Он ведь тоже аристократ и...

Стоило мне только подумать о блондине, как он почти сразу же появился на горизонте. Я как раз шла мимо одного из корпусов, когда увидела Стилла. А он меня. И двинулся навстречу. Причем, судя по его виду, страж был настроен на разговор столь решительно, что даже умри я в эту секунду – не смогла бы уйти беседы.

Я замерла на месте, понимая, что бежать бесполезно, прятаться – поздно, сражаться – бессмысленно. Остается только принять самую неотвратимость по имени Дэниэл Стилл такой, какая она есть. И успокоительные.

Но когда между мной и Дэном осталось не больше двадцати футов, взгляд адепта на миг оторвался от меня, а затем страж вдруг резко сорвался с места и на бегу, вскинув руку, метнул прямо в меня заклинание.

– Что за... – только и успела выдохнуть я, как мое тело впечатало в стену.

Воздух выбило из легких. Я здорово приложила макушкой – до звёздочек в глазах, – ссадила руки, но... Окунуться с головой в собственные ощущения не удалось, потому как ровно на то место, где я только что стояла, рухнула статуя горгульи. Меня не убило лишь благодаря чуду. Ну и защитному куполу заклинания Дэна.

Я стояла и смотрела на груды обломков. Между ними и носками моих кроссовок расстояние было всего ничего. Один камешек почти касался обуви. Не окажись я прижатой так плотно к стене, под небольшим навесом ската крыши, эта горка камней стала бы моим надгробием.

Гулко сглотнула и ошарашенно взглянула на стража, который спас мне жизнь. Вот только он смотрел сейчас не на меня, а гораздо выше – наверняка на край крыши. Пристально, неотрывно, словно гипнотизируя.

Я тоже непроизвольно задрала голову. Ничего, кроме края с обломанной черепицей, не увидела. А когда опустила взгляд на Дэна,

то на том месте, где он до этого стоял, адепта не обнаружилось. Он оказался гораздо ближе. Буквально в двух шагах от меня.

Дэн щелкнул пальцами, снимая защитные чары. А затем критически меня оглядел.

– Не сильно приложило? – поинтересовался он.

Я из чисто женской вредности и избытка чувств прошипела:

– Нет! На вскрытии узнаешь!

– Хм... Значит, так Николь Роук произносит «спасибо»? Что ж, буду знать, – криво усмехнулся страж.

А мне стало стыдно. Волна адреналина начала спадать, уступая место смущению.

– Извини. Это нервы, – произнесла куда тише, чем первую фразу. – И... спасибо, что спас мне жизнь. Если бы не ты, то моя учеба в академии закончилась бы сегодня из-за несчастного случая...

А про себя подумала, что теперь буду гораздо чаще смотреть вверх и долго избегать прогулок рядом с краем крыш.

– Знаешь, я бы не был так уверен, что это случайность...

При этих словах Дэна мне стало зябко. Вот пока я стояла под заклинанием, глядя на камнепад, а потом и наваленную горку обломков статуи, был просто испуг. А сейчас я почувствовала, как внутри меня прорастал страх. Медленно, неотвратимо. Он вымораживал изнутри. И было настолько холодно, что казалось: вот сейчас слова застынут в горле вместе с дыханием. И их лед рассечет меня своими колкими гранями.

Оказалось, что до этого момента мой организм держался из последних сил, а я этого даже не замечала: он сопротивлялся чужой магии, стрессам, бессоннице, нервному напряжению, которое выворачивало меня наизнанку, а вот это стало последней каплей, и у меня сорвало кран. Напрочь.

Тело начало трясти. Я ничего не могла с этим поделать. Только клацали зубы, дрожали пальцы, руки... Я вся.

– Ты счит-т-таешь, это тот ликвид-д-датор? – заикаясь, выдавила из себя я, чувствуя: вот-вот из глаз польются слезы.

Думала, Стилл кивнет в своей излюбленной манере, подтверждая: да, ликвидатор. Или скупно попытается отрезвить хлесткой, как пощечина, шуткой, чтобы унять зарождающуюся истерику, но... Он

сделал шаг вперед и обнял. Так нежно и бережно, словно это был не Дэн, будто его подменили.

– Все хорошо... Ты жива... Ничего не случилось... – вкрадчивый мягкий мужской голос успокаивал, а руки, которые гладили по спине, дарили ощущение, что и правда ничего непоправимого не случилось...

Истерика начала стихать. В отличие от слез. Они все же полились из глаз. Я всхлипнула. Раз. Другой. Но, как ни странно, это помогало. Эмоции затихали в лучших женских традициях, согласно которым, чтобы успокоиться, нужно сначала как следует психануть.

– Ники... – мое краткое имя прозвучало в устах Дэна как-то по-особенному. Столько всего он сумел вложить в эти несколько звуков: и сожаление, и надежду, и нежность, и отчаяние...

Я медленно, словно не веря услышанному, подняла заплаканное лицо и встретила взглядом с Дэном. Бывают такие мгновения, когда планета сходит с орбиты, время замирает и во всем мире остаются только двое. Так вот, сейчас был именно такой момент.

Мужская рука, сильная, надежная, способная защитить и успокоить, – она дотронулась до моей щеки, стирая слезы.

– Ники, нельзя на меня так смотреть...

– Как? – вырвалось у меня на выдохе.

– Так, что у меня не остается сил сопротивляться... – хрипло выдохнул Дэн.

Мы потянулись навстречу друг другу. Одновременно. И нежность первых касаний почти сразу же сменилась неистовым напором. Словно мы стремились доказать себе и друг другу, что живы, что дышим, что смертельная опасность прошла стороной.

Требовательные губы, напористые поцелуи, руки, которые пленяли и ласкали, – все это рождало шквал ощущений, затягивавших нас в себя бешеным водоворотом эмоций, которые были одни на двоих. Это было удовольствие на грани безумия, словно яркая вспышка заклинания, что сносит все преграды разума, логики, доводов.

Пальцы Дэна скользнули по моей спине, пройдясь по ложбинке позвоночника вверх, к шее, чтобы зарыться в волосы, а потом прижать меня к сильному мужскому телу.

Поцелуй был как стихия, которая накрывает с головой, выжигая в той все мысли до единой, оставляя лишь ощущения прикосновений

Дэна, которые мне сейчас нужны были как воздух, даже больше, чем воздух.

– Ники... – услышала я свое имя, которое Дэн хрипло простонал, на секунду прервав поцелуй и глядя на меня затуманенным взглядом.

– Ты не вы...

Глава 14

Он не договорил, нас прервали крики откуда-то со стороны.

Оказалось, что падение горгульи не осталось незамеченным. И теперь сюда спешили несколько адептов, а чуть позади, стремительно нагоняя их, мчался тренер – Седерик Бруквор. И судя по выражению его лица, нам безопаснее было бы быстренько помереть и самим закопаться под грудой камней, оставшихся от горгульи, и водрузить сверху могильный камешек, чем встретиться с наставником лично. Потому как что-то подсказывало: разъяренный Бруквор опаснее любых смертельных проклятий.

Обогнав всех, наставник оказался рядом с нами первым и тут же спросил, обращаясь к Дэну и указывая взглядом на каменную грудку:

– Ронял?

– Спасал! – вскинув голову, не менее эмоционально рявкнул страж, закрывая меня своей спиной.

А я в этот момент старательно приводила себя в порядок. Поскольку, как выяснилось, поцелуем мы слегка увлеклись...

– А она? – допытывался наставник.

– Стояла под падающей статуей, – за меня ответил Стилл.

Я высунулась из-за плеча своего спасителя и активно закивала: да, именно так оно и было!

Тренер осмотрел нас, потом задрал голову, глянул на поломанный край черепицы... и уже более миролюбиво поинтересовался:

– Целитель нужен? – обращаясь уже ко мне, уточнил Бруквор.

Я отрицательно замотала головой. Стилла тренер не спрашивал в принципе, видимо полагая, что выпускники академии должны быть и так противоядерными настолько, что при попытке пришибить их молотом ломается молот, а не страж.

Спустя некоторое время нас отпустили, перед этим, правда, основательно допросив. А еще поставив Стилле по защитной магии отлично, а мне влив... ШТРАФ! За то, что безалаберно подошла к вопросу самостоятельного спасения.

Отбывать наказание я снова должна была в оранжерее. Узнав об этом, едва не закричала зубами. Да чтоб тебя! Если так пойдет и

дальше, я скоро в этой теплице корни пущу. Не боевой маг, а ботаник!

Зато злость придала мне сил. И к общежитию я шкандыбала весьма бодренько. Только недолго. Едва мы прошли метров сто, как Стилл остановился и произнес:

– Ники, постой!

Я резко развернулась. В крови бурлили эмоции: злость, страх, а еще смущение, которое я старательно прятала за первыми двумя.

Ведь сегодня мы целовались, потому что... Да просто целовались, демоны подери! Не потому, что стражу нужно было меня обыскать или мне поставить одного умника на место, а потому, что... меня тянуло к Дэну. И это было ужасно! Хотя... может, он так решил меня успокоить? Отвлечь от истерики? А я в состоянии аффекта... Да! Верно! Именно так! И никакие это не чувства. И вовсе страж мне не нравится! У нас просто с ним одна магия на двоих. И одна тайна и... И больше ничего! Вот!

Успокоив себя таким образом, я выдохнула. И мой ответ прозвучал даже вполне нормально, без обвиняющих интонаций или нервических выпадов:

– Да?

– Я искал тебя, чтобы поговорить...

Я ничего не ответила, лишь внимательно посмотрела на стража, стараясь выглядеть при этом абсолютно невозмутимой, словно ничего и не произошло полчаса назад. Ни пикирующей горгульи, ни спасения, ни поцелуя.

– Кажется, я расшифровал описанный обряд. У нас есть неплохие шансы вернуть себе свою магию. Только времени не так уж много: нужно успеть до полнолуния.

Я машинально посмотрела на небо, куда совсем недавно выкатилась почти круглая – лишь один бок не такой покатый – луна. А это значит, что у нас в запасе от силы пара дней.

– Мы успеем? – взволнованно выдохнула я, про себя признавая: быть бесстрастно-невозмутимой у меня не очень-то получается. Рядом с Дэном – так точно.

– Должны. Твой дар... – Тут стаж поморщился, и мне показалось, что даже как-то побледнел. – Очень жгучий...

– Что с тобой? – всерьез забеспокоилась я.

– Ничего, сейчас пройдет, – сквозь стиснутые зубы прошипел Дэн. – Твоя сила – она строптивая, и когда я призвал ее для защитного плетения, то она немного выжгла мои кана...

Он не успел договорить, как я приложила свои ладони к его лицу. И это подействовало на Стилла почище любого парализующего заклинания. Он замер неподвижно. А я постаралась прислушаться к той части себя, что сейчас была внутри стража. К своей магии, что бушевала сейчас внутри Дэна.

Мой дар неистовствовал, бесился. Словно дикий жеребец, на котором чужаку удалось проскакать мило, после которой то ли седок покинул круп мустанга по доброй воле, то ли наглеца сбросили...

– Т-ш-ш-ш, – прошептала я и потянулась к своей силе. Убаюкивая, увещевая ее. И энергия, до этого бурлившая горным потоком, начала спадать, стихать...

– Спасибо, – спустя какое-то время хрипло отозвался Дэн.

– Ты спас меня. Я тебя, – усмехнулась и, отнимая руки от мужского лица, добавила, понимая, что выходит кривенькая рифма: – У нас ничья.

Он чуть склонил голову, а я, наоборот, слегка запрокинула. И сейчас наши взгляды говорили меж собой. Без слов о важном и простом одновременно. И было гораздо тяжелее противостоять этому взгляду, чем пройти полосу препятствий на тренировке у Бруквора.

Вечер был уже на исходе, и аллея, по которой мы возвращались в общежитие, была тихой, но, к сожалению, не безлюдной. И мимо нас, застывших на месте, в какой-то момент прошла парочка адептов. Они что-то негромко обсуждали меж собой, но, когда поравнялись со мной и Дэном, одна заливисто, нарочито громко засмеялась, заставляя обратить на себя внимание.

Я обернулась чуть раньше Стилла и успела заметить острый как бритва взгляд темноволосой девицы, которым она меня полоснула, как ножом. А затем произошла поразительная метаморфоза: на губах адепки расцвела чарующая улыбка, глаза заискрились, и она превратилась в само очарование, проворковав:

– Привет, Эл! – голос был настолько мелодичным, словно трель колокольчика, что у меня даже зазвенело в ушах.

А еще я с неудовольствием отметила, как эта девица сократила имя Дэниэла.

– Привет, Адель, – кивнул адептке Стилл, повернув голову в сторону разговорчивой девицы.

И кто бы знал, почему у меня в этот момент зачесалась левая рука? Настолько, что так и захотелось прислонить свои пальцы к щеке Дэна, чтобы повернуть его лицо, профиль которого я сейчас созерцала, ко мне целиком. В анфас.

– Мы сможем завтра встретиться после занятий? – допытывалась адептка, все так же мило улыбаясь.

– Созвонимся, – уклончиво, кося на меня взглядом, отозвался Дэн.

А я меня внутри наступила ночь. И захотелось враз быть отсюда подальше.

– Буду ждать, – прозвенела эта девочка-колокольчик и поцокала своими каблучками прочь, под ручку со своей подругой.

– Это моя напарница по проекту магистра Сторуса. У старика привычка мешать между собой потоки при работе над практическими заданиями.

– Зачем ты мне это говоришь? – сглотнула, постаравшись принять гордый и независимый вид.

– Затем, что делаешь это.

– Что? – Я скрестила руки на груди.

– Ты на меня смотришь.

– Смотрю? – скептически приподняла брови.

– Этот твой взгляд... – пояснил Дэн, отчего я еще больше запуталась.

– Но я не вижу себя со стороны. И это мои глаза...

– Да, это твои глаза, – перебил меня страж. – И они словно говорят: «У него с ней что-то есть...»

– А разве нет?

– Нет! – раздраженно произнес Дэн, словно потеряв терпение. – И меня, оказывается, бесит, что ты обо мне подумаешь демоны знают что...

Он выпалил это на эмоциях и словно споткнулся в последний момент о собственные слова, будто уже пожалел, что их произнес.

– Извини, – спустя несколько томительно долгих секунд выдохнул Стилл. – Но мне действительно важно, чтобы ты знала: до идеала мне далеко, и я далеко не подарок, но я никогда не унижу тебя ложью.

Он произнес это так, что я поверила. Вот так, сразу поверила, и все.

– Извиняю, – милостиво согласилась я. – Но твои поклонницы меня раздражают!

Я сказала это в сердцах и тут же прикусила язык. Но поздно.

Зато Дэн от услышанного разулыбался, словно я сказала ему изысканный комплимент. Просто невыносимый страж!

– Давай я тебя лучше наконец допровожу до общежития, чтобы точно знать, что больше ничего не случится.

Я, поражаясь самой себе, согласилась. А по пути мы обменялись номерами магофонов и, что удивительно, болтали, как приятели. Дэн рассказывал мне студенческие байки. Я поведала ему о подвигах Пуси в стенах академии, так что, когда мы прощались на крыльце, я поймала себя на том, что улыбаюсь.

Встретиться мы с Дэном договорись завтра вечером и, наконец, провести ритуал обмена магией. А пока стоило как следует выспаться и набраться сил.

Но, переступив порог комнаты и взглянув на стопку книг, что стояла на столе, я мысленно взвыла.

Потому что напрочь забыла про задание, которое сегодня нам дали на лекции по зельеварению. И его нужно было подготовить к завтрашнему практикуму. Да чтоб меня!

Дара и Лори безмятежно спали, а я, стиснув зубы, села за учебник. Зевала на каждой не то что странице – строке, но упрямо продиралась вперед, заучивая зубодробительные термины. Как оказалось, многого я не проходила: все же учебная программа в провинции уступала столичной. Но я понимала: если сейчас что-то упущу, то пробелы в знаниях будут нарастать как снежный ком.

Поэтому достала блокнот, в котором стала делать пометки по непонятным моментам. Нужно обязательно их прояснить – заглянуть в библиотеку до ритуала обмена магией. Потому как обретение собственного дара – это, конечно, важно, но если я вылечу из академии за неуспеваемость, то у меня его попросту частично запечатают. По законам Ковира тех, кто не смог овладеть собственным даром, его не лишали. Но если сила велика, то ее перекрывали, оставляя тонкий ручеек вместо полноводной реки. Достаточно для бытовых нужд, но квартал не разнесет. Наконец с зельеварением было покончено, я уже

было сладко потянулась, мечтая, что сейчас лягу в постель и вдоволь наплююсь, как взгляд упал на руку Дары, которой она во сне подпирала щеку.

Рука... Руки... Мозоли... – всплыли вдруг воспоминания, которые события сегодняшнего вечера отодвинули на второй план. И я, лихорадочно схватив с тумбочки магфон, набрала номер Дэна. И только потом посмотрела, на часы: они показывали полночь. Не самое урочное время для разговоров, но вызов все равно не скинула, продолжая упрямо сжимать артефакт. Мне сейчас казалось очень важным задать один-единственный вопрос Стиллиу.

Гудки шли один за другим. Монотонные, они словно били наотмашь по моим нервам. Ну же, давай ответь! Вопрос зудел внутри меня, рвался наружу и...

– Ник... – сонный голос, в котором тем не менее мне послышались сталь и напряжение няньки, которая только на миг отвернулась от карапуза, а тот уже умудрился вляпаться – сразу и в грязь, и в неприятности. – Что случилось? Где ты?

– Все в порядке. Я жива, здорова и даже нахожусь не на каком-нибудь кладбище, а в своей комнате, – поспешила заверить стража. – Мне только нужно знать: ты при отработке в оранжерее надевал перчатки?

– Что-о-о? – в голосе Дэна было столько удивления, возмущения и желания меня придушить, что я искренне порадовалась разделявшему нас расстоянию. – Ты позвонила в первом часу ночи, чтобы меня спросить об... оранжерее?

– О перчатках, – поправила я. – Ты мой единственный знакомый аристократ. И меня сейчас интересует вопрос: как ты полон сорняки? Голыми руками или в перчатках?

– В перчатках! Если без них, на руках остается травяной сок. И если сорняки были магическими, то такой очищающие заклятья не берут. Нужно ждать, пока сам сойдет, – выдохнул Дэн, видимо уже смирившись: таким ненормальными девицами, как я, лучше ответить. Тогда в подарок можно получить еще пару часов спокойного сна. Но не факт.

– А вот Магнус Элрой полон без. – Я представила, как сын канцлера на светском приеме прячет руки за спину, потому что те в бурых пятнах от сорняков. И что-то мне мало верилось в такую

картину. – У него еще ладони в мозолях. И ногти прямо под корень стриженные. И он руками работал очень споро, как будто привык к тяжелому труду...

– Стоп! – перебил меня страж и насторожился: – Кто такой еще этот Магнус?

Я, коротко глянув на мирно спавших соседа, все же решила, что конспирация не будет лишней, и зашептала в артефакт, больше не называя имен. Получилось, правда, слегка по-идиотски, но, как говорится, береженого пульсар бережет, а не береженный переваривается у демона в желудке.

– Один из тех троих кандидатов. Я с ним сегодня отработывала в оранжерее.

– Ясно, – с неудовольствием заметил страж. И, видимо окончательно проснувшись и проанализировав услышанное, задал очень точный вопрос: – Но если ты хотела узнать про перчатки, значит, у тебя были сомнения по поводу того, кем является этот твой Магнус. Почему?

– Он не мой, он наш с тобой общий, – фыркнула я, напомнив, что подслушивали мы в библиотеке вместе. – А сомнения... Просто мне показалось, что он неплохо, не понаслышке знает тех, кого простой человек знать как бы не должен...

– Так хорошо или лично? – уточнил Дэн. – Если речь идет о ком-то из высшего света, то многие наследники великих династий – люди публичные. Их не обязательно знать лично, чтобы знать хорошо. Достаточно светской хроники и скандалов в желтой прессе.

Я машинально побарабанила пальцами по подоконнику. Возможно, страж прав. Может, мой Магнус просто в курсе, что за фрукт Принцесска? Скажем, графенок был участником какой-нибудь скандальной вечеринки, новость о которой растиражировали столичные газеты? Просто я не в курсе.

– А ты знаешь сына графа... – тут я поняла, что без понятия, какая фамилия у Принцески. Да и у Пирата... «Не, определенно, надо ближе познакомиться с коллективом, даже если коллектив этого не хочет», – подумала я про одноклассников.

– Какого именно? – устало выдохнул Дэн.

– Никоса. Блондинчик такой – чистая принцесска... – сказала и поняла, какую глупость сморозила.

Но самое удивительное ждало меня впереди: оказалось, по столь скудным сведениям Стилл смог идентифицировать личность адепта.

– Кажется, похож на Никосиса Фаута. А что?

– Он в новости не попадал? – продолжала допытываться я.

– Да наверняка попадал, – обреченно, словно распрощавшись с мыслью, что сегодня ему удастся выспаться, выдохнул Дэн. – Он заезды ночные любит, насколько я знаю...

Хм, а у Магнуса отец механик... Что ж, тогда есть вероятность, что тот, с кем я сегодня полола грядки, вполне мог и лично знать Принцесску...

И я со спокойной душой вычеркнула имя Магнуса Элроя из мысленного списка подозреваемых, но решила, что приглядывать за ним все же стоит.

– Что ты еще хотела знать? – меж тем спросил Дэн.

– Да вроде бы пока... ничего, – я растерялась и предложила тем тоном, который обычно слышала от нашкодлившей сестренки, когда та, высунувшись из-за угла, опасливо уточняла, стоит ли уже вступить в переговоры, или пока я еще однозначно права: – Может, тогда спокойной ночи?

– А как же продолжить наш романтический ночной разговор? – иронично предложил Дэн. Это прозвучало бы куда эффектнее, если бы не широкий зевок в конце. Он был такой заразительный, что мне самой захотелось открыть рот пошире. Еле удержалась.

– А может, в другой раз? – Я все же зевнула.

– Ну раз дама настаивает...

– Это рябину на коньяке настывают, а я вношу конструктивные предложения, – все же не смогла удержаться от встречной подколки. А то какой отборный дипломат выискался, прям сортовой. Интересно, в каких питомниках таких разводят? Потому как не может же на ровном месте такой талант передергивать фразы появиться. Тут явно не обошлось без тщательной селекции...

– Хорошо, тогда конструктивное предложение принимается, – в голосе Дэна прозвучала усмешка.

Но нельзя было просто так после этого сказать «спокойной ночи» и, услышав ответное «сладких снов», а затем взять и нажать «отбой».

Мы проговорили с Дэном еще не менее получаса, уверяя друг друга, что полны бодрости и сил. И при этом непрестанно зевая. Я так

еще и глаза почти закрыла, и стояла, прислонившись к стене, чтобы, случайно задремав, не упасть. Подозреваю, что и страж был в примерно таком же состоянии.

Может, мы бы болтали и дольше, но в какой-то момент оба поняли: еще немного – и рассветет.

– Может, еще немного поговорим? – в шутку спросил Дэн.

– Нет, я хочу утром проснуться.

– Амбициозно, – прокомментировал он мой самоуверенный ответ.

И мы попрощались.

На этот раз до утра. Я отключила магофон, завела будильник и легла в постель. И когда уже накрылась одеялом и прижалась щекой к подушке, поймала себя на мысли, что улыбаюсь. Широко и счастливо. А потом провалилась в сон, как в черный бездонный колодец.

Глава 15

От пробуждения я увиливала в лучших традициях профессионального призывника-уклониста: накрывалась с головой одеялом, забиралась под подушку от противного звона будильника. Но потом сквозь сон ко мне в мозг пришла мысль и начала упорно искать выход. И была она о том, что первое занятие по зельеварению. А преподавательница, если верить Дрону, не выносит опоздунов. И неимоверным усилием воли я эксгумировала себя из кровати.

Как раз в этот момент Дара приоткрыла один глаз и тоном палача, который зачитывает смертный приговор, прокаркала:

– Или ты вырубешь его, – взгляд на будильник, – или я вырублю тебя. И его тоже.

Я прихлопнула сверху звонок, обрывая трель, и Дара тут же, притворилась своим рабочим материалом – трупом, чей сон настолько крепкий, что почти вечный (до появления наглого некроманта – так точно!).

Лори лишь повозилась на своей постели, даже не отреагировав на звон.

Наскоро причесавшись, умывшись, одевшись, сграбастала сумку с учебниками и тетрадями, на ходу зачихнула в нее халат для алхимических занятий и поспешила в столовую, завидуя при этом соседкам. Перехватив в столовой завтрак, я целенаправленно устремилась в кабинет, где и должен был проходить практикум.

Только начался он с запозданием. И причиной тому оказался наш куратор. Знакомство с ним должно было состояться еще вчера, но господина Темса накануне по срочным делам вызвали в департамент магии, где он вынужденно и провел весь день. И вот сегодня спешил познакомиться со своими подопечными. А еще сообщить, что завтра после занятий ждет всех в актовом зале для просмотра талантов. Да-да, именно так и заявил. Правда, потом пояснил, что это ежегодная традиция академии – концерт, на котором выступают первокурсники. Заодно при подготовке представления многие друг с другом перезнакомятся, себя проявят, на других посмотрят... А сегодня до вечера нам нужно заявить номер, с которым мы придем на просмотр:

написать на бумажке свое имя, группу и чем желаем поразить отборочную комиссию – танцем, песней, декламацией, фехтованием... – и бросить в урну, что стояла рядом с дверьми актового зала.

Помогать в выступлении будут адепты-старшекурсники – магией иллюзий, добрым словом и педелем, если боишься выйти на сцену, но тоже непременно добрым.

Уважительной причиной неявки на просмотр являлась разве что смерть. Но адептов факультета некромантии это не касалось.

Я, услышав это, подумала: какой шикарный шанс упустила Силь... Вот поступила бы – наверняка стала бы звездой местной самодеятельности! А так – всего лишь профессиональной певицей, имя которой, возможно, узнает вся страна. П-ф-ф...

Куратор закончил свою речь, окинул нас бдительным взглядом и вышел. А мы остались. Лично я – с неприятными мыслями. Выступить не хотелось. Но умирать ради того, чтобы откосить от прослушивания, – еще больше. Поэтому я решила: как только закончится практикум, созвонюсь с Силь. Она-то уж наверняка знает не только как пройти кастинг, но и как мимо него пролететь.

Рядом со мной мрачно буравил взглядом доску Дрон.

– Ты чего? – шепнула я ему. – Не рад шансу стать звездой?

– Угу. Не видно, я уже свечусь от счастья, – буркнул приятель, – не хуже пульсара.

– Ты тогда-то... Главное, не взорвись, – пошутила я.

– Боишься, если я лопну, тебя забрызгает моим талантом? – сыронизировал Дрон, хитро усмехнувшись.

– А его много? – на всякий случай уточнила я.

– Очень. Но я стеснительный и не хочу его показывать.

– Я тоже, – поделилась своими чаяниями касательно нежелания выступать.

– Талантливая? – с нарочитым сомнением поддел Дрон, явно нарываясь на дружеский подзатыльник.

– Стеснительная, – прошипела сквозь зубы, добавив: – И талантливая. А еще кроткая и миролюбивая. Щас по шее дам – сразу уверишься в моей кротости.

– Я уже очень-очень верю, – мимолетно сверкнул белозубой улыбкой приятель. – Только не надо по шее...

– Ладно, уговорил, – я сделал вид, что смилостивилась.

– Слушай, а давай стесняться вместе, – Дрон тактично предложил провалить просмотр сразу дуэтом.

– Давай. У меня даже специалист по тому, как правильно налажать на прослушивании.

– Хм... смотрю, ты к организации неудач подходишь профессионально, – прокомментировал приятель.

А я подумала, что в чем-то Дрон прав: у меня отлично получается создавать не только неприятности, но и катастрофы. А по влипанию в истории у меня вообще высший дан!

Больше приятель ничего сказать не успел. Началось занятие, и нам пришлось быть максимально сосредоточенными и внимательными, чтобы не схватить неуд на первом же практикуме.

Я старательно отмеряла ингредиенты, следила за высотой пламени лабораторной саламандры, что свернулась под колбой, закрепленной на штативе, постоянно помешивала тонкой стеклянной палочкой зелье... И все ради странной комковатой субстанции, глянув на которую, преподавательница надолго задумалась, а потом, пробормотав: «За старание и ответственность», – поставила «удовлетворительно». С тремя минусами. Что примечательно, у Дрона получился отличный, я бы даже сказала, эталонный раствор. Вот как так?! Он наверняка ведь даже супы не варил! А тут зелье – и с первого раза на «отлично». Я с печалью вздохнула, утешившись тем, что кто-то до конца занятия так и не добрался: один из одноклассников все же смешал явно что-то не с тем, и в результате из колбы вырвалось пламя. И тут же сработала противоогневая система. Невезунчика окатило пламегасящим раствором. С ног до головы, а сверху еще и «неудом» приложило. И штрафом.

Второе занятие было не столь фееричным, но зато травматичным. А все потому, что на истории магии неумолимо клонило в сон. Сразу всю группу. Я сидела, подперев подбородок кулаком. Глаза слипались. Монотонный бубнеж сухонького, словно сам был ожившей мумией, преподавателя убаюкивал... Глаза слипались, и в тот момент, когда я почти заснула, подбородок съехал с опоры, отчего я едва не расквасила нос о столешницу. Одним словом, опасный предмет – история магии. Коварный.

На большой перемене я пошла в столовую одна. Дрон сказал, что обязательно догонит меня по дороге, ему нужно было забежать в общежитие: он сегодня забыл форму для тренировок. Я лишь согласно кивнула и отправилась на обед.

Но настиг меня отнюдь не одноклассник, а Дэн. Страж был отвратительно бодр и энергичен. Настолько, что вызывал черную зависть и желание его пристукнуть. А ведь легли мы одновременно!

– Я осмотрел крышу, с которой вчера рухнула статуя, – вместо приветствия сообщил мне страж, произнеся это таким тоном, словно речь шла о сущей ерунде. Даже с шага не сбился, гад!

– И что? – Дремота, которая напала на меня на истории магии, разом куда-то улетучилась.

– На первый взгляд, статуя упала сама: истончилось основание.

– А на второй?

– А на второй – там пара черепиц сломана. Как будто кто-то потоптался. Может, конечно, преподаватели. Они тоже осматривали скат, – произнес Дэн и досадливо добавил: – До меня.

Я сглотнула.

– Ники, будь осторожнее, – продолжил страж и неожиданно протянул мне шнурок с кулоном: – Держи. Наденешь на себя.

– Что это?

– Родовой защитный артефакт, – коротко пояснил Дэн.

– Я не...

– Не спорь, – отрезал страж. – К тому же, может, я не тебя защищаю, а свою магию, которая в тебя.

Вот только что-то в голосе Стилла было такое, что невольно создалось впечатление: он придумает тысячу и одну причину, чтобы я взяла кулон.

– Ну раз надо беречь силу...

В этот момент мимо нас прошел один из моих одноклассников – жгучий брюнет. И я так пристально на него посмотрела, что это не укрылось от Дэна.

– Что?

– Да это один из тех, на кого я думаю... – пояснять не пришлось. Страж сразу понял, что я имею в виду кандидатов в сыновья канцлера. Адепт только уточнил: – Вот тот, темный?

Я только кивнула. Даже ничего сказать не успела, как Дэн начал действовать. Стремительными шагами нагнал потенциального наследника Толье, толкнув того в спину. Парень, качнувшись, лишь чудом не упал, в последний момент вывернувшись с необычайной ловкостью. Но в долгу не остался, бросил Дэну что-то явно резкое. Слов я не услышала, но было достаточно и одной картинки, чтобы понять: намечается драка.

– Смотри, куда... – услышала я обрывок фразы. Вокруг парней как-то очень быстро образовалась толпа. Поэтому, когда я подошла, смогла уже только выпрыгивать из-за плечистых спин адептов.

Демоны подери этого Стилла. Что он задумал? И даже мне ничего не сказал. Последнее раздражало больше всего.

Судя по всему, страж сейчас явно нарывался на драку... Хотя. Я, старательно подпрыгивая, вдруг увидела, как брюнет и Дэн смотрят друг на друга с остервенением, но вроде бы кулаками не машут...

Рядом со мной какой-то низенький крепыш пропыхтел, толкая впереди стоявшего:

– О чем? О чем они говорят...

– Об эле, – поправляя очки, буркнула девица с косичками, которая стояла рядом с крепышом.

– Не об эле! Эль в академии нельзя, – авторитетным тоном вступил с ней в спор кто-то третий. – Они говорят о макрели. Ее на ужин сегодня обещали.

– Суп с макрелью очень вкусный, – вставил крепыш. – Наваристый.

– Кто хочет навариться? – тут же деловито поинтересовались слева от меня.

А я все еще усердно прыгала.

– Смотри на чем, – моментально ответил тощий, весь какой-то вихлястый парень.

– На тотализаторе наверняка!

А я, убедившись, что сверху разглядеть что-то бесполезно, опустилась на корточки и поползла меж ног... Эта тактика оказалась куда успешнее подпрыгиваний. Какая-то четверть минуты унижения – и я в первых рядах. Так что удалось не только краем глаза увидеть, краем уха услышать и краем мозга додумать, что происходит, собственно, вызов на дуэль. А эль и макрель тут ни при чем.

Едва Дэн и мой одноклассник ударили по рукам, толпа тут же пришла в движение. Я была вынуждена срочно поменять свою пусть весьма устойчивую, но низкую позу на более шаткое, но вертикальное положение. С этими положениями ведь всегда так: чем выше поднимаешься, тем ненадежнее и легче упасть.

– Дуэль!

– Дуэль!

– Дуэль! – неслось синхронное со всех сторон. Точно в диком племени... Правда, там наверняка ограничивались одновременным «ух!» и ритмичными ударами древков копий о землю. Здесь их заменяли хлопки.

Сдается, здесь это было делом привычным, иначе откуда тогда такая слаженность? Конечно, кое-где мелькали удивленные лица адептов, но что-то мне подсказывало, что это, как и я, первокурсники, для которых все происходившее в новинку. Но не для моего одноклассника-брюнета. Во всяком случае, он не выглядел обескураженным. Злым – да. Жаждающим поквитаться со стражем – однозначно. Но не растерянным.

Пространство вокруг начало меняться. Все потому, что адепты расступались, образуя круг. Интересно, почему все происходило так быстро? Назначили бы поединок на вечер... Или завтрашний день... Или следующий год? Почему именно здесь и сейчас?

– А разве дуэли законны? – вдруг вспомнила я свод правил академии. На этот счет у меня были сомнения.

То, что я произнесла это вслух, поняла, когда откуда-то сбоку раздался насмешливый ответ:

– Магические? Конечно, нет! А вот если обозвать мордобой благородно, то за это можно отделаться штрафом, а не вылететь отсюда.

Я даже голову не успела повернуть в сторону говорившего, как толпа опять пришла в движение. Меня вынесло в первый ряд зрителей, которые стояли кругом. Не очень широким, но даже ради такого пришлось раздвинуть обеденные столы.

– До пробоя в десятку, – весомо бросил брюнет, со злостью ударяя по кулакам Дэна.

Я лишь смутно догадывалась, что значит это «в десятку». Больше всего было похоже на то, что после сильного удара один из них рухнет

и не сможет подняться, пока зрители считают до десяти.

В толпе тем временем велись деловые переговоры, делались ставки, адептки обсуждали, кто из двоих симпатичнее и кого стоит навестить в лазарете после боя. Чтобы утешить или поздравить – не суть важно. Главное, прийти в лечебницу с глубоким декольте, потому что оба бойца были красавчики. Правда, ненадолго, но потом-то все заживет.

– Давайте-давайте! Тотализатор работает последние секунды, пока граница поединка не вспыхнула, – увещевал какой-то ушлый адепт-коммерсант.

Что за граница, я поняла, как только Дэн начал произносить слова заклинания. Все же дуэль, пусть и без применения магии, отличалась от драки тем, что в нее, как оказалось, даже при большом желании не могли вмешаться со стороны: помешал бы барьер. Он, конечно, был придуман несколько веков назад для поединков стихий, но, как выяснилось, имел и вот такое применение.

По полу, описывая круг, бежала огненная дорожка, по следам которой поднималась прозрачная стена. Пламя было уже почти у моих ног, когда я почувствовала резкий толчок в спину. Пытаясь сохранить равновесие, я шагнула вперед. И тут позади меня полыхнуло, отрезая от остальной толпы.

Я вскинула глаза и увидела изменившееся лицо Дэна. Судя по тому, как он на меня посмотрел, это в планы стража явно не входило. А языки пламени молнией метнулись дальше. До того, как круг замкнется, осталась всего пара футов или какая-то секунда. Если не меньше.

И в этот момент, почти перемахнув пламя, к нам прыгнул (сам, по доброй воле, его никто не толкал, между прочим!) еще один участник дуэли.

Второй брюнет, с челкой, что сидел с противником Дэна за одной партой.

– Я подумал, что двое на одного – нечестный расклад, и решил присоединиться к Тибальду.

– Брас, я бы сам справился, – недовольно поморщился южанин.

– С выпускником? – с какой-то странной интонацией произнес парень, откинув челку.

– Зато эта Роук не противник, а скорее обуза, – произнес южанин, видимо припомнив мои эквилибры на полосе препятствий, и усмехнулся.

А я зло глянула на этого ... нет, напротив стоял не мой одноклассник, а противник! И только противник. Я тебе покажу «обузу»! Еще не знаю как, но обязательно!

В этой отвратительной ситуации был один плюс (хотя он одновременно смахивал и на кладбищенский крест): я наконец узнала имена своих сокурсников, которых записала в потенциальные сыновья канцлера.

– И вы поднимите руку на девушку? – на всякий случай уточнила я, хотя понимала: поднимут. Еще как. И руку, и ногу...

– Требую отменить поединок! – вдруг вмешался Дэн. – Уговор был меж нами двоими. Присутствие кого-либо еще – не по правилам.

– А по-моему, все вполне честно. Так, наоборот, шансы уравнились, – вставил северный брюнет, смерив меня колким взглядом из-под челки.

В толпе между тем раздался недовольный рокот.

– Они драться будут или как?! – выкрикнул один возмущенно. – Я, между прочим, поставил на Стиллу последнее!

– Так границу-то подняли, пока кто-то не победит, она не спадет, – «успокоила» крикуна какая-то практичная адептка.

– Или пока кто-то из преподавательской столовой сюда не заглянет, – пессимистично поддакнул еще один. – А то и ректор!

– Да, давайте выясняйте, кто прав, скорее, пока не засекли!

Дэн, видимо поняв, что драки не избежать, лишь буркнул:

– Держись у меня за спиной и больше никуда не.... – видимо, он хотел сказать «суйся», но в последний момент смягчил в формулировку: – Прыгай!

Я с большой охотой кивнула, потому что понимала: самое безопасное место сейчас – это действительно за плечами стража.

И едва я очутилась там, как на Стиллу обрушился целый град ударов. И пусть те были не магическими, и били противники кулаками, но... слишком уж слаженно били!

Глава 16

Лично мне хватило бы одного хука этой парочки, чтобы погрузиться в улетный, если не летальный сон. Ну или как вариант я приняла бы этот бой в лучших традициях зайцев – задав стрекача. И нарезала бы круги от преследователей, пока они бы не устали. Потому что быть ловкой, смелой и умелой – это одно, а махать кулаками – я все же трезво оценивала свои силы. И их пока хватало только на то, чтобы как следует деморализовать противника. Увы, только криком, но зато каким! Обидные кричалки сыпались из меня сами собой. Причем больше досталось Брасу. Больно уж хорошо рифмовалось его имя. Впрочем, досталось и Тибальду, которого я сократила до Тиб – гнойный гриб.

Поэтому спустя совсем немного времени двое моих однокурсников старались не столько навалить Дэну, сколько добраться до меня и заставить наконец заткнуться. Страж этому активно препятствовал, что бесило парочку брюнетов еще больше.

В какой-то момент северянин, проведя серию хуков, смог отвлечь Дэна. В это время Тибальд метнулся сбоку от стража, уходя за его спину, где и пряталась я.

Пришлось кувырком через голову спешно покинуть свое такое надежное укрытие. В этот момент Дэн ужом увернулся от брюнета, который вместо меня оказался за его спиной. Страж шустро передислоцировался, вновь оказавшись к обоим противником лицом. Только вот в результате рокировки произошел один маленький упс: я оказалась за спиной Браса.

Дэн, увидев это, пошел в атаку, видимо решив меня отбить, пока брюнеты не поняли, что я теперь в их досягаемости. А я посчитала, что раз оказалась в стане врага, то надо изо всех сил помочь своим. Но кулаками я махать не умела, а вот сделать кусь...

Но я перекатилась по полу и встать еще не успела: одно мое колено упиралось в пол. А на уровне куся оказался филей противника.

Привередничать было некогда, и я, прицелившись, вонзила зубы в весьма неожиданное для противника место. К тому же сделала это

качественно. Ничуть не хуже Пуси. Еще и по примеру химеры вцепилась когтями в мужское бедро.

Мы с жертвой взвыли синхронно. Северянин – от неожиданного, подлого и крайне болезненного приема противника, я – оттого, что сломала один ноготь. От боли мои челюсти сомкнулись намертво, на манер сработавшего капкана.

Брас, если перевести его отборный бранный на простой человеческий, выразился примерно в духе: «Отпусти, чокнутая!» И для того, чтобы его фраза точно дошла до моего сознания, попытался вложить ее при помощи удара кулака по голове. Но тут я сообразила, что руки-то у меня свободны и можно врезать еще и под колено противнику...

Я опередила брюнета, треснув от души. Он потерял равновесие, так и не успев оглушить меня. И начал заваливаться.

Не удержались мы оба. Брас упал на меня, на секунду придавив своим телом. Потом вздрогнул, как от удара, и тут же взмыл в воздух. И я, так и не разжавшая челюстей, следом за ним.

Оказалось, что Дэн успел вырубить южанина и сейчас планировал сделать то же самое со вторым противником. Но выяснилось, что сзади него, на филее, репьем болтаюсь я.

– Брось гадость, Ники, – словно я была собакой, произнес Дэн.

– Немофу. Зафлинилфо, – призналась я.

Дэн коротко, без разговоров ударил лбом в переносицу начавшего было приходить в сознание противника, а потом аккуратно помог мне разжать челюсти. Что удивительно, я их даже не вывихнула.

Когда я взглянула на дело зубов своих, запечатленное на бедре противника, внутри появилось ощущение: этот боевой шрам останется с Брасом надолго, до встречи с талантливым целителем – так точно. И даже после... лекари умели заживлять раны, уменьшать рубцы так, что те становились не толще волоса, но тонкие, едва различимые глазу следы оставались всегда.

И пока дуэлянты приходили в себя, организаторы тотализатора раздавали выигрыши и подсчитывали барыши, а зрители спорили, считается ли кусь боевым приемом, Дэн помог мне подняться и поинтересовался:

– Как ты себя чувствуешь?

– Все болит. И хочу кексик с изюмом, – призналась я, потирая поясницу. – А ты?

– Нормально, – отмахнулся Дэн с величием истинного воина, которому торчащий между лопаток топор мешает разве что ночью на спине спать, а так – все просто отлично. – Ты мне скажи, зачем ты к нему полезла и напала?

В этот момент я ощутила себя щенком, напрудившим лужу в любимые тапки хозяина.

– Я не нападала, оно как-то само получилось... – развела руками.

– И задница сама себя укусила?

Пришлось признать, что филей – это уже я.

Но очутилась-то я в тылу противника из-за южанина! Так что в том, что у брюнетов произошла диверсия, виноваты они сами: не надо меня было выкуривать из-за спины Дэна...

Закончить свою логическую цепочку, которая переплюнула бы доводы знаменитого адвоката, который в суде доказал, что убивать – не так уж и плохо, мне помешало явление ректора народу.

Сначала толпа зашумела, а затем стремительно начала расступаться, точно волны перед носом корабля. К тому моменту, как ректор подошла к черной границе круга – к тому, что осталось на полу после полыхавшей еще недавно огненной стены, – Тиб и Брас уже успели прийти в себя. Один потирал челюсть, второй держал руку на бедре и косился в мою сторону. И его взгляд не предвещал ничего хорошего. Но взору Браса было далеко до горевших праведным гневом очей госпожи Миранды Гирс.

Ректор скрестила руки на груди и произнесла всего одну фразу:

– Я жду.

Судя по всему, объяснений. Вот только отправленная в сторону рука Гирс с раскрытой ладонью слегка сбивала с толку.

За спиной ректора между тем врассыпную шустрými тараканами разбегались адепты. Глава академии, не поворачивая головы, отчеканила:

– Томпсон, Фирх, Дромин, Анийская! Вам напомнить, что тотализатор в стенах академии запрещен?

Судя по стали в голосе ректора, запрещен он был вплоть до вылета из учебного заведения. Потому как четверо адептов с печальным видом развернулись и вложили в руку Гирс деньги. Судя по

всему, это был их заработок. И трое парней с девушкой уже мысленно успели его даже потратить.

– Благодарю меценатов академии, – чуть насмешливо произнесла ректор и, глянув на девушку, добавила: – Анийская, это не все!

Девушка так скорбно вздохнула, словно речь шла минимум о несметных драконьих богатствах, а не о паре мелких купюр, которые она надеялась утаить.

Ректор же, посмотрев на изрядно помятые банкноты, вынесла вердикт:

– Вот и деньги на покраску ворот нашлись... – Она посмотрела прямо на четверку букмейкеров, не успевших удрать, и присовокупила: – И добровольцы, которые в эти выходные подновят вход.

Квартет понуро кивнул и исчез. В столовой остались лишь я, Дэн и двое брюнетов.

Ректор перевела на нас взгляд, и Дэн, задвинув меня к себе за спину, точно так же, как перед началом боя, произнес:

– Адептка Роук в поединке не участвовала.

При этих словах на стража возмущенно, благо бессловесно, воззрился покусанный северянин, всем своим видом выражая, что я еще как участвовала! И нанесла, возможно, самые тяжелые травмы. А то, что последние скорее психологического, нежели физического плана, к делу не относится!

– Интересно... – протянула ректор. – И как же так получилось, что при этом она оказалась внутри круга?

Со стороны Дэна было благородно защищать меня. А с моей было бы высшей глупостью и неблагодарностью начать все отрицать. Тем более Дэн говорил правду.

– Меня толкнули, – выглянув из-за плеча стража, призналась я, припомнив тычок меж лопаток, из-за которого я вынужденно и переступила черту.

Вдруг с запозданием подумала: а была ли это простая случайность? Некстати вспомнилась горгулья, что вчера едва не проломилла мне голову. Слишком много совпадений. И просто падений тоже многовато.

Но с другой стороны, если меня хотели ликвидировать, то в дуэли бы это не получилось. Все же поединок велся «до десяти». Хотя если

как следует врезать, то у меня может настолько дух захватить, что и вылететь из тела может.

С другой стороны... ну бред же! Все толкались, пихались, хотели посмотреть поединок... Если в каждом происшествии видеть заговор – так и до паранойи недалеко.

Самокопанием как следует не дал заняться Дэн, продолжив рассказ:

– А второй, – кивок в сторону Браса, – уже вызвался сам. Так что если и наказывать за инициативу, то нас троих.

– Это так? – глянув на брюнетов, спросила ректор.

Те лишь слаженно (опять слаженно!) кивнули.

– Что ж... – в задумчивости произнесла глава академии, окинув нас четверых строгим взглядом. А из последующих слов я поняла, что не только окинув, но и просканировав не хуже опытного лекаря. – Вы трое – в лазарет. Два перелома со смещением, укус, легкое сотрясение, обширные гематомы... Стилл, что вы с ними делали? Хотя, судя по тому, что и у вас два ребра сломаны, развлечение было обоюдным. Поэтому в лечебницу. И в ней – до обеда, – прозвучало как «вы арестованы на сутки». – А потом – отработка. Поможете профессору Троносу в откапывании учебного материала.

Я запоздало вспомнила, что этот уважаемый маг вел у нас некромантию. А я еще жаловалась по поводу работ в оранжерее.

– А что до вас, невредимая адептка Роук... то на десять дней поступаете в распоряжение мастера Штопса.

Что? Опять?! Я мысленно взвыла. Но кто будет спрашивать несчастную первокурсницу.

Парни отправились в лечебницу. Что примечательно, даже перебрасываясь колкими, но вполне безобидными фразами. Будто и не дрались недавно. Вот правду говорят, что лучше всего мужчин сближают две вещи: хорошая попойка или хорошая драка, а уж если их совместить...

Дэн, Тиб и Брас едва успели уйти, как из дверного проема высунулась голова адептки, той самой Анийской, что промышляла ставками.

– Ушла? – громким шепотом осведомилась у меня магичка.

Я лишь кивнула. И этот простой короткий жест послужил сигналом. Столовая начала наполняться адептами. Ведь грозные

ректоры приходят и уходят, а кушать хочется всегда. А большой перерыв не резиновый.

С шумным студенческим потоком в столовую вошел и Дрон. Увидев слегка потрёпанную меня, он приблизился и спросил:

– Я что-то пропустил?

– Да так, кое-что, – оглядывая круг пепла, который уже начали деловито сметать в совки маленькие мохнатые бонды, произнесла я.

– А что именно? – с интересом оглядываясь, спросил Дрон.

Пришлось поведать приятелю отредактированную версию дуэли. В которой Дэн толкнул Тибальда совершенно случайно.

– Да ты везучая! – подытожил приятель. – Всего-то отработкой в оранжерее отделалась.

Я радости Дрона по этому поводу не разделяла.

Потому как лучше бы поводов для проявления этого везения не было вообще. Но пока я размышляла, приятель занялся делами более насущными, как то: обедом. И меня заставил съесть. К слову, сегодня повара приготовили рыбу с кашей. И если вторая была ничего так, с маслицем и петрушкой, то первая... тощая, костлявая – явно речная. Такую есть я умела только некультурно – ковыряясь руками и то и дело сплевывая мелкие косточки.

Поэтому, задумчиво повертев вилку в руках, решила, что сначала расправлюсь с гарниром, а потом уже, если решусь позориться, то и с плотвой.

Приятель мои проблемы не разделял, ловко орудуя вилкой, словно эта речная пакость не доставляла ему никаких проблем. Я лишь позавидовала такой сноровке. И, нерешительно ковырнув кусочек рыбы, поднесла его ко рту, не к месту вспомнив макрель, о которой судачили зрители в толпе. Вот у нее-то костей не так много...

И тут же в нёбо что-то впилося. Я закашлялась. Вот ведь... знала же! Но Дрон так легко справлялся со своим куском, что я и решила...

Вопрос – есть или не есть – решил сам собой: закончилась большая перемена. И мы с приятелем поспешили на занятия, где нас вновь валял в грязи тренер. Но на этот раз мне удалось даже пройти качавшееся бревно поперху, а не как вчера – снизу.

И после всех физкультурных мытарств я где-то была даже рада, что сегодняшней ритуал по обмену магией, который запланировал Дэн, откладывается. Мы: и я, и страж – хотя бы отдохнем. Только я

добровольно – на кровати, а он вынужденно – на койке в лазарете. Кстати, нужно будет заглянуть к Стиллу, узнать, как он.

К слову, о знаниях. Их жажда так одолела Дрона, что приятель не отставал от меня ни на шаг, напоминая: я хотела позвонить своему знакомому спецу по грандиозным провалам. А то завтра уже смотр талантов, а мы и готовиться не начинали. Даже бумажку с фамилиями и названием номера не опустили в магическую урну. А опустить непременно нужно, о чем увещевал куратор. В противном случае ждет внушительный штраф за несоблюдение правил и традиций академии.

Ни мне, ни Дрону отрабатывать месяц, а то и больше, чистя грифятни, не хотелось, лучше уж пару минут позора и полная свобода от принудительных рабочих подвигов во благо академии.

Договорились о том, что я созвонюсь с Силь и затем мы встретимся с приятелем на ужине. А как поедим, пойдем закидывать записки в урну. А потом я поспешила сначала в душ, а потом в библиотеку: у меня остались вопросы по зельеварению. Точнее, как выяснилось накануне, пробелы в знаниях. И их необходимо восполнить как можно скорее.

Хозяйка книжного царства произвела на меня еще при выдаче учебников неизгладимое впечатление. Это была волевая дама, которая за порванный у фолианта корешок придушит любого адепта. Но тихо, поскольку в читальном зале шуметь нельзя.

Но когда я озвучила проблему, к моему удивлению, библиотекарь не смерила меня снисходительным взглядом, а отнеслась весьма отзывчиво. Пояснила, что лучше искать в каталоге, и даже сама принесла несколько пособий, пока я разбиралась в карточках.

Я искренне поблагодарила даму за книги и засела за чтение в практически пустом зале. Я делала пометки в тетради, разбирая тему изомеризации. Я с трудом вспомнила, что этой теме наш учитель по алхимии посвятил вроде бы один урок, вкратце упомянув, что есть изомеры. Но, как выяснилось, для учебы в академии этих знаний оказалось мало. Условия изомеризации, первичные, вторичные и третичные структуры самых распространенных веществ, условия из реакций при кипячении или заморозке зелий, в состав которых они входили...

Спустя три часа я поняла: еще немного – и моя голова треснет. Поэтому поблагодарила библиотекаря и, сдав книги, покинула зал с

мыслью, которая внушала страх поболее любых ликвидаторов. А была она проста: если так пойдет и дальше и с каждой темой по зельеварению мне нужно будет ТАК разбираться, то я просто сдохну! А ведь помимо этого предмета есть и другие... Только сейчас поняла, КАКИМ чудом мне удалось поступить. Дрон отчасти был прав: мое везение оказалось запредельным. Да, я занималась как проклятая, штудирюя учебники; да, тренировалась все лето, но только сейчас поняла, что без везения, только на одном лишь моем упорстве и старании, я не смогла бы перепрыгнуть ту пропасть, что зияла между средним провинциальным образованием и требованиями к абитуриенту лучшей магической академии страны.

Где бы найти репетитора?.. Хотя мне и платить-то за дополнительные занятия нечем. Разве что стипендия. Но до нее еще бы дожить. Ладно, буду решать проблемы по мере их поступления. И пока есть хотя бы малый шанс, что я справлюсь своими силами, нужно бороться. Разобралась же я с этой темой? Разобралась! Сама!

И, воодушевленная этим, вышла из библиотеки.

На улице уже вечерело. Свежий прозрачный воздух, какой бывает только осенью, был пронизан какой-то печально звенящей пустотой.

Алели клены. Их листья шуршали под ногами на аллее. Нет-нет да и слышался стук – это под порывами ветра падали с веток поспевшие каштаны. Хотелось на миг замереть, остановиться в этой тяжелой величественной осенней красоте. И чтобы время замерло вместе со мной. Исчезли все «надо» и «должна»... И я дала себе обещание, что когда-нибудь обязательно позволю себе эту роскошь – просто так постоять и прожить мгновения, но не сегодня... Не сегодня.

Меня еще ждали звонок Силь, Дэн, которого нужно навестить в лечебнице, и нужно с Дроном опустить записки в урну...

Глава 17

Одним словом, дел было выше вытяжной трубы, что на крыше. И все мои. Ни на кого не делегируешь. Поэтому я, достав магофон из сумки, набрала номер Силь. На шестнадцатом гудке, когда я уже решила не мучить артефакт и нажать отбой, подруга отозвалась.

– Привет! – прозвучало жизнерадостное полушутливое. – Как дела у великого будущего стража?

– Привет, – я невольно улыбнулась, – пока я только гроза сорняков. На ближайшие месяца полтора – так точно...

И поведала Силь о том, сколько за пару дней всего я успела приобрести. В основном это были штрафы. Но мне их было мало, хотелось еще и позора...

– Прости? – перебила меня Силь, услышав, что еще мне нужно для полного счастья.

– У нас прослушивание. И мне нужно его не пройти, – пояснила я, кратко описав то, какой шикарный кастинг подруга пропустила.

– Хуже всего ты поешь, – не щадя мою тонкую душевную организацию, признала Силь. – Вот и продемонстрируй свои вокальные данные. Лично я до сих пор вспоминаю, как на моем дне рождения ты попробовала исполнить «Динь-динь, именинный пирог». Я тебе не признавалась, но мы Пусю потом месяц к химерьему психологу водили.

Вот так неожиданно и узнаешь к девятнадцати годам о своих скрытых талантах.

– Просто твоя животина очень нежная, – фыркнула я. – Лично мои младшие братья и сестры никогда не жаловались, если я пела в душе...

– Они просто жить хотели... – тут же нашлась Силь и, подумав, добавила: – Счастливо. Поэтому и молчали.

– А ты...

– А я честная. И хочу помочь тебе так наладить, чтобы у тебя все в академии после этого наладилось. Вот и говорю правду.

– Спасибо. – Тут подруга была права. Так что я и не подумала обижаться.

– Слушай, а что бы ты посоветовала парню?

– Какому? – тут же оживилась подруга. – Он тебе нравится?

– Щуплomu такому. Моему сокурснику. И он мне не нравится в том смысле, который ты в это вкладываешь, Дрон только приятель. И, как и, я не жаждет становиться звездой концерта.

– Он пусть попробует станцевать, – почти не задумываясь, ответила Силь. – У стеснительных ботаников это так неуклюже получается. – И она хихикнула в артефакт, как будто что-то вспомнив. – И пусть напишет, что танцует на стуле.

Мы еще немного поболтали. Подруга рассказала, что в клубе встретила потрясающего мужчину: красивый, статный, высокий, страж, да еще и аристократ... Она так описывала его, что стало понятно: Силь если и не влюбилась, то весьма заинтересовалась этим типом.

А потом подруга вспомнила, что ей уже пора готовиться к вечернему выступлению, и мы распрощались. Я же, прикинув, что время до ужина еще есть, решила навестить Дэна и узнать, как он там в заключении – пардон – на лечении.

Выяснив, где находится в академии лазарет (спасибо подробной карте, что висела в вестибюле центрального корпуса), я отправилась к стражу. Вот только попасть в палату к Стиллу не удалось: по распоряжению ректора к проштрафившимся адептам никого не пускали.

Но я была бы не я, если бы не попробовала увидаться со стражем.

Обойдя небольшое двухэтажное здание по периметру, заметила пару перспективных окон на втором этаже и одно на первом. Перспективными они были по той простой причине, что в стеклах одних отражался свет настольных ламп, другие были приоткрыты.

Я подняла камешек и, прицелившись, кинула в одно из тех, чья створка слегка оттопырилась.

Дзинь. Дзинь. Дзи..

– Ты ненормальная, мне глаз выбила. – В окне показалась недовольная физиономия с фингалом. И похоже, я только что поставила галькой второй. Зато симметрично! Тип шикнул: – Чего надо?

– Стилл тут?

– Вы достали уже! – Болезный уже хотел захлопнуть створку, как я торопливо добавила:

– А Брас или Тибальд?

– А тебе чего, так не принципиально? – даже заинтересовался собеседник.

– Да не то чтобы. Одному мне нужно отомстить, у другого поинтересоваться, не нанесла ли я ему непоправимых потерь: физических, психических, репарационных... А третий – за компанию.

Дважды фингалоносец каким-то непостижимым образом догадался, кто перед ним.

– А... так это ты цапнула Тиба за зад? – оживился он.

Но тут распахнулось соседнее окно, и я услышала:

– Никого она не цапала. Просто кому-то нужно лучше прикрывать тылы, – голос был чуть хриплый, но хорошо, я бы даже сказала, отлично знакомый.

– Живой? – Я посмотрела на высунувшуюся голову Дэна.

– Даже не надейся! – тут же отозвался страж, словно я была его наследницей.

– А эти двое доходят с компаса? – поинтересовалась я, пояснив: – Ну, мои сокурсники?

– Почему это мы с компаса? – Тут из третьего окна высунулись побитый и покусанный брюнеты. А до меня дошло, что это в лекарском корпусе не разные палаты, а один большой зал с койками. Возможно, даже без перегородок. Хотелось бы надеяться, что в целительской есть хотя бы разделение на женскую и мужскую комнаты.

– Да потому что один северянин, другой южанин.

Брас посмотрел на меня так, словно я только что выбрала самый экзотичный способ для самоубийства. Вторя моим мыслям, Дэн как бы невзначай заметил:

– Ники, учти, если тебя решат прикончить твои же одноклассники, не факт, что я успею им помешать...

– Не переживай, – я отмахнулась, – это у меня стратегия такая: чтобы они психовали-психовали, а потом их ка-а-ак разорвет от злости.

– Так это месть? – правильно понял мою издевку Брас.

– Конечно! – не стала отпираться.

– И чем я тебе успел так досадить?

– Сказал на дуэли, что я не противник, – припомнила я его слова про обузу.

Я удостоилась еще одного мрачного взгляда от северянина, а потом он неожиданно произнес:

– Похоже, я был не прав. Ты никакая не обуза. Извини. – И только я хотела принять позу благородной, прощающей олуха дамы, как этот недокусанный добавил: – Ты никакая не обуза, ты та еще зараза. И язва.

– Чем и горжусь! – не растерялась я.

А Брас неожиданно повернул торчавшую из окна голову в сторону Дэна и произнес всего два слова:

– Сочувствую, приятель!

И по этому одному «приятель» стало понятно: Дэн успел за эти несколько часов если не сдружиться с парнями, то наладить отношения. И сдается, сейчас Стилл знал моих сокурсников лучше, чем я. Вот жук! Неужели и поединок затеял для этого?..

– Ники, знаешь, я ценю то, что ты решила меня навестить, правда, – произнес страж, – но, если хочешь поговорить, лучше давай я тебе позвоню?

Я недоумевающе посмотрела на стража.

– Зачем?

– Затем, что наш разговор сейчас с интересом слушает весь лазарет.

Я повернула голову направо, потом налево и убедилась, что почти изо всех окон второго и части первого этажа торчат головы. И еще развешенные уши. И все болезные адепты и адепки, которые ходячие, с интересом наблюдают за бесплатным представлением. А вполне возможно, что и пересказывают лежачим подробности, щедро все приукрашая.

Зато порадовало то, что разделение в целительской все же было: второй этаж оказался мужским, судя по головам, а первый – исключительно женским.

– По магофону тебе было бы врать легче, – нашла я объяснение своей промашке. – А так смотрю на тебя и думаю, что ты вполне здоров...

– Только обезмагичен, – возразил Дэн. – На время лечения дар блокируют, чтобы он не мешал действию целительских чар.

– Лучше скажи, чтобы вы не надавали друг другу магических тумачков, – поддела я.

– И это тоже, – нехотя согласился Дэн и продемонстрировал мне сдерживающий силу браслет.

– Ладно, бессильный, пошла я тогда от тебя, – хмыкнула я и, развернувшись, действительно дала деру – пардон – гордо удалилась в противоположенную от дворника сторону. А то больно уж прытко этот бородатый тип в фартуке и с метелкой устремился ко мне. Не иначе как блюсти нравственность и порядок, выметая из-под окон целительской всяких сомнительных девиц.

– Я тебе позвоню вечером! – донеслось вслед.

Я на это лишь улыбнулась. Впрочем, не поворачиваясь к стражу.

Хорошее настроение было у меня и на ужине, где я обрадовала Дрона, что он будет танцевать.

Приятель буркнул в духе, что моя знакомая могла предложить что-то и получше, тогда я добавила, что Силь предложила не просто танец, а на стуле. При этих словах приятель отчего-то закашлялся, но потом призадумался и, как ни странно, согласился, что да, такой вариант не пройдет цензуру точно. Ни по эстетическим, ни по этическим соображениям. Так что ладно, попозорюсь по совету твоего специалиста...

А затем мы пошли кидать записки в урну. Вот только в толпе выходящих из столовой кто-то ощутимо пихнул меня в плечо. Снова! А я машинально ухватилась за Дрона, тот, запнувшись за порог, потерял равновесие и...

Как итог – сокурсник упал. А я на него. Дрон выставил руку вбок, пытаясь подняться, и именно в этот момент кто-то, шедший сзади, наступил на ладонь адепта.

– Куда прешь! – рявкнул приятель.

– Смотри, где валяешься! – тут же нашелся тот, кто оттоптал Дрону руку.

– Это я его толкнула, – вклинилась в начавший назревать скандал. – Нечаянно.

Нас смерили взглядом, и парень неожиданно протянул руку мне, а потом помог и Дрону встать со словами:

– И я нечаянно наступил, извини.

– Да ладно, – прошипел сквозь стиснутые зубы приятель.

– Пальцы целы? – между тем спросил адепт.

При этом мы стояли в проходе, закупорив движение как в столовую, так и из нее.

– Еще не определился, – морщась явно от боли, ответил Дрон. – Давайте отойдем, мешаем же...

Отошли мы до лазарета. Дежурная дама целитель, увидев меня, сложила руки на груди и отчеканила.

– Я вижу, в вашем лице у лечебницы появился постоянный поставщик травмированных адептов...

А все оттого, что я имела до этого неосторожность у нее спросить, как там Стилл. И на ее вопрос, с какой целью я этим интересуюсь, ответила, что он пострадал из-за меня. И двое первокурсников с ним – тоже. Один, покусанный, так точно. И теперь вот Дрон.

Мне на это осталось лишь скромно потупиться.

Приятелю же руку перебинтовали и посоветовали эту ночь провести в лечебнице, чтобы к утру кости срослись. Услышав приговор, Дрон опечалился. А потом попросил:

– Ники, ты не могла бы тогда за меня опустить записку в урну.

Я заверила, что без проблем. И, не откладывая дела в долгий ящик, направилась к злополучной магической посудине.

Вырвала два листочка. На одном размашисто написала «песня», на втором – «танец на стуле». И тут в сумке завибрировал магофон. Дэн сдержал обещание и позвонил. Говорил он тихо, явно куда-то отойдя, чтобы его не услышали.

– Ни один из твоих «компасных» не сын канцлера, – с ходу огорошил меня страж.

– Почему? – задала я закономерный вопрос.

– Потому что эта парочка очень слаженно дралась. Ты не заметила.

Я недовольно поморщилась: значит, мне не показалось. И машинально сложила оба листочка, что лежали передо мной на подоконнике, пополам.

– Может... – начала было, чтобы возразить исключительно из упрямого характера.

– Не может. К тому же у одного, как я успел заметить, на груди, которую перевязывали бинтами при мне, татуировка. Затертая, измененная, но я все равно узнал метку хранителя тайн.

Твою ж... только агентов секретной канцелярии тут не хватало. Хотя закономерно: где сын канцлера под личиной с телохранителем и ликвидатором, отчего бы и не быть спецагентам... Вот ведь! Не группа адептов-первокурсников, а прям рассадник магов под личинами какой-то!

– А если один, то... – начала я.

– И второй тоже! – подхватил Дэн.

Значит, остался один кандидат... Рыжий. Но простым методом исключения действовать нельзя. Вдруг и тут я промахнулась. Страж ничего такого не сказал, тактично переведя разговор на другую тему – обмена магией. Мы договорились, что попробуем завтра. Все же полнолуние скоро, а ритуал сам себя не проведет.

А потом разговор перетек на какую-то чепуху. Попрощалась я с Дэном, когда на часах было почти десять. А это значило, что скоро двери общежития закроются. Я встрепенулась, заторопилась и, наскоро подписав сложенные листочки, кинула их в урну, еще не подозревая, что эта невнимательность грозит мне живым стулом, который попытается меня угробить.

Пока же я, не ведая еще о грядущих превратностях судьбы, мчалась на всех парах к общежитию. Успела в последний момент. И, взлетев по лестнице и войдя в комнату, рухнула на кровать. Могу сказать, что при этом поза звезды мне особенно удалась.

– День был такой плодотворный? – иронично поинтересовалась Лори, искоса глянув на меня.

– Не то слово! – не стала отпираться. – Я столько проблем наплодила, что не знаю, как урожай теперь собрать.

– Это ты, что ли, дуэль в столовой устроила? – оживилась рыжая и даже чуть пристала с кровати, опершись на локоть.

– Частично. Можно сказать, почти эпизодом.

– И тебя за нарушение правил даже на сутки в комнате не закрыли? – удивилась алхимик.

– Мне впаяли оранжерейное рабство, – простонала я, припомнив, сколько дней обработки у Штопса уже скопилось.

– Ну оранжерея – это ерунда, – оптимистично заключила некромантка, махнула рукой и, меняя тему разговора, спросила: – Мы спать-то сегодня будем или мир попугаем?

– Чем? – на всякий случай уточнила я.

– Красотой своей неземной зомбиподобной поутру, – уточнила рыжая, имея в виду недосып.

– Ладно, договорились: вы завтра будете прекрасными, а я – собой, – подвела я итоги, кому спать, а кому бдеть.

– Что, над учебниками дрыхнуть собралась? – правильно поняла меня Лори.

– Да, задали выучить...

– А... ну тогда удачи, – пожелала Дара и то ли с сочувствием, то с надеждой посмотрела на меня.

Я посчитала, что это все же было сочувствие. Потому как, когда на вас с надеждой смотрит некромант, это слегка нервирует. Сразу ощущаешь себя перспективным умертвием, не иначе.

Соседки легли, притушив свет, а я, отдохнув пару минут, поднялась с кряхтением и засела за конспекты. Потому как ученье – свет, а неученье – это «свободная касса» и «часики-то тикают, кому ты скоро нужна-то будешь?». А хороший специалист – он как вино: с годами его привлекательность для работодателя только растет. Опять же я смогу выбирать работу, а не она меня. И гонорар тоже выбирать, а не выбивать: я припомнила, как в то лето вытрясала свою законную зарплату за месяц работы официанткой в одной из забегаловок в родном городке.

Так что во имя светлого будущего, диплома и пентаграммы – учим! Разделалась я с заданиями, когда за окном забрезжил рассвет. А потом... только упала на постель, даже, по ощущениям, до подушки не долетела, как нужно было уже вставать. Причем не только мне, но и Даре с Лори.

Потому что наступило утро. Нет, не так. Нас тупило утро. Конкретно так тупило. И коротило. И клинило. Потому что некромантка отсыпалась за двое суток сразу, а кудряшка – про запас. Как итог – мы все втроем были злые, как ведьмы, и столь же впечатляюще прекрасные. Так что разницы между соседками, спавшими почти восемь часов, и мной, дремавшей всего ничего, не было.

– Ну, колись, каким творческим номером ты поразишь комиссию? – зевая, спросила Дара,

– А что? – насторожилась я.

– Как что? – делано удивилась некромантка. – Мы, может, хотим прийти поржа... тебя поддержать. Нужно же нам знать, к чему готовиться.

– Захватите валерьянку. И вату для ушей, – серьезно посоветовала я. А затем, увидев изумленные лица соседок, пояснила: – В последний раз, когда я исполняла эту песню, химеру, как недавно выяснилось, долго водили к психологу.

– Не переживай, у нас нервы крепче, чем у какой-то там химеры, – отмахнулась Лори, но на свою полочку со снадобьями все же кинула задумчивый взгляд.

Я же, решив, что сделала все что могла – честно предупредила о последствиях, – начала собираться. Потому как еще немного – и мой день начнется не с кофе, а с опоздания. Покидав в сумку конспекты, я поспешила в столовую, а оттуда и на занятия.

В аудитории меня ждал Дрон. Приятель выглядел до отвращения выспавшимся и отдохнувшим. Настолько, что даже хотелось его за это стукнуть.

– Вижу, ты в лечебнице славно поспал...

– А вот и нет. Мы до утра знакомились, – огорошил меня Дрон. – С Тибом, Брасом, твоим Дэном и остальными.

– Всю ночь? – удивилась я и невольно взглянула на то место, где сидели брюнеты, с которыми у меня накануне и случилась дуэль. Парни сжегивали зевки в кулаки.

Брас, увидев, что я смотрю в его сторону, широко приветливо улыбнулся и показал большой палец. Как будто и не хотел меня вчера придушить.

А мне оставалось лишь сожалеть, что и он, и Тибальд выбыли из кандидатов в наследники герцога. А ведь такие перспективные оба были, но нет же... агенты безопасности, чтоб их!

– А что еще делать, если заживляющее заклинание зудит так, что спать не дает? – отозвался Дрон, тем заставив меня вновь повернуться к нему.

– Тогда почему ты не зеваешь? – Я пытливо прищурилась.

– А это великое мое умение, – с гордостью пояснил приятель, – оттачиваемое годами. Кстати, не раз пригождалось.

Я лишь вздохнула, искренне позавидовав такому навыку. Мне бы тоже такой не помешал. На миг на краю сознания промелькнула

мысль, но я не успела за нее зацепиться: хлопнула входная дверь, и в аудиторию вошел преподаватель, читавший у нас лекции по теории магических потоков.

Уже немолодой, настолько, что борода его едва не касалась пола, крепко сбитый магистр диктовал так быстро, что к концу занятия у меня онемела рука. А на следующем занятии к ней прибавилась еще и голова. Она тоже онемела от мыслей. И я ей могла разве что есть. А все потому, что второй парой в расписании были алгоритмические основы высшей магии.

Записывая нелинейные уравнения, высунув язык от усердия, рядом со мной пыхтел Дрон. И по окончании лекции приятель выглядел уже не таким бодрым, как утром. Что ж, похоже, там, где оказалась бессильна бессонная ночь, легко справились вычисления векторов силы.

Звонку мы обрадовались, как ниспосланному небом чуду. Но вместе со звонкой трелью в аудиторию влетел куратор. Он спешил напомнить об отработках брюнетам и мне, а также о том, что сегодня после обеденного перерыва ждет всех в актовом зале. На прослушивание.

– Ник, ты ведь закинула записку? – обеспокоенно уточнил приятель.

– Не переживай, все сделала в лучшем виде, – заверила я.

А спустя час приятель, читая список номеров и фамилии первокурсников, узнал, что значит это «в лучшем виде» в исполнении Николь Роук.

Глава 18

А дело в том, что я в спешке перепутала сложенные вдвое листочки. И теперь это мне предстояло танцевать на стуле, а приятелю – петь.

– Скажи мне, что у тебя отвратительный голос, – с надеждой произнесла я, не отрывая взгляда от списка.

Но приятель вынужден был меня расстроить:

– Нет.

И хотя Дрон ни словом не попрекнул меня, но я все равно чувствовала себя перед ним виноватой. Эх...

– Совсем нет? – с намеком «а если проверить?» спросила я.

– Абсолютно.

– Тогда будем портить.

– Вокал? – недоверчиво уточнил Дрон.

– Нет. Всего тебя.

Приятель насторожился и на всякий случай сделал шаг в сторону от меня. Я же, уже оторвавшая взгляд от списка, как раз повернула голову и заметила эту попытку дезертирства. И, успокаивая парня, пояснила:

– Ничто так не портит девушку, как неправильно подобранный наряд, а голос – неверно выбранная песня.

– Ты-то откуда знаешь? – сомнение в голосе Дрона было столь концентрированным, плотным, что его (сомнение, конечно, а не самого приятеля) можно было резать ножом.

– Поверь, я-то знаю: у меня отвратительный голос, – и второй раз за сегодняшний день, можно сказать, почти на бис рассказала о психологе для химеры.

До начала безобразия, носившего кодовое название «прослушивание талантов», мы с Дроном были заняты тем, что портили. Причем не только его голос, как по мне, так отвратительно-визгливой оперной арией. Хотя приятель заверял, что ни капельки она не противная, а просто рассчитана на сопрано верхних октав. А у Дрона, видите ли, баритон. У меня со слухом были проблемы, поэтому я не разбиралась ни в сопрано, ни в баритонах. А об оперных ариях

знала не больше, чем о квантово-волновом дуализме. В том плане, что он есть. А больше мне о нем ничего не ведомо. А вот Дрон, как видно, разбирался. И причем неплохо. Да и голос у него был приятный, раскатистый и бархатный. И чтобы последний звучал как можно хуже, я усердно кормила друга жирной со шкварками картошечкой, которые тот обмакивал в ядреную горчицу. А запивал он эту пакость сахарной водой, щедро сдобренной лимонным соком.

Добыть провиант нам помогли знания Дрона, доставшиеся ему от старшего брата. Адепт сумел договориться с одним из коц-гоблинов, работавших на кухне: за подзарядку своей магией его артефактов нам были дарованы вкусные, а главное, раздражающие голосовые связки продукты.

К началу прослушивания мы даже добились некоторых успехов: от голоса приятеля у меня внутри начали заворачиваться кишки. Или это от голода? Решив, что с Дрона не убудет, я цапнула жареной картошечки из его полупустой тарелки.

И надо было ровно в этот момент артефактору-громкоговорителю объявить начало смотра талантов. Чуть не подавилась же!

Пытаясь сделать сразу пару дел одновременно: дожевать выменянную у коц-гоблина еду и припустить в сторону актового зала, – мы с Дроном помчались по коридорам академии. Подозреваю, в этот момент мы были похожи на двух картофельных упырей, у которых вместо клыков изо рта торчат жареные картофельные ломтики. Выпученные глаза с маниакальным блеском шли в комплекте.

Мы влетели в переполненный зал, когда со сцены озвучивали первую десятку фамилий участников. Я огляделась, пытаюсь найти свободное место, и... Не было ни одного! Зато на задних рядах с комфортом расположись явно не первокурсники. Увидела даже рыжую макушку Дары и кучерявую – Лори. Они, как и сказали, пришли меня поддержать, а заодно если не обессмертятся, то как минимум основательно себе продлить жизнь за счет смеха.

Сделав в памяти заметку, что мне нужно будет тоже как-нибудь их так же поддержать, я приготовилась ждать своей очереди. По поводу танца волновалась я не сильно. Потому как с соблазнительными телодвижениями у меня было чуть лучше, чем с вокалом.

Но только кое-что мешало. Зудело комариным писком на краю сознания. Будто кто-то пристально смотрел мне в спину, как прицеливался, чтобы швырнуть пульсар. Несколько раз резко оборачивалась даже, но... зал, толпа... Демоны разберешь. А может, это были просто нервы. Ведь выступать – это всегда волнение. А позориться – еще большее. Даже если конфуз этот запланированный.

Когда назвали мое имя и я пошла на сцену, то услышала напутствие Дрона, которое было следующим:

– Удачи.

Краем глаза успела заметить с заднего ряда два больших пальца, поднятых вверх – от Дары и Лори. Чей-то одобрителный свист и выкрик:

– Эй, малышка, покажи нам горяченько... – договорить крикун не успел, и мне показалось, что где-то мелькнула светлая макушка Дэна.... Наверняка показалось.

А затем я вышла на сцену и меня ослепил свет огней-артефактов. Я могла лишь слышать голос председателя комиссии по отбору талантов.

– Госпожа Роук, – начал приятный женский сопрано, – вы заявили весьма провокационный номер – соблазнительный танец на стуле. И хотя наша академия придерживается строгих моральных правил, мы сочли, что не вправе отклонять вашу заявку, если исполнение будет в рамках приличий. Если же нет, мы остановим ваше выступление, а за неподобающее поведение вас будет ждать штраф.

Я кивнула, подумав, что могли бы сказать и покороче: адептка, давайте без разврата! А затем зазвучала медленная музыка, которую заиграли зависшие на краю сцены в воздухе инструменты. Я посмотрела на одиноко стоявший под магопрожектором стул, не очень представляя, как станцевать так, чтобы это было и в рамках заявленного жанра, и прилично. Секунда. Вторая. Третья... А потом: была не была. Я присела. Встала. Вытянула перед собой руки и еще раз присела. Медленно, но в точности выполняя упражнения, тренера Бруквора. Потому как, если сочтут действия развратными, скажу, что они одобрены преподавателем. И даже больше: он меня им научил. И весь наш курс тоже научил!

В зале начали раздаваться смешки, плавно переходящие в ржание. Видимо, соблазнительный танец зрители представляли себе слегка

иным. Ну и пусть. Зато этот приватный танец был по ГОСТУ – главному общему студенческому уставу. Я уже было хотела перейти к отжиманиям, как вспомнила: нужно же еще стул как-то обыграть. У меня же номер вроде как бы с ним.

Я плавно подошла к мебелике и, взявшись за спинку, развернула ее, а затем резко опустилась на сиденье, оседлав эту пакость задом наперед.

Медленную, прочувственную музыку, которая до этого момента лилась по залу, разрезало лошадиное ржание.

Стул подо мной бессовестным образом ожил и попытался встать на дыбы. Я рефлексивно ухватилась за спинку, что была на уровне моей груди, и... зачарованные инструменты в этот момент, видимо, решили, что начинается вторая часть «балета», и заиграли разудалую плясовую. А я скакала по сцене, гарцуя на одержимом стуле и пытаюсь удержаться. Не знаю, насколько при этом грациозно взмахивала руками и ногами, но частичный стриптиз все же исполнила: с меня слетел ботинок и на бреющем полете унесся в далекие дали зрительного зала, завершив свою эпохальную миграцию в темные края сидений смачным:

– ...ять! Второй раз она мне в этот же глаз!!!

Только вот отвлекаться на случайных пострадавших мне было недосуг. Я пыталась не свернуть себе шею на этой демоновой мебелике, которая пыталась меня скинуть. Я из чистого упрямства решила ее укротить, объездить, или что там еще положено делать с дикими табуретками? И все это под «и-го-го», доносившееся у меня откуда-то из-под сиденья.

Стул нарезал по сцене круги, я исполняла весьма замысловатые акробатические этюды, то свесившись и подметая волосами пол, то подлетая так, что ягодички оказывались выше головы, а я сама едва ли не демонтировала стойку на руках и при этом задорно клацала зубами, пытаюсь выкрикнуть «помогите». Но музыка была громче и однозначно четче.

А затем стул встал свечкой на две передние ножки. Как я на нем удержалась – отдельное чудо. Но на этом маневре я лишилась второго ботинка. Причем тот покинул мою ногу вместе с носком. И теперь можно было сказать, что на сцене присутствовала даже моя

эпизодическая нагота. Так что теперь это выступление можно было формально считать стриптизом.

От избытка чувств (новую обувь теперь покупай! А у меня и так денег в обрез!) я пятками саданула по передним ножкам мебели, словно прищипывая, и... стулоконь подо мной замер как вкопанный. И тут же оборвалась музыка. Номер закончился, а я начала осознавать, что все же осталась жива.

И снова царапнуло ощущение злого взгляда из зала. Но кто это был – не смогла разглядеть из-за бивших в лицо софитов. А что увидела – это Дару, которая бежала ко мне через весь зал.

– Что ж... весьма впечатляющее и эмоциональное выступление, хотя это не танец на стуле, а скорее акробатика... – заметила председатель.

– Зато без пошлости, – вклинился еще один голос, на этот раз мужской, с хрипотцой. – И весьма зажигательно.

От этого «зажигательно» у меня внутри все упало. Как? Я не провалилась? Теплилась надежда, что это слова утешения и сейчас мне скажут что-то в духе: адептка Роук, вы, конечно, молодец, и все было хорошо, но вы нам не подходите... Я так на это надеялась.

– Мы вас берем! – решительно произнесла председатель. – Только над выбросом обуви поработайте еще немного. Я, конечно, уклонилась, а вот сидевший за мной адепт – нет. – И, не меняя тона, объявила: – Дронвель Морфир. Вокальный номер.

Я была так растеряна, что побрела со сцены. Но не успела сойти, как мне почти в лоб влетела Дара и, прокричав для зрителей:

– Мы тут немножко забыли... – цапнула стул. Тот попробовал слабо взбрыкнуть, но некромантское «цыц» было куда более впечатляющим, чем все мои «тпру-у-у», вместе взятые.

– Это была твоя инициатива? – без обиняков спросила рыжая, кивнув на присмиривший стул.

– Нет. – Я ошарашенно помотала головой, все еще пытаюсь осознать, что это было.

– Вот! Я была права! – победно заключила некромантка.

В этот момент рядом уже оказалась и Лори, и рыжая обратилась уже к ней:

– Ты мне желание проспорила. Я же говорила, что это подстава и наша мелкая должна была горланить со сцены, а не скакать по ней. А

ты: да нет, это она нам утром наплела...

– Ну извини, – недовольно фыркнула Лори, потрянув своими кучеряшками. – Ник выглядела так органично на этом стуле, что я решила...

– Решила, что у нее хватит сил и знаний зачаровать кость ночного жеребца? Между прочим, это не всем выпускникам факультета некромантии под силу, – с этими словами Дара, до этого бдительно прощупывавшая сидущку, ловко рассекла заострившимся до состояния ножа ногтем обшивку стула и достала оттуда небольшую косточку. – Вот, я же говорила!

И в этот момент к сцене подбежал Дрон. Я успела увидеть лицо приятеля. Оно было бледным, и в глазах парня застыл немой вопрос ко мне: «Ты как?»

– Нормально. Все потом. Пой так отвратительно, как можешь, – протараторила я сомнительное напутствие.

Время разобраться еще будет. Дрон понял это и, коротко кивнув, вышел под свет софитов.

Соседки же с интересом посмотрели на меня.

А затем Лори задала вопрос... Вернее, хотела задать, но Дрон, начавший исполнять арию, громко, старательно, но даже для меня, у которой отсутствует слух, фальшиво, перебил ее.

– Ком... – начала Лори.

– О, горе мне-е-е! – протяжно взвыл приятель.

– ...у... ты усп... – попыталась продолжить кучеряшка.

– В чужой стране-е-е, – старательно измывался Дрон над ушами собравшихся. И зачем только на него столько картошки, лимонной воды с сахаром, горчицы и своих нервов перевела? Приятель и так бы отлично справился с тем, чтобы налажать.

– ...ела насолить?

– Я ничего...

– Скитаюсь я-я-я, – меж тем разливался спившейся вороной Дрон.

– ...не ела, – отозвалась Лори, подумав, при чем тут перекус.

Но кучеряшка, уличив момент, когда Дрон набирал в грудь воздуха для нового захода, протараторила:

– Кому ты успела насолить?

Мне хотелось ответить, что уже многим, но я не могла: спасибо приятелю.

Дара поступила проще: взяла меня и Лори за руки и потащила к выходу. Распотрошённый стул остался стоять у выхода на сцену.

Когда мы вышли из зала, то тишина коридора показалась оглушающей. И только спустя несколько секунд уши начали различать звуки. И первыми из них были те, что сложились в вопрос Лори, который она задала уже в третий раз:

– Так кому ты перешла дорогу?

– Почему именно перешла? – удивилась я.

Меня, конечно, тоже удивил необъезженный стул, но вдруг это какая-то ошибка. Но соседки дали понять: нет. Судя по всему, кто-то, точивший на меня зуб (или нож!), узнал о моем номере и подготовил реквизит с сюрпризом. А поскольку я смотрелась, по словам соседок, весьма органично в образе гарцующей наездницы, то никто и не понял, что это не постановка. Догадались лишь соседки, которые знали, что я должна была петь. Потому и среагировали раньше Дрона: у них был гораздо больший опыт как в плане организации подстав, так и их обнаружения. И Лори, и Даре за годы учебы в академии досталось «приятных сюрпризов» и «доброжелателей».

– Потому что по доброте душевной зачарованные кости необъезженных коней в стулья не подкладывают, – авторитетно заявила Дара. – Это могут сделать исключительно верные враги, не жалея на неприятности для тебя ни сил, ни времени, ни ногтей.

– А ногти-то тут при чем? – Из всей речи некромантки они отчего-то произвели на меня наибольшее впечатление.

– Ты когда-нибудь кости от трупной плоти отдирала руками?

Я замотала головой: такого в моей биографии еще, хвала небесам, не было. А вот у Дары было, и не раз. Поэтому она могла утверждать со знанием дела: кому-то я сильно насолила.

– Тот, кто это сделал, рассчитывал, что как минимум ты сломаешь себе кости. В перспективе самые важные – шейные позвонки. И будет все выглядеть, словно ты сама не рассчитала своих сил. Хотела номер поэффектнее, вот и...

– А кость в стуле? – Я кивнула на улику, которую некромантка держала в руке.

– А что стул? Его и подменить недолго на такой же, но без сюрприза. Только на него остаточный след твоей магии навесить, и

все, – будет через пару часов выглядеть так, словно ты сама его и зачаровала...

Я слушала Дару и понимала, что она не только талантливая некромантка, но и отличный сыщик или преступный гений. Впрочем, последние два качества – это две крайности одной сущности...

– Так что... – Рыжая подкинула свой костяной трофей. – Ты можешь поспорить с Лори в плане врагов. – Она кивнула на кучеряшку. – У нашего алхимика их было больше, но у тебя, смотрю, лучше организованы.

Я вспомнила статую горгульи, которой меня не прихлопнуло по чистой случайности, тычок внутрь дуэльного круга... Теперь вот дикий стул. В одном Дара была права: кому-то я явно мешала. И единственный кандидат на должность моего врага – это ликвидатор, затесавшийся среди сокурсников. Ведь я в группе на первом занятии имела неосторожность пошутить, что являюсь наследницей канцлера. Похоже, убийца был напрочь лишен чувства юмора и воспринял слова всерьез? Вариант, конечно, был так себе, с натяжкой, но... Других-то не было!

Я задумалась.

Дара и Лори посверлили меня взглядами, но так и не дождались от меня ответа. Я лишь поблагодарила соседок за помощь и попросила косточку у некромантки. «На память, буду коллекцию трофеев собирать», – пошутила я и даже слегка пожалела, что от разбившейся горгульи камушек не прихватила.

Эти мысли прервала открывшаяся дверь. Из зала вышел Дэн и заозирался по сторонам, оставив створку распахнутой. Увидев нас, стоявших чуть в стороне, под прикрытием колонны, он направился сюда.

– Ники, что это было? – без обиняков спросил страж, словно ревнивый супруг, требующий ответа, почему его благоверная устроила развратные танцы на столе во время вечеринки.

– Покушение, – невинно отозвалась Дара, сверкнув белозубой улыбкой.

Странно, но пыл Дэна тут же остыл. Словно он налетел на стену. И уже другим тоном маг добавил:

– На, держи, ты потеряла во время танца. – И протянул мне ботинки.

Значит, ясно, почему Дэн не вышел сразу следом за нами – собирал предметы моего невольного стриптиза по залу. Не знаю отчего, но захотелось улыбнуться.

– Спасибо, – поблагодарила я и тут же надела обувь: пол-то был каменный и холодный.

– Вообще-то, это не танец, а песня, – саркастично поправила Дара и язвительно добавила: – Ты разве не заметил?

– Нет, – мрачно отозвался Дэн и, обращаясь исключительно ко мне, спросил: – О чем это она?

Пришлось пояснить, что изначально я вообще-то должна была выступить со своим вокалом, который поразил бы всех. А самых слабонервных – еще и контузил. Но я вчера вечером перепутала листочки, и... кто-то этим воспользовался.

Тут, словно в подтверждение моих слов, из незапертой двери зала раздался... вой. Даже я инстинктивно поморщилась. Какая-то девица, сменившая на сцене Дрона, терзала наши уши, магофон, горланя от души. И было в этом пении что-то такое знакомое... гундосое. Вот!

– Милый мой, боль моя, – неслось из двери. – Я горю. Я вся твоя. Эта любовь нас связала. Твоих лишь взглядов для меня мало...

Под эти душераздирающие звуки из зала как пробка из бутылки вылетел Дрон. У приятеля был такой вид, словно он что-то украл и его при грабеже заметили и пустились в погоню.

Дрон лихорадочно огляделся, увидел нашу компанию, захлопнул дверь в зал, отчего душераздирающие вопли стали на порядок тише, и двинулся к колонне.

– Что это? – решила спросить я, впрочем догадываясь, каким будет ответ.

– Признание в любви. Тебе. – И приятель он посмотрел на Дэна. А следом за Дроном – и мы все.

Стражу пришлось оправдываться:

– Я тут ни при чем! И почему это именно мне? – перешел Дэн в наступление.

– Ну эта девица так и заявила, что посвящается Дэниэлу Стиллу.

– Она же не первокурсница, – удивилась я, и заинтересованные взгляды всей нашей компании скрестились уже на мне.

– А ты откуда знаешь? – вкрадчиво уточнила пострадавшая сторона, в смысле Дэн.

– Мы с ней встретились, и... в общем, гундос... в смысле эта адептка решила, что у нас с тобой что-то есть. Ну я и заверила ее, что ничегошеньки нет. И вообще, тебе понравилась моя подруга Силь – певица из элитного ночного клуба. Особенно тебя впечатлил ее голос... – честно, как на духу, выложила я Дэну, глядя, как при моих словах лицо мага становится мрачно-штормовым. Но я мужественно, преодолевая страх, закончила. – Вот я и посоветовала ей поразить тебя вокалом...

– Она и поразила, – хмуро заверил Дэн. – В самые барабанные перепонки.

Дара на это хмыкнула и перевела разговор в иное русло (за что ей моя отдельная благодарность – больше я не буду ей пакостить по мелочам. Неделю – так точно. Только Лори). Некромантка пояснила, что принять участие в смотре талантов могут и другие курсы, было бы желание. Последнего, понятное дело, у адептов особо не наблюдалось: позориться еще раз, вспоминая первый курс, – то еще удовольствие. А настоящие таланты и так всей академии известны, и без просмотров.

– Я не могу больше это слушать, – пожаловался Дрон, морщась от вокала гундосенькой.

Мы были с приятелем солидарны и поспешили убраться от актового зала подальше. Например, в парк рядом с главным корпусом академии. Пока шли, Дрон неувлимым образом просочился меж мной и Дэном и оказался рядом с Лори. А спустя совсем немного времени меж алхимиком и моим приятелем завязалась оживленная беседа. На этот раз они вдохновенно говорили об одной из войн древности (я знала о ней только то, что такая была, на уроках мы ее вовсе не проходили), обсуждая глупость и гений полководцев, что вели решающее сражение. Я мельком глянула на эту парочку и поняла: Дрон был бы готов говорить с Лори о чем угодно, лишь бы говорить. Но что меня удивило, так это то, что парень легко поддерживал беседу с Лори на любую тему. А это могло значить лишь одно: кучеряшка ему однозначно понравилась.

Заметила это и Дара. Хитро подмигнув мне, некрмантка вдруг «вспомнила», что у нее умертвия в лаборатории недоупокоены, кости скелетам не пересчитаны и вообще столько дел, столько дел... Смылась, одним словом. Мы с Дэном тоже поотстали от оживленно беседовавшей парочки. Лори впервые на моей памяти раскраснелась,

доказывая кому-то, что тот не прав. Что-то подсказывало: аргументы у кудрявой скоро закончатся и она применит главное из доказательств – как следует треснет оппонента. А Дрон, кажется, был бы не против такого исхода.

Я оказалась права: спустя какое-то время алхимик попыталась огреть приятеля своей сумкой, он уклонился и сцапал девушку. Та залиvisto засмеялась и...

– Кажется, мы тут лишние, – тихо прошептал мне на ухо Дэн. И от его дыхания я почувствовала, как по шее пробежали мурашки, а сердце пропустило удар.

– Кажется, ты прав, – сглотнув оттого, что в горле неожиданно стало сухо, произнесла я.

Стоило только это сказать, и меня буквально утянули в кусты. Вот вроде только что я стояла на дорожке – и уже нет. Вокруг только ветви, листья и... Дэн, прижавший меня к себе.

Глава 19

– Так, значит, ты считаешь, что между нами ничего нет? – вкрадчиво поинтересовался страж, припомнив мне мои же слова, когда я рассказывала о встрече с гундосенькой.

– Ну, кроме магии, тайны, кучи проблем, дуэли... – перечислила я и твердо произнесла: – Нет.

– Ты кое про что забыла, – произнес Дэн, чуть наклонив голову, так что мне пришлось запрокинуть свою, чтобы видеть взгляд мага.

– Что? – не поняла я.

– Вот это...

Радужка глаз стража стала почти черной. В этой мгле плясал яростный, неутолимый огонь, в котором я начала тонуть. Он манил меня, затягивал, ласкал языками пламени. Или это губы Дэна ласкали мои?

– Ники, – мое имя, которое маг простонал. В этих звуках сплелись и отчаяние, и мольба, и страсть. Показалось, что земля качнулась подо мной. Или это просто ноги престали меня держать и я потеряла равновесие. Чтобы не упасть, схватилась за единственную опору, которая была сейчас для меня во всем мире, – за плечи Дэна. Страж еще сильнее склонился. Его рука коснулась моих волос, собрав их у основания затылка и чуть потянув, отчего я еще сильнее откинула голову, еще теснее прижалась к сильному мужскому телу, еще крепче вцепилась в сильные плечи и еще глубже погрузилась в сумасшествие нашего поцелуя.

Мимо нас, скрытых ветвями куста, по дорожке прошла, громко что-то обсуждая, группа адептов. Их голоса донеслись до края моего сознания. Но этого хватило, чтобы сквозь хмель поцелуя я услышала голос разума. А он вопил, что то, что происходит между мной и Дэном сейчас, – неправильно и повлечет за собой последствия. Кучу неприятных последствий...

Я уперла руки в мужскую грудь и, собрав всю твердость и решимость, которые у меня остались, произнесла:

– Ты... Я... Это все одна большая ошибка.

Услышав свой собственный голос, резюмировала: можно было бы и потверже.

– Ники, я приложу все свои силы, чтобы таких ошибок у нас было как можно больше.

– Зачем? – вырвалось у меня невольное.

– Затем, что ты мне нравишься. – Горячее дыхание Дэна поцеловало мои губы.

– Нравлюсь? – Казалось, в этот миг все происходит не со мной. Не здесь. Не в этой реальности так точно.

– Больше, чем нравишься, – он произнес это совершенно серьезно. – А я тебе?

Это был один из тех вопросов, на который я честно отвечать не хотела, а лгать не могла.

Пауза затянулась и Дэн, глядя мне в глаза, спросил еще раз:

– Что ты ко мне чувствуешь, Николь Роук?

Кажется, кто-то привык добиваться своего: и поставленных целей, и ответов.

– А что, если в чувствах, которые я к тебе испытываю, виновата лишь магия? И меня тянет не к тебе, а к моему дару, что внутри тебя? – задала я, наверное, главный для меня вопрос.

Но Дэн в нем услышал нужный ему ответ.

– Значит, все же тянет?

– Немного, – ответила из упрямства. Хотя на самом деле было много. Слишком много для просто дружбы. И за пределами для обычного приятельства.

– А если так...

«Дэниэл Стилл из тех, кто никогда не сдается», – подумала я перед тем, как мое тело прошила молния удовольствия – это губы стажа вновь коснулись моих. В животе словно заворочались огненные змеи. Неторопливо и неотвратно.

Врут все те, кто утверждает, что от поцелуев внутри тебя просыпаются бабочки и начинают порхать. У меня там были как минимум пламенеющие саламандры.

Я сделала несколько шагов назад. Зашуршали листья под подошвами ботинок, ветка царапнула по руке, а затем я ощутила спиной неровную кору дерева.

Рука Дэна скользнула по моей талии, забралась под учебную куртку. Кожей я ощутила чуть шершавые, мозолистые мужские ладони. Они касались нежно, ласково, заставляя меня трепетать, отвечать, и я сама не заметила, как начала в нетерпении дергать рубашку стража вверх.

Я хотела и страшилась этого одновременно. Меня тянуло к Дэну как магнитом, словно проклятием. И я боялась того, что это все напускное, просто магия, алхимия моего дара, его силы, которые перемешались, поменялись местами в нашу первую встречу. А даже если нет... Кто он – аристократ, и кто я – провинциалка, чудом поступившая в академию высшей магии. И нужно было бы остановиться, но... Я не могла. Не хотела.

Мужское колено вклинилось между моих ног. Я прижалась затылком к стволу, позволяя целовать Дэну мою шею. Губы Дэна касались моей кожи, его руки ласкали меня, взгляд стража, в котором плескалось дикое пламя, заставлял меня забыть обо всем. Я могла коротко тяжело дышать, в мыслях моля об одном: только бы он не останавливался.

Тело била крупная дрожь предвкушения, распухшие губы горели от поцелуев – такой я предстала перед Дэном, когда он оторвался от меня на миг.

– Я постоянно думаю о тебе. Я... – Он судорожно вздохнул, а я решила было, что он скажет...

– Хочу тебя.

Это было не совсем то, что хочет услышать девушка, зато предельно честно. И я тоже, если уж не лукавить себе, хотела его. Но одного «хочу» для меня было мало.

Сильные, твердые, немного шершавые теплые мужские руки нырнули под оказавшуюся уже выправленной рубашку. Пальцы стража дотронулись до обнаженной кожи на моем животе. Ладонь начала подниматься выше. Прикосновения Дэна плавил мои тело и разум, рождая в груди стоны, и... я почувствовала холод металла.

На запястье мага оказался надет браслет. И от его прикосновения к обнаженному телу я вздрогнула.

Ден же, не отстраняясь, посмотрел мне прямо в глаза. Его рука вынырнула из-под полы моей рубашки. Он поднес свое запястье на уровень наших лиц, так что я смогла увидеть браслет, со словами:

– Мне сегодня в лечебнице его так и не сняли. Сказали, что еще не все кости срослись и стоит поносить еще сутки. Так что магия во мне сейчас заперта. Я ее не слышу. И ты тоже.

А до меня дошло, какой ответ услышал в моем вопросе Стилл. И все оправдания, что это все притяжение собственного дара, который сейчас заключен в чужом теле, потеряли силу.

Я чувствовала, как под моей рукой, которая лежала на груди Дэна, под сильными, напряжёнными мышцами бешено стучит сердце. И его ритм вторит моему пульсу.

Мы, взъерошенные, тяжело дышавшие, в полурасстегнутой одежде, смотрели друг другу в глаза. И это было интимнее любых ласк, откровеннее любых поцелуев. Потому что сейчас мы обнажали друг перед другом не тела, а души.

Пальцы Дэна осторожно коснулись моей щеки. Словно он был слепцом, что запоминает лица по их очертаниям, на ощупь. А я точно так же дотрагивалась до него, но взглядом.

– У нас получится начать сначала? – спросил неожиданно Дэн.

– А разве мы уже дошли до конца? – произнесла я.

– Еще нет. Но мы будем вынуждены. Чужая магия внутри нас с каждым днем становится все более неуправляемой. А завтра с меня снимут ограничители.

– И завтра же – последний день, когда все можно исправить, – напомнила я.

А сама невольно подумала, что будет потом. Страж, словно прочтя мои мысли, ответил:

– А после я хочу, чтобы ты не исчезала из моей жизни. И сделаю все, чтобы так оно и было, – категорично добавил маг.

Видя изумление на моем лице, Дэн пояснил:

– Как я догадался, о чем ты думаешь? – усмехнулся он. – У меня в голове бродят точно те же вопросы, и...я не хочу получать на них иные ответы, кроме как тот, который озвучил.

– А меня ты не спросил? – Я упрямо вскинула подбородок.

– Несколько раз спрашивал.

– Да? Я не заметила.

– Значит, тебя нужно поцеловать еще раз. И не один, а парочку. Для верности...

В этот момент я поняла, что девушки и парни под «спрашивать» понимают совершенно разные вещи. Мы – разговор. Они – действия.

– И ты точно не была против.

Захотелось огреть этого мага чем-нибудь потяжелее: наковальной там, гранитной плитой, небоскребом на худой конец... чтобы перешибить его непоколебимую самоуверенность.

– Ну знаешь! – я возмутилась.

– Извини, – покаянно произнес Дэн, хотя сожаления в его голосе не было и на унцию. – Но ты такая милая, когда злишься...

– Еще одно слово – и получишь бонус в виде дефиса между двумя датами: рождения и сегодняшней, которые будут выгравированы на надгробии.

Поняв, что еще немного – и я действительно психану, Дэн посерьезнел.

– Чем я могу загладить свою вину?

Если он рассчитывал на милый девичий каприз, задавая этот вопрос, то просчитался. Я была девушкой практичной.

– Как насчет репетиторства?

Услышав это, страж просиял, как будто я ему что-то авансом пообещала. Раздавшийся сигнал, оповещавший о начале ужина, заставил меня вздрогнуть. А потом вспомнить, в каком мы виде, где и... Спустя какое-то время я и Дэн все же выбрались на парковую дорожку. Мои волосы были заплетены в аккуратную – волосок к волоску – косу, рубашка заправлена, куртка – без единой складочки. Страж и вовсе был образцом ношения студенческой формы. Одним словом, наш вид вызывал столько же подозрений и вопросов, как если бы мы были взлохмачены и неряшливы.

А еще мы держались за руки. И казалось, что в ладони Дэна не только мои пальцы, но и я вся. А после ужина Стилл объяснил мне тему по зельеварению, которую я этой ночью собралась брать штурмом самостоятельно. И проводил до крыльца общежития... Одним словом, сделал все, чтобы я, засыпая (первый раз спокойно и до полуночи!), улыбалась. А я действительно была счастлива, еще не подозревая, какие испытания мне готовит день грядущий.

А пока он не наступил, мне снился сон. Такой, после которого я проснулась на полчаса раньше пробуждения в поту, с бешено бьющимся

сердцем и с пылающими от смущения щеками. Виноват в этом был Дэниэл Стилл! Только он и его развратный вид.

Лори и Дара безмятежно спали еще в своих постелях, когда я вышла из комнаты, чтобы принять душ. Вернувшись, тихо оделась и начала собирать вещи, когда по территории академии раздался сигнал, оповещавший о том, что пора вставать.

Надо ли говорить, что на завтрак я направилась одной из первых, решив, что утро, свежий воздух и избыток времени отлично сочетаются с дальней дорогой к столовой. Путь проходил мимо живописных раскидистых кленов, низких разлапистых туй, стройных кипарисов и места неофициальной курилки.

Дымить на территории академии было нельзя, но... Когда нельзя, просыпаются и тяга к приключениям, и спортивный интерес, и уязвленная гордость вкупе с бунтарским духом, которые все вместе можно назвать одним словом – хочется! Поэтому за углом продуктового склада порой стояло несколько адептов с сигаретами. А сегодня там и вовсе был один. Он с наслаждением затягивался, прикрыв глаза. Я уже было хотела отвернуться и пройти побыстрее мимо – не люблю табачный дым, – но пригляделась... Так и есть! Это был мой сокурсник, а по совместительству – последний тип из списка «кандидатов в сыновья канцлера».

Я невольно замедлила шаг, пристально разглядывая того, кто еще недавно при моем самозванстве в канцлерские отпрыски смотрел на меня уничижительным взглядом, будто я прыщ, выскочивший на самом кончике носа перед свиданием.

Сейчас рыжий меня не видел, стоя вполоборота и опустив веки. Я отметила прямую спину, широкий разворот плеч, уверенные отточенные движения хищника, который везде чувствует себя главным.

Мог ли он быть сыном канцлера? Вполне. Манера держаться у рыжего так точно отдавала силой, уверенностью, легким чувством превосходства. Одним словом, всем тем, что так присуще высшим. Он? Или нет? Наследник рода Толье. Угадала ли я? Ведь если я права, то смогу предупредить сына канцлера, что за ним идет охота. А если...

Тут мой взгляд опустился на уровень чуть ниже талии рыжего, где пальцы расслабленной руки зажали сигарету. Дело было даже не в том, ЧТО рыжий держал, а КАК.

Силь курила редко. Напоказ, как говорила сама подруга. Она предпочитала не затягиваться, а лишь изящно держать сигарету, сигару или мундштук, считая курилку отличным местом, где можно свести знакомство с нужными людьми поближе, побеседовать тет-а-тет. Хотя сама тщательно следила за своим здоровьем, особенно голосом, и без надобности никогда не курила, не превращая нужный по работе навык в пагубную привычку. А вот отточить каждый жест с «дымящим реквизитом» до совершенства – это обязательно!

Помню, Силь как-то потратила целый день для того, чтобы отрепетировать эффектную позу с мундштуком. А потом еще два дня на то, чтобы у нее получался эффектный выход из машины.

Сейчас мне вспомнился наш с подругой разговор. Тогда я спросила, зачем ей изображать, что она курильщица. Она мне тогда все подробно объяснила и о кулуарах, и о том, как завязывать нужные знакомства. А еще прочла целую лекцию, посвященную правильной позе, прищурю, манере держать сигарету.

Так вот, аристократы никогда, по словам подруги, не зажимали никотиновые палочки, присогнув большой и указательный пальцы. Это был признак не просто дурного тона, а признание того, что ты обычный работяга с окраины или вовсе...

Только вытянутые указательный и средний.

И я бы поняла, если бы этот жест рыжий использовал, стоя с адептами, которые держат сигареты так же – большим и указательным. Чтобы не выделяться. Но когда ты один и нет нужды играть роль... Значит, именно так рыжий и привык курить.

Неужели я снова ошиблась? Демоны! И кандидатов не осталось. Что же дел...

Рыжий резко вскинул голову. Наши взгляды встретились. И я увидела серо-голубые глаза, в которых блестела оточенная сталь.

Я невольно сглотнула и заставила себя приветливо кивнуть сокурснику. Он криво усмехнулся в ответ и резким выверенным движением кисти отправил окурочек в полет в урну. А затем зашагал в мою сторону.

Глава 20

Внутри меня возникло желание развернуться и пуститься наутек. Оно было безотчетным, но таким ярким, что я с трудом удержалась от того, чтобы не развернуться на каблуках и не помчаться прочь. Все же это выглядело бы со стороны, по крайней мере, странно. Поэтому я осталась стоять, ожидая приближения рыжего и пытаюсь выдавить из себя приветливую улыбку: все же это мой сокурсник.

Но по спине все равно пробежал холодок. Отчего-то некстати вспомнилась та ночь, когда мы наткнулись на ликвидатора и его заказчика.

– Привет, Роук, – широко и как-то хищно улыбнувшись, заговорил он и вроде бы в шутку добавил: – Или не Роук, а Толье?

– И ты туда же! – вместо ответного приветствия фыркнула я, и мы двинулись в сторону столовой. – Я уже сотню раз пожалела, что тогда ляпнула эту чушь. Хотела позлить тех двух зубоскалов на задней парте. А мне этот розыгрыш вышел боком. Теперь еще и ты... – я замолчала, сообразив, что понятия не имею, как зовут парня.

Он правильно догадался о моей заминке и представился без моего неуклюжего вопроса:

– Бэн Дирк.

– Дирк – с северного диалекта значит «зачинщик»? – неожиданно (в первую очередь для самой себя) припомнила я.

– Кто-то прилежно учил шимский, – прокомментировал мою реплику рыжий. – Только правильнее не «зачинщик». А «начинающий первым». – И, меняя тему разговора, Бен кивнул в сторону тропинки: – Давай срежем. Так быстрее.

Я на миг заколебалась, но утоптанная, прямая и широкая дорожка выглядела короткой и вполне безопасной. Даже кустов рядом с ней особо не было.

А потом подумала, что так совсем недалеко и до паранойи. Этот Бэн – просто адепт, такой же, как и я. Просто посмотревший на меня косо в первый день учебы. Вот я его и заподозрила. Сначала в одном, теперь в другом...

Тряхнув головой, свернула на тропинку. Рыжий шел рядом, мы болтали о том, кто как поступил и откуда родом. Выяснилось, что Бэн из северного Кронвира. Его отец – рыбак, а мама – домохозяйка. У него три брата и младшая сестренка. И все, как он, рыжие.

Он оказался талантливым не только рассказчиком, но и собеседником. Так что я сама не заметила, как поведала ему о своем поступлении (правда, не упомянув о Дэне и обмене даром), о том, как нечаянно выбила стену кулаком после экзамена...

– Ничего себе! – искренне восхитился Бэн. – У тебя, наверное, уровень под восемьдесят!

Я скромно промолчала, впервые задумавшись, а каким будет действительно МОЙ дар. После того как мы с Дэном проведем ритуал и ко мне вернется магия огня, а не водная... Что-то подсказывало, что гораздо меньше...

«Ну и что!» – решила про себя. Зато это будет только мой дар, а не беснующаяся внутри чужеродная сила. Это главное!

– Так, значит, ты из провинции? И до момента поступления не была в столице? – выдернул меня из размышлений голос Бэна.

– Да, – бесхитростно призналась я.

– Жаль, – вдруг ни с того ни с сего ответил рыжий, словно имел в виду совершенно не число моих посещений Тулуры, а что-то совсем другое.

– Почему? – удивилась я.

– Потому что ты милая девушка, а мне придется тебя убить...

«Так и есть, другое», – отстраненно отметило сознание. Тело уже в этот момент реагировать ни на что не могло. Потому что слова рыжего были отвлекающим маневром. А главным было действие: пока я задавала вопрос и удивлялась услышанному ответу, меня успели незаметно сковать заклинанием. Так что я и пикнуть не успела. Только вытаращить глаза. А в следующий миг меня подхватили сильные руки, перекинули через плечо.

Моя голова оказалась на уровне мужской поясицы. Ноги болтались где-то спереди. И единственное, что я сейчас могла, – это созерцать зад, обтянутый штанами, быстро мелькавшие подметки сапог и ковер из опавших листьев. А еще мой магифон, который вместе с остальными вещами Бэн (или как его настоящее имя) выкинул в кусты по дороге.

Мозг, как будто тоже наполовину скованный парализующими чарами, работал заторможенно. Но даже этого мне хватило, чтобы понять: я действительно оказалась права. Рыжий не являлся сыном канцлера. Он был его убийцей. Вот только вопрос: на кой ему я? Да еще и мертвая?

Жаль, этих вопросов я ему задать не могла. Сознание начало медленно уплывать. То ли это было действие заклинания, то ли просто кровь сильно прилила к голове...

Очнулась я, лежа на чем-то холодном и твердом. Запястья и щиколотки были связаны. Затекали не только руки и ноги – казалось, затекла я вся. Любое шевеление отзывалось болью. Но я все же повернула голову, чтобы увидеть в полумраке склоненную спину и рыжую голову.

Ликвидатор (а кто еще в академии может так легко убивать направо и налево, интересуясь при этом отпрыском Толье) что-то увлеченно вычерчивал на булыжниках. Судя по всему, пентаграмму. И из белых линий на темном полу выходило, что я нахожусь как раз в центре рисунка...

Взгляд метнулся на стену. Старая кладка, поросшая мхом и лишайником, полуосыпавшийся угол – мы явно находились во внутреннем даже не дворе, а дворике древнего полуразрушенного замка. И что-то мне подсказывало: это явно не территория академии.

Надо мной раскинулся квадрат неба со звездами и круглой восходящей луной. Сколько же времени успело пройти? Ведь, когда я потеряла сознание, было еще утро...

Я попробовала шевельнуться и невольно застонала. Тело пронзила такая боль. Перед глазами встала кровавая пелена.

Ликвидатор тут же вскинулся и в следующий миг навис надо мной. Участливо похлопав меня по щекам, приводя в сознание, он произнес:

– Ну-ну... еще не время умирать... Смерть не должна быть напрасной. Ты еще не отдала мне свой дар.

Моя грудь, которую совсем недавно сжал спазм, судорожно вздымалась. Я глотала воздух ртом, боясь, что не смогу сделать следующий вдох, если меня еще раз прошьет такой же болью. Но если в этот момент тело абсолютно мне не подчинялось, то мозг словно проснулся и стал лихорадочно искать выход, анализировать.

Стало понятно, почему я все еще жива: ликвидатор захотел забрать мою магию. Правильно, халявная сила всем нужна. Заодно и объяснение будет, почему умерла адептка-первокурсница: в академии появился один из черных чародеев – последователь древнего запрещенного культа, или еще проще – маньяк. Ведь мое тело наверняка найдут. Начнется расследование, и будут искать психопата, охотящегося за даром. И только те, кто в курсе, поймут: это был намек ликвидатора, что он рядом с наследником и следующим может оказаться сын канцлера.

Я искала наследника рода Толье и потеряла осторожность, не подумала, что сама могу стать чьей-то мишенью.

Из глубин памяти всплыли слова ликвидатора, которые он произнес своему заказчику про устранение того, кто окажется рядом с сыном Толье. Вот, выходит, я и оказалась «тем самым». Или все из-за моих собственных слов? Не зря же рыжий начал наш разговор с шутиwego вопроса: Роук я или нет?

– А что будет после? – я все же смогла разлепить губы и просипеть – еле слышно, но все же – свой вопрос.

Ликвидатор его услышал.

– А после – твоя смерть послужит предупреждением тем, кому нужно.

Эти слова лишь подтвердили мою догадку.

Я посмотрела в лицо своей смерти. Оно, это самое лицо, было бесстрастным. Куда-то исчезли юношеские черты, делавшие ликвидатора моим ровесником. Сейчас надо мной навис мужчина. Сильный, опасный, безжалостный. И самое страшное – для него в происходящем не было ничего личного, только заказ. Только деньги. И да, мой, который не совсем мой, дар – отличный бонус и неплохой способ скрыть истинные мотивы от посторонних.

Я прикрыла глаза. Смирилась ли я со своей ролью в этой игре? Нет. Я не желала быть разменной монетой, примером, уроком кому-то из высших. Тем более посмертно. И влезать в эти политические интриги тоже не хотела. Но так получилось. И сейчас надо отсюда как-то выбираться.

Попыталась призвать свой дар. Он откликнулся. Слабо. Вяло и как-то очень странно. Словно его что-то тянуло из меня наружу. Сила вытекала тонким, почти незаметным ручейком.

Ликвидатор уже начал ритуал?

Скосила глаза в сторону, туда, где рыжий маг вновь принялся вычерчивать на брусчатке символы. Вроде нет... Но почему тогда...

Додумать я не успела. Ликвидатор поднялся, подошел ко мне и, раскинув руки в стороны, стал зачитывать строки заклинания.

Воздух вокруг загудел. Наполнился магией и смертью. Из вершин пентаграммы поднялись столбы света, залив все вокруг ядовито-алым сиянием. В воздух против закона гравитации начали подниматься мелкие камешки, щепка, мусор. Волосы и одежда на маге затрепетали, забились, будто в истеричной агонии.

А потом мое тело словно напололам расколола дикая, непереносимая боль. Огнем горела каждая мышца, каждый мускул, каждый волос. Тело приподнялось над каменным полом и выгнулось дугой. Казалось, из моей груди вырывают не только силу, но и саму жизнь.

Я кричала. Я задыхалась. Я умирала. И когда в кровавом мареве я почувствовала, что кто-то то ли зовет, то ли тянет меня, решила, что это один из усопших предков.

Я не знала, что будет там, в посмертии, но сейчас истово этого желала: лишь бы все кончилось... И все действительно кончилось. Только не совсем так, как планировал ликвидатор.

Поток чистой, неразбавленной силы, даже не оформленной в заклинание, смел мага, впечатав его в стену так, что в том месте, куда пришелся удар, пошли трещины. Даже если тело упало бы с десятого этажа, разрушений было бы меньше. После такого не выживают.

Волна боли, накрывшая меня, резко схлынула. Я с усилием повернула голову и увидела Дэна, стоявшего в выломанном проеме, где раньше были ворота. В руках страж держал серебристую тонкую нить поискового заклинания, которая, касаясь пола и там истончаясь до волоса, тянулась ко мне.

– Ники! – Ден подбежал ко мне и склонился, лихорадочно меня осматривая. – Как ты?

– Как восставший зомби. Ничего не чувствую. И хочется обратно в гроб. – Я нашла в себе силы улыбнуться. – Как ты меня нашел?

– Меня сюда привела твоя магия...

Ну да... Магия. Моя сейчас текла в его жилах, а дар Стилла бежал по моим венам или... Уже нет? Я попробовала ощутить его – и не

смогла. А это значит, что у ликвидатора оказалась и собственная магия, и сила, которую он у меня отнял...

Мой взгляд метнулся от Дэна к тому месту, куда упало тело ликвидатора, и...

– Берегись! – только и успела крикнуть я.

Стилл среагировал мгновенно. В щит, который в последний момент успел выставить страж, ударило заклинание убийцы. Яростное, сжигающее все и вся пламя. Сейчас нас от того, чтобы заживо в нем сгореть, отделяло лишь плетение Дэна. Он держал его, неотрывно глядя на противника, который явно превосходил его и в силе, и в опыте. А еще, судя по всему, противник позаботился и прихватил с собой артефакты. Иначе бы от удара он уже умер. И если один из них смягчил удар, то браслеты-накопители щедро делились своей силой с хозяином. Натиск ликвидатора становился все мощнее и яростнее.

Дэн держал удар. Но надолго ли его хватит?

– Ники, можешь двигаться? – напряженно спросил Дэн.

Кивнула. Даже если бы сейчас я могла шевелить лишь мизинцами рук, я бы все равно согласно закивала. И поползла бы, куда скажет Дэн. Потому что если он спрашивает, значит, ему это нужно и важно.

– Тогда беги. Я его задер...

Он не успел договорить. Ликвидатор кинул в сторону какой-то артефакт. Тот брызнул веером осколков, над которыми за клубился дым. А когда он развеялся, то мы увидели демона. Ничего себе! У этой рыжей сволочи был закупоренный в амулете демон черных пустошей? И сейчас эта тварь, вырвавшись на свободу, ощерила на меня и Дэна клыки.

– Я отвлеку! Спасайся! – прикрикнул на меня, начавшую подниматься на колени, Стилл.

– Спасаться? – прорычала я. Что этот стаж о себе возомнил? Нет уж, геройство – дело коллективное! – Я предпочитаю спасать! Я отвлеку тварь. Ты – уничтожь ликвидатора.

Не дав Дэну возразить, я помчалась в сторону твари и на полпути резко вильнула вбок.

Демон, уже решивший, что добыча сама прыгнет к нему в пасть, видимо, оскорбился от подлости и приткности провианта, который вдруг сменил маршрут. Тварь удивленно и обиженно рыкнула,

помотала рогатой башкой, напружинила шесть своих лап и, оскалив пасть, полную клыков, рванула в мою сторону.

А я сообразила, что забеги по прямой – не мой конек. Особенно если впереди маячит не дверь, а глухая стена.

Я мысленно взвыла и заложила очередную петлю. В вечерних сумерках очертания предметов сливались, образуя причудливые формы. Поэтому я разглядела полуобвалившуюся лестницу, когда она оказалась практически у меня под носом.

Вариантов было немного. Справа в паре футов маячила глухая стена, уходившая вверх на пару этажей. Слева – груда камней, на которых даже в ясный день подвернуть лодыжку или сломать ногу – раз плюнуть. К тому же что-то мне подсказывало, что демон будет чувствовать себя на этих развалинах куда проворнее и вольготнее, чем я, которой грозит застрять в расщелине камней при каждом шаге. Позади была сама тварь. А вот впереди маячила стена, по которой вверх по диагонали шли ступени.

И я с разбегу запрыгнула на нижнюю из них и ринулась наверх, не думая о том, что тоже попаду в ловушку, но чуть позже, когда доберусь до зубцов стены... Потому что эта ловушка пока призрачна, она лишь в перспективе. А остальные варианты смерти – они прям сейчас.

Обветшалые ступени под моим не столь уж и большим весом обваливались песком и каменной крошкой. Я то и дело цеплялась за стену, чтобы не свалиться. Но твари, которая была тяжелее и преследовала меня, приходилось еще хуже. В какой-то момент, когда под ней ухнул вниз целый блок ступени и мохнатое тело полетело вниз, я даже успела обрадоваться. Жаль только, что рано. Гадина из пустошей успела ухватиться зубами и передними лапами за скол и, суча задними, подтянулась.

А затем и вовсе продолжила погоню. А я ринулась от нее, внезапно подумав, что изречение целителей о том, что занятия бегом способствуют укреплению здоровья и долголетию, имеют самый буквальный смысл: убежал – значит, выжил!

Лестница кончилась. Я лихорадочно огляделась. С высоты внутренний двор смотрелся еще меньше – не больше тридцати шагов в ширину и примерно столько же в длину. С другой стороны каменной кладки между полуразрушенными зубцами виднелись только валуны и вдалеке – разрушенная почти до основания внешняя крепостная стена.

Позади слышался рык твари. Одним словом, даже если бы хотела – не свернуть. Только вперед. Туда, где маячила дверь, ведущая в сторожевую башню.

Я устремилась туда с энтузиазмом тарана. Тварь – за мной.

Забег был недолгим, но звучным. На последних футах я, закладывая петли на манер пьяного в хлам зайца, резво вильнула в одну сторону, едва не вывалившись меж зубцами, потом в другую и, лишь в последнюю секунду удержавшись на самом краю и не грохнувшись во внутренний двор, чудом вписалась в дверной проем башни. А вот демон – нет. И смачно врезался в косяк. Тот и так был ветхим, а удар его доконал. Раздался громкий хруст, треск, и на башку мохнато-рогатой гадине свалилась еще и притолока. Поперечина ударилась о рога и нанизалась на них, точно сарделька на двузубую вилку.

Демон зарычал: новое «украшение» ему явно мешало. Но передней лапой просто так не снималось. Поэтому тварь наклонила голову и поперла на меня, точно грейдер. Бульдозер какой-то с демонской сущностью, чтоб его... Демонозер!

Я близкое знакомство с этим чудо-агрегатом сводить не желала, потому завертела головой в стороны, ища путь к отступлению. Тот нашелся в виде еще одной лестницы. На этот раз винтовой и неприлично узкой. Но мне привередничать не приходилось.

Мы промчались так с демоном несколько этажей. И хотя тварь, благодаря нанизанной на ее рога доске, порой застревала в проходе, ее ни разу окончательно не заклинило, чему я искренне огорчилась.

Впереди было еще несколько витков лестницы. И я даже знала, чем они закончатся в лучшем случае для меня – выходом на крышу. Так и оказалось. В маленькое слуховое окошко я буквально ввинтилась. И очутилась на краю остроконечного шпиля. Площадка была не широкой – ровно чтобы поставить ногу.

Я обернулась: позади вдалеке столица сверкала огнями, на небе сияла луна, а из окошка, через которое и я-то протиснулась с трудом, на уступ выползала тварь.

Она победно оскалилась, зарычав. Мы обе понимали, что мне никуда не деться. Я в любом случае найду свой конец сегодняшней ночью: либо в пасти нечисти, либо на камнях, грохнувшись на брусчатку.

«И почему мне так не везет с высотой?» – успела подумать перед тем, как посмотрела вниз. Там во внутреннем двореке ожесточенно бились ликвидатор и Дэн.

На миг Страж вскинул голову, словно почувствовал мой взгляд. А потом взмахнул рукой, отвлекаясь от боя и подставляясь под удар. Но из его ладони вырвалось плетение, и... сбоку от меня появился круг переноса. Языки алого и голубого пламени переплетались между собой, образуя воронку.

Это был не совсем портал: и точка входа, и точка выхода должны были быть одновременно в зоне видимости мага. А еще обычно так перемещали лишь небольшие предметы. Но и так использование этого заклинания жрало уйму сил и требовало запредельной концентрации.

– Прыгай! – я скорее поняла, чем услышала крик Дэна.

И не думая нырнула в воронку. Тварь – за мной.

Только вышли мы в разных комплектациях. Я выпала перед Дэном целой, демон – наполовину. Вторая часть твари грохнулась секундой позже. С уступа крыши той самой башни, на краю которого мы еще секунду назад балансировали. Телепорт рассек мохнатое тело надвое.

Только и противник Стилла не дремал. И когда страж, занятый мной, на секунду открылся, ударил по нему заклинанием. Только там уже стояла я...

Страж не успевал создать новый щит. И Дэн сделал то единственное, что успел: в развороте дернул меня на себя и закрыл своей спиной от удара.

Но даже несмотря на это я почувствовала отдачу заклинания. Казалось, оно пронзило меня вместе со стражем. Дэн... Не-е-е-т! Осознание, что я его теряю, что не увижу больше никогда, рассекало меня на куски, рвало в клочья.

И я не сразу почувствовала, как Стилл резко повернул корпус, одновременно вскинув руку. С его пальцев в полет сорвались ледяные копья.

Ликвидатор допустил ту же ошибку, что и Дэн, – раскрылся. Только страж сделал это вынужденно, спасая меня, а убийца – в момент, когда считал, что противник уже повержен. И за это поплатился. Несколько смертельных острых сосулек прошли его насквозь.

Маг пошатнулся и упал. И я краем сознания отстранённо заметила, что его мертвое тело осело как раз в центр вычерченной пентаграммы. Туда, где не так давно лежала я.

Но это мне сейчас было безразлично. Все мои мысли были о Дэне – страже, который сумел выиграть этот странный бой, но не выжить. Обмануть противника и из последних сил нанести удар.

Стилл, не в силах держаться на ногах, медленно опустился на колени. Его куртка и рубашка были изодраны в клочья. Я чувствовала запах жженой плоти и крови.

Глава 21

Смотрела на его бледное напряженное лицо и не представляла, чем можно помочь. У меня даже не было магии...

– Ники. – Стилл посмотрел на меня, словно прощался навсегда.

А мои руки сами потянулись к нему, обняли лицо, скулы. Пальцы зарылись в короткие светлые волосы. На моих щеках были дорожки слез. Я плакала беззвучно. Казалось, в этот миг я онемела. Навсегда.

Дэн чуть качнулся, я подалась навстречу, и его лоб стукнулся о мой.

Мы сидели на самом краю пентаграммы, в центре которой лежало тело, пронзенное начавшими таять ледяными копьями. Мне почудился слабый, агонизирующий стон ликвидатора. Но ни один амулет не сможет помочь, если в груди зияет сквозная дыра диаметром с мой кулак.

– Я никому и никогда не позволю причинить тебе боль. – Его горячее дыхание поцеловало мои губы, а мужская рука накрыла мою ладонь, прижатую к мужской скуле.

– Не бросай меня. Пожалуйста, – все же смогла произнести я. Голос был похож на воронье карканье – такой же надсадный и хриплый.

Я повернула руку, ту, что Дэн накрыл своей. Наши ладони прижались друг к другу, пальцы переплелись, сцепились в один замок. Я не отпущу его. Ни за что. Никогда. Даже если он шагнет в посмертие – я пойду за ним, чтобы вернуть.

Не знаю, откуда взялась эта убежденность. У меня даже не было магии сейчас... Или была? Я потянулась к дару – тому, который сейчас был в Дэне и выжигал его изнутри. Его ладонь была горячей от этого огня. Сейчас Дэн был слаб, он не мог подчинять себе чужой дар, поэтому тот подчинял себе мага.

Я сосредоточилась на собственной силе, что текла по венам Стилла. Хотела призвать ее, попытаться заставить свой дар исцелить Дэна, но...

Сила. Моя сила хлынула внутрь меня, словно река, пробившая дамбу. И в голове всплыли слова Дэна о ритуале обмена: сильный дар

стремится вытеснить слабый, занять его место... А во мне сейчас был слабее некуда – нулевой.

– Нет! Куда! – выкрикнула в отчаянии и ударила рукой о камень, как раз в вершину одного из лучей пентаграммы, и рассекла руку.

Я готова была отдать не только свой дар, но и душу, умереть вместо него... Лишь бы Дэн был жив! Но сила не слушалась меня, текла обратно к своей хозяйке. И...

Я не сразу поняла, что пентаграмма начинает светиться. Оказалось, что я не только окропила рисунок на камнях своей кровью, но и напитала его силой огня.

А что, если... я не могу вернуть свой дар Дэну, но если сила так стремится к хозяину, то...

– Только бы ты еще не сдох до конца... – глянув на ликвидатора, прошипела я.

Самым тяжелым оказалось поместить тело Дэна туда, где по ритуалу не так давно стоял мой убийца, вырывая дар из груди.

Я не была ни в чем уверена. Но это был шанс!

Строки заклинания вспыхнули в сознании сами собой. Дикая, нестерпимая боль выжгла их в моем мозгу. Каждое слово как раскаленное тавро. В этот миг мне казалось, что даже на смертном одре я забуду все, кроме этого.

Я повторяла их четко, громко и уверенно. А еще вливала всю себя в рисунок пентаграммы. Пусть только водный дар Дэна вернется к нему, пусть залечит его раны...

Тело ликвидатора приподнялось над землей, выгнулось дугой. Из груди мага вырвался луч, на миг взмыл вверх и, резко меняя траекторию, ударил в стража, рядом с которым на коленях сидела я.

А я ощутила невероятную тяжесть в теле: ритуал и пентаграмма, казалось, выкачали из меня всю энергию...

Последнее, что я увидела, – это то, как Дэн открывает глаза. А потом мир накренился, и я упала...

Мне казалось, что я лечу во тьму бездонной пропасти, а потом меня качает на волнах сама мгла. Здесь было спокойно. Никаких эмоций, переживаний. Лишь безмолвие, безветрие, вечная ночь...

И только голос, звеневший злым отчаянием. Он был знакомый, звавший меня откуда-то издалека:

– Кто клялся, что ни за что и никогда не оставит меня и шагнет в посмертие, чтобы вернуть... А сейчас сама уходишь.

Хотелось возразить, что я такого не говорила, лишь подумала. Или все же сказала, но сама не заметила? Но никого рядом не было. А желание возразить все росло. Николь Роук держала свое слово. Всегда. И вообще, я никуда не уходила, только немножко на волнах прилегла отдохнуть. Вот сейчас встану и как пойду искать того, кто подслушивает чужие мысли! Уши надеру! Реальные или ментальные – какая разница. Нечего в моей голове ковыряться.

Но сделать задуманное оказалась тяжело. Туман, на волнах которого я качалась, едва попробовала подняться, вдруг превратился в вязкое, топкое болото. Каждый шаг давался с трудом. Но я была упряма. Однако и путь, по ощущениям, бесконечным.

Я брела и брела. И моей путеводной звездой в этом непроглядном мраке был голос. И когда он исчез, я уже знала, чувствовала направление: мой путь туда. С каждым шагом боли было все больше.

Мгла рассеивалась медленно. Нехотя, будто не желая меня отпускать. А потом тьма уступила место свету. Сначала это была просто белизна. Но потом в ней начали проступать очертания. Балка, светлый плафон светильника...

И я поняла, что все это время лежала с открытыми глазами. Только до этого они были слепы. А сейчас начинали видеть.

Едва я перевела наконец-то сфокусированный взгляд на прикроватную тумбочку, как тут же по ушам ударил звон оповещающего артефакта. И хотя звук был не сильный и даже слегка мелодичный, моя голова была готова расколоться надвое.

Спасение пришло из раскрывшейся двери в лице уже немолодого лекаря.

– Вот вы наконец и пришли в себя, – произнес он, отключая сигналку. – Надежды, что вы сумеете выбраться из комы, были ничтожно малы. Но вы сильная девушка, боец, сразу видно – будущий страж. Справились! – бодро начал целитель.

Он, отвлекая этим нехитрым разговором, быстро и аккуратно осматривал меня. Скупые, выверенные движения, едва заметные пассы... Но меня не волновало собственное самочувствие.

– Дэн... – всего одно слово далось с небывалым трудом.

– Жив. И, в отличие от вас, все это время был в полном сознании. Только на спине ему еще долго нельзя будет лежать. Все же повреждения и ожоги серьезные. Хотя если бы не родовые защитные артефакты, то адепт был бы сейчас не моим пациентом, а клиентом некроманта. Но все обошлось.

Я порадовалась такой словоохотливости мага жизни. Пусть какие хочет манипуляции проводит, отвлекая меня. Лишь бы говорил. Но тут меня ждало разочарование. Первичный осмотр оказался закончен.

Целитель поднялся с края моей койки, на котором до этого сидел, и попрощался, пообещав вскоре заглянуть и строго-настрого приказав набираться сил и спать.

Я хотела было возразить: какой спать! У меня столько вопросов, тревог, но...

То ли я не заметила чар дремы, то ли организм и вправду нуждался в нормальном, а не коматозном отдыхе, но, так или иначе, я сама не заметила, как мои веки потяжелели и опустились.

А следующее пробуждение состоялось оттого, что я сквозь сон ощутила на себе пристальный взгляд. В нем не было опасности, но все равно он не давал покоя. Поэтому я вынужденно открыла глаза.

На стуле рядом с кроватью сидел Дрон. Только сейчас что-то в облике приятеля неуловимо изменилось. Куда-то делись угловатость и неуклюжесть, растрепанные вихры лежали волосок к волоску, но главное – осанка, манера держаться... Щуплость превратилась в поджарость, в каждом движении сквозила хищная грация. Холодная сталь отразилась на миг в карих глазах Дрона. Или?

– Я так понимаю, передо мной наследник рода Толье, – произнесла я официальным тоном.

Дрон, который не Дрон, на это ничего не ответил. Но по его взгляду поняла: угадала.

В палате повисло молчание. Но ни я, ни аристократ не торопились его нарушать. Спустя минуту Толье все же заговорил. И его слова оказались для меня весьма неожиданными.

– Поначалу я полагал, что ты и есть убийца, нанятая, чтобы прикончить меня.

– Ну знаешь... – как ни была я слаба, силы возмутиться все же нашлись.

– Одно твоё провокационное заявление перед первым занятием чего только стоило, – не смутился аристократ. – Представь себя на моем месте. К тебе подсаживается уверенная в себе, явно сильная магичка и тут же упоминает имя твоего отца. Причем не мимоходом, а прицельно. Что должен был подумать я, зная, что за мной идет охота?

– Вообще-то я так пыталась спровоцировать сына канцлера. У меня, между прочим, после этого целых четыре кандидата на эту роль появились. Только один из них оказался настоящим убийцей, – печально призналась под конец речи.

– И кто же были остальные? – с интересом спросил Толье, и в оживившемся собеседнике я вновь увидела черты баламута Дрона.

– Брас с Тибальдом и Магнус.

Называя эти имена, я никак не ожидала такой реакции. Толье закашлялся, словно подавившись. И лишь потом пояснил:

– Ты все разы почти попала.

– Как? – не поняла я.

Но вместо того, чтобы пояснить что-то опешившей мне и ответить на пресловутое «как», Толье спросил:

– Интересно, и почему ты отмела их кандидатуры?

Вот ведь аристократ! Не желает делиться информацией, хочет только получать. Я скривилась, но вынужденно пояснила. Да и не тайна это была вовсе.

– Магнуса – по рукам. Он без перчаток сорняки полел в оранжерее. И руки у него были... простые, в общем, руки, рабочие.

– Хорошо, моего телохранителя выдала его привычка работать голыми руками. А Браса и Тиба?

– Так их действительно так зовут? – Меня бесила эта манера мягкого допроса, когда один только задает вопросы, а второй лишь на них отвечает.

Аристократ, видимо, что-то такое почувствовал в моем тоне и на этот раз ответил:

– Да, это их настоящие имена. Так на чем они прокололись?

– Слишком слаженно дрались в дуэли. К тому же у одного из них была татуировка на теле...

– И когда ты ее успела разглядеть? – усмехнулся Толье.

– Не я, Дэн. В лазарете. Он с этими двумя агентами лежал после поединка.

– Да уж, я в курсе, что Стилл с ними задружился. Даже номерами магофонов обменялись.

Я удивленно вскинула брови, потому что мне показалось, что этот факт весьма уязвил Толье. Но, как выяснилось из его дальнейших слов, дело было в другом.

– Кстати, именно их твой Дэн и позвал на помощь после вашей эпохальной битвы с наемником на развалинах крепости Руфор.

Мне это название ни о чем не говорило, но я сделала пометку, что стоило бы прочитать про то место, где я чуть не отдала четырем богам душу.

– Хотя я не могу судить Стилла, сам поступил бы так же: если есть знакомые тайные агенты, то лучше обратиться к ним, чем к законникам, которые могут арестовать заодно всех, до выяснения обстоятельств. Но вот то, что Брас с Тибом даже не поставили меня в известность, паразиты... – недовольно выдохнул аристократ. – Тихо забрали тело ликвидатора в свои застенки для допроса некромантом. А Стилла и твое почти бездыханное тело отвезли в центральный лазарет столицы. И я только на следующий день узнал, что с тобой случилось.

– Переживал? – спросила я. Мой голос сочился сарказмом и был так сух, что казалось: на зубах заскрипели пески южной пустыни.

– Ты пострадала из-за меня. Тебя хотели убить мне в назидание. Точно пока не известно, почему наемник выбрал именно тебя. Возможно, он вычислил меня и взял того, с кем я успел сблизиться. Или все дело в твоих словах про то, что ты дочь моего отца... В любом случае я перед тобой виноват. Поэтому спрошу прямо: как я могу искупить свою вину?

Захотелось съязвить, что после того, как люди изобрели деньги, выражать благодарность стало куда проще, но вместо этого вырвалось совершенно другое:

– Скажи, ты во всем лгал и притворялся? В дружбе, в симпатии? И Лори тоже часть «прикрытия»? – вспомнилось вдруг, как они оживленно спорили в парке.

– Лори – хорошая девушка. Но она интересовала меня только как источник опасности. Дочь государственного преступника. Нужно было выяснить, чего от нее ждать, какой угрозы.

– И как, выяснил?

– Мой отец составит ей протекцию в трудоустройстве.

Всего в одной фразе Толье умудрился сказать все. И то, что считает Лори «безопасной», и то, что чувствует перед ней вину... Все же не такой он холодный, расчетливый и циничный гад. Хотя и гад еще тот!

– У тебя отлично получилось изобразить чувства к Лори, – все же не удержалась я.

– Демонстрировать то, чего, в сущности, не испытываешь, – такому высших приучают с детства, – пристально глядя мне в глаза, произнес Толье. – Это очень помогает в будущем, когда заключаешь договорной брак по расчету.

– К чему ты мне это говоришь?

– К тому, что Стилл тоже один из высших, как и я.

– Это намек?

– Скорее констатация факта. – Толье задумчиво побарабанил пальцами и сменил тему: – Но знаешь, некоторые мои чувства были вполне искренни.

– Да? – я не удержалась от иронии. – И какие же? Голода, холода и морального удовлетворения?

– Нет. – Толье посмотрел на меня. Его взгляд на миг задержался на моем лице. – Ты удивительная девушка, Ник. Отчаянная и смелая, умная и решительная. Ты вызываешь уважение. И в тебе горит огонь, который согревает и манит. Я еще не встречал таких. И хотел бы быть тебе другом.

– Дрон был мне другом. А наследника герцога Толье я не знаю.

– Мортимер, – одними губами улыбнулся он, представляясь заново. – Для тебя Мор.

– Дрон мне нравилось больше, – словно невзначай заметила я.

– Возможно, это и хорошо, нам все же как-никак предстоит еще несколько лет учиться вместе. А сокурсники знают лишь о Дронвире Морфире... – и после этих слов лицо Толье закаменело, словно он вспомнил о чем-то крайне неприятном.

Так и оказалось.

– Ники, я не хотел бы тебе этого говорить, но... Это касается безопасности. Я должен взять с тебя клятву о неразглашении. Стилл уже дал аналогичную.

А я поняла еще одну причину, почему Дэн вызвал агентов, а не законников: Стилл, в отличие от меня, прекрасно осведомлен о

подводных камнях политических интриг. И о том, когда стоит сохранить все в тайне.

Я не стала сопротивляться, понимая: в игре, где ставки слишком высоки, альтернативой клятве может быть устранение. Не физическое. Но, скажем, порошок забвения, что стирает память. Только делает он это не выборочно, а сразу пластом, стирая память о целых годах жизни. И я не хотела бы опасаться, что чья-то рука нечаянно дрогнет над тарелкой с моей кашей и там окажутся эти гранулы...

Дрон... или все же Мор, взяв клятву, ушел. И мне показалось, что он чувствовал себя виноватым. Что ж, так отчасти и было. Хотя в основном это была моя вина: вляпалась по собственной неосторожности во все, во что только могла.

Но не будь всего этого, я бы не встретила Дэна и, возможно, не поступила бы в академию...

Мысли вновь вернулись к Стилли. Как он там? Хотелось его увидеть. Но целитель запретил мне подниматься с постели, пока силы полностью не восстановятся. В основном магический резерв, который сильно истощился. Лекарь недоумевал, где я могла так вычерпать свои силы. Я прекрасно знала где: на ритуале пентаграмма высосала меня почти всю, до доньшка.

Сейчас же резерв медленно восстанавливался. А поскольку уровень дара оказался большим (в лечебницу замерить его из академии приехал Даг Силлеван – преподаватель, что фиксировал мои показатели при поступлении), то и заполнение резерва оказалось делом не быстрым.

Но я все равно шла на поправку быстрее, чем Дэн. Видеться с ним мне целитель разрешил, но не более десяти минут в день. Да и зрелище лежавшего на животе Стилла, спина которого была вся в повязках, было жутким.

Но я все равно радовалась. Он живой. Его дар при нем... а любить я его буду любым. И со шрамами, и без гроша в кармане.

К слову, о деньгах. Как-то вечером, за день до выписки, придя в палату, я обнаружила на тумбочке конверт. Короткая записка сообщала, что на мое имя отныне открыт счет, на котором уже имелась кругленькая сумма.

А внизу под сообщением была короткая приписка: «Знаю, что дружбу деньгами не купишь, но надеюсь, что ты примешь этот

подарок. Я перед тобой безмерно виноват».

Без подписи. Но ее и не требовалось.

Возможно, будь я благородных кровей, этот подарок не приняла бы, но... У меня были младшие братья и сестры, мама, которая трудилась не покладая рук, отец, вечно разрывавшийся между двумя работами и делавший все, чтобы нас прокормить... Я не привыкла разбрасываться деньгами. Но Дрон был прав: купить ими меня он не смог. Я сочла это моральной и физической компенсацией.

А на следующее утро мне позвонила Силь. Она пообещала встретить меня из лечебницы и помочь добраться до академии. В трубку радостно потявкивала Пуся.

Дэн еще оставался в палате: заживление шло медленно, все же ожог был не простым, а магическим. Но я подбадривала его тем, что буду ждать Дэна в академии. И прилежно учиться, чтобы не вылететь (это уже я обещала себе).

В день выписки я слегка нервничала. Не верилось, что все позади, что я уже завтра вновь приступлю к учебе, пусть и с некоторыми ограничениями по здоровью...

Силь принесла мне свои платье и туфли, чтобы было во что переодеться: учебная форма, в которой меня привезли в лечебницу, годилась только в утиль. Мне осталось утешать себя лишь тем, что теперь я могу купить себе новую. Финансы позволяли. Путь и большую их часть я перевела родителям.

Когда я спустилась в холл приемного покоя, то, опережая свою хозяйку, навстречу мне с радостным лаем рванула Пуся. Химера на бегу сменила несколько обликов, и поэтому ко мне на руки запрыгнула пушистая кошечка. Что удивительно, тварюшка даже не похудела. Не иначе как научилась добывать себе корм самостоятельно?

Мы вышли на улицу, где всюду кружил вихрь золотой листвы. Замерли перед сигнальным фонарем. И как только загорелся зеленый, я смело шагнула на продольные линии перехода.

Вылетевшая мне наперерез машина, не сбавляя скорости, понеслась в лобовую. Я успела увернуться, но меня все равно приложило. Я упала на асфальт. Ко мне тут же подскочили Силь и Пуся, заохали прохожие, кто-то попытался запомнить номер машины.

– Нелепая случайность!

– У водителя что, глаз нет?

– Да наверняка залил зенки и не видит! – слышала я крики в мигом собравшейся толпе.

Только я-то знала: тот, кто сидел за рулем, меня прекрасно видел. И специально добавил газу вместо того, чтобы вжать педаль тормоза.

Вот только лицо водителя было скрыто мороком. Я, как ни старалась, не могла вспомнить ни единой черты.

Демоны! Я думала, что неудачные покушения: падение горгульи, дуэль, дикий стул – это дело рук ликвидатора. Но он мертв. И его труп в застенках. Но меня все равно только что пытались устранить!

Конец первого тома